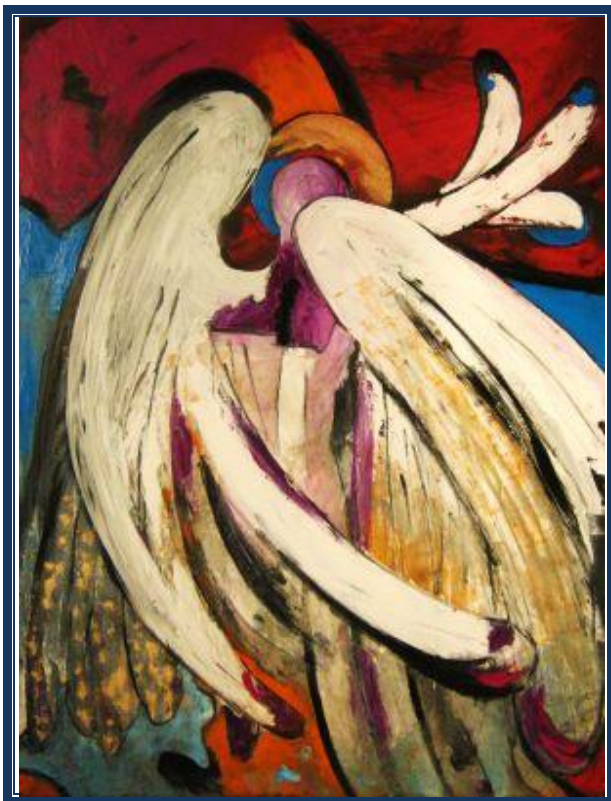

МО
ССА
ЛИТ

BAZAR

С
К
И
Й

№ 1 (15) 2015

Журнал Московского Салона Литераторов www.mossalit.ru

*Tous les genres sont bans,
hors le genre ennuyeux.*

*Все жанры хороши,
кроме скучного.*

Журнал выходит в рамках
проекта «МОССАЛИТ»,
руководитель проекта
Ольга Грушевская

Главный редактор
Светлана Сударикова
Редактор-корректор
Ирина Чижова
Художественный редактор
Ольга Грушевская

Редакционный Совет
Анна Народицкая
Зинаида Кокорина

Для писем
mos.bazar2011@yandex.ru

© МОССАЛИТ

Колонка главного редактора Весеннее обострение мыслей

Весна вторглась внезапно и стремительно, окатив землю теплом и солнцем. Снег стаял, первые ростки вылезли из земли, выставили бутоны подснежники и крокусы. И даже птицы прилетели почти на месяц раньше, будто весна послала им весточку. Но зима не сдалась и взяла реванш. Небо нахмурилось, ураганный ветер закружил стаи прошлогодних листьев, погнал по земле их бурое войско, и в свете вечерних фонарей полетели снежинки, холодные и колючие, как укусы насекомых. Две дамы-рыцаря времен года скрестили клинки. Конечно, весна победит. И будет весенняя распутица, и белая пена

черемухи над водой, и ландыш в лесной чаще, и разноголосое пение птиц теплыми майскими ночами. А потом придет лето, осень... и опять зима выбелит землю, завалит снегом овраги, остановит реки и озера, заметет городские улицы. И снова в свете фонарей полетят снежинки. Холодные и колючие, как укусы насекомых. И так бесконечно. Из года в год. Как оболочка, как стенки сосуда, внутри которого идет жизнь. Жизнь, наполненная тревогами и ожиданиями, торжествами, радостью, несбывшимися надеждами, победами и поражениями. Жизнь, которую нельзя остановить, только двигаться вперед - от детства к старости. Где молодость никогда не возьмет реванша над старостью. Где ничего не повторяется и каждый день новый, не похожий на другие. Где невозможно опоздать или вырваться вперед. Просто жизнь. День за днем...

Но ведь для чего-то нам дана эта смена времен года? Эти повторяющиеся пейзажи цветущих садов, опадающих листьев, проливных дождей и снегопадов за окном на фоне быстрой смены картин улетающей жизни. Словно мы едем в поезде-наоборот, где событие следует за событием внутри самого состава, а за окном все перемены предсказуемы и предопределены. Стационарность окна и бесконечная изменчивость происходящего в поезде, который и есть жизнь. И смена времен года это всего лишь картины на стене в вагоне, где на самом деле окон нет.

Так для чего? В мире, столь досконально кем-то продуманном и прописанном до мелочей, где все на своем месте и нет ни одной лишней детали? А может быть, это та самая машина времени, на которой можно иногда возвращаться в прошлое, чтобы вытащить из пропасти минувших лет нечто важное, что ни в коем случае нельзя забывать, а оно по каким-то причинам забыто?

Бывает, идешь, и вдруг внезапно выпавший снег, или капель и искры солнца на кончике сосульки, или запах духов «L'Eau du Temps», сорвавшийся с плеч пробегающей мимо женщины, одномоментно переносят тебя в прошлое. Нет, не в события, а в ощущения, такие яркие и внезапно свалившиеся, будто ты снова там, в какой-то точке времени и пространства, давно не существующей, на станции, давно оставшейся позади. Но такой важной. И отчего-то забытой. Переполненный теми, забытыми чувствами, силишься вспомнить что-то невероятно значимое, кажется, оно рядом, еще немного - и тебе откроется утраченная истина, но времени отведено так мало; и вот уже снова мелькают за окном знакомые пейзажи - поезд мчится дальше. Но волнение остается. И желание вспомнить тоже. И тоска по прошлому. Где есть ответы на все вопросы: почему и за что. Откуда тянутся нити сегодняшних событий в их нынешней форме и окраске.

Московский BAZAR, № 1 (15) 2015 г.

А может быть, это вращение времен года существует для того, чтобы показать нам, что все в мире повторяется? Все уже до скучного было: влюблялись, страдали, совершали подвиги, предавали. Все старо, как мир. А мир стар, как все вокруг. И этот сумасшедший бег вперед на самом деле перманентное возвращение назад, туда, откуда все начиналось. Ведь мы никогда не знаем, в какую зиму мы вернулись. А может, она всегда одна и та же? Возможно, меняемся только мы, а зимы остаются прежними?

Или эта смена времен года всего лишь дыхание природы - вдох-выдох, вдох-выдох? Только лишь космический пробег планеты вокруг Солнца... или в этом все же скрыта некая тайна...

Но вот снова пришла весна. Она меняет тебя, модернизирует, нацепляет новую шляпку и модные башмачки, вставляет в уши сережки с другим камнем, прибавляет морщинок вокруг глаз и изменяет взгляд, делая его глубже и внимательней. А состав по-прежнему движется, вагоны качаются из стороны в сторону. И в вагонах по-прежнему нет окон, только картины на стене, которые мы меняем в зависимости от шляпок и башмаков. Или башмаки и шляпки в зависимости от картин. Все относительно. Только конечная станция все ближе и ближе, и это абсолютно. Но время еще есть. Оно бесконечно и циклично. Оно есть всегда, чтобы вспомнить все. Может быть, даже что-то подправить, сменить форму и окраску. И на конечную станцию прибыть достойно, не сожалея о недоделанном, недописанном, недовымученном. Станцию под названием «Зима». За которой снова последуют новые весны....

Ваша Светлана Сударикова

**Александр Белугин. Ткань жизни, 2014 ,
проект «Душа на рубашку»**

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТНАЯ ТЕРРИТОРИЯ

ЗНАКОМЬТЕСЬ: Александр Белугин, художник, искусствовед, преподаватель, куратор литературного Клуба «Подвал # 1». **«НЕИЗВЕСТНЫЙ ХУДОЖНИК АЛЕКСАНДР БЕЛУГИН»**
Интервью с А. Белугиным

6

ПРОЗА

ДЖОН МАВЕРИК (Саарбрюккен, Германия)

- ДУША КУЗНЕЧИК
- РЖАВЫЙ ЗОЛОТОЙ КЛЮЧИК

АЛЕКСАНДР СОРОКОВИК (Одесса, Украина)

- И СМЕРТИ НЕ БУДЕТ
- ПРОЩАЛЬНЫЙ УЖИН

ВЛАДИСЛАВ КУРАШ (Киев, Украина)

- НАВЕКИ С ПАРИЖЕМ
- АЙДА В АМЕРИКУ

ВИКТОР ФЕДОРОВ (Находка)

- ШАРИК
- ЖИЗНЕННАЯ СИЛА

ЭЛЕОНОРА КРЕМЕНСКАЯ (Ярославль)

- БОБЫЛЬ

ЭССЕ-МИНИАТЮРЫ

НАТАЛЬЯ БУКАН (Санкт-Петербург)

- ГРИБНАЯ ПОЭМА

НИКОЛАЙ ЗУБЕЦ (Воронеж)

- СОЛНЦЕ НА СПИЦАХ

ЛЮДМИЛА РОСКОШНАЯ (Таганрог)

- ВСЕ В САД

АРТ-КАФЕ

Интервью с художником Инной Мень:

«А ПОКА У МЕНЯ ЖИВОПИСНЫЙ ПЕРИОД...»

ИГОРЬ БУРДОНОВ (МОССАЛИТ, Москва)

- ЗРИТЕЛЬ. Рассказ-бродилка по картинам Инны Мень

16

18

24

29

37

42

51

53

60

63

65

68

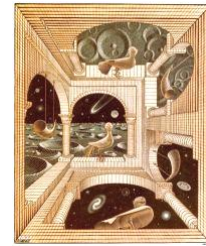
69

75

ПОЭЗИЯ

ЛЮДМИЛА КЛЁНОВА (ЛЮТЕЛЬ) (Ашкелон, Израиль)	83
АРКАДИЙ ЛЯХОВЕЦКИЙ (Кобленц, Германия)	87
СВЕТЛАНА МОИСЕЕВА (Волхов, Ленинградская обл.)	90
ВЕРОНИКА СЕНЬКИНА (Москва)	94
ГАЛИНА ДМИТРИЕВА (Калининград)	96
СЕРГЕЙ ГАМАЮНОВ (Черкесский) (Кисловодск)	99
АЛЕКСАНДР ГРАКОВ (ЛЕКСА) (Краснодар)	103

ГОРОДСКОЙ АЛЬБОМ

ВИКТОР ГУТОВ (Санкт-Петербург)	
• МОЯ ФОНТАНКА	110

70-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ ПОСВЕЩАЕТСЯ

ЕВГЕНИЙ ГЕНДЕЛЬМАН (Москва - Тель-Авив)	
• МОНЕТА ДОСТОИНСТВОМ 10 ЕВРО	
АЛЕКСАНДР СТРЕЛЬЦОВ (Москва)	
• ВАНЬКА-ДУРАК ИЗ СТРАНЫ ДУРАКОВ	129

ДЕТСКОЕ ЧТЕНИЕ

ВИКТОРИЯ ЛУКИНА (Харьков, Украина)	
• ЖИЛО-БЫЛО СЧАСТЬЕ	145

ЗАПИСКИ НА МАНЖЕТЕ

ЯН КАУФМАН (МОССАЛИТ, Москва)	
• ФОТОЯНЧИКИ	148

СТОЛИК У ОКНА

Рубрику ведет АННА НАРОДИЦКАЯ (МОССАЛИТ, Москва)	
• МАРТОВСКИЕ КОТЫ, или ПРЕЛЕСТЬ КАКАЯ ГЛУПЕНЬКАЯ	152

В оформлении журнала использованы
репродукции картин М. К. Эшера, А. Белугина, И. Мень, А. В. Тонкушина,
рисунки В. Лукиной, А. Народицкой, фотографии В. Муратова, авторов фотоклуба «Club Canon».
На обложке репродукция картины А. Белугина «Икар», 2014, оргалит, масло, 80 x 60 см.

ЧАСТНАЯ ТЕРРИТОРИЯ

В рубрике «Частная территория» мы говорим об авторских проектах и уникальных людях, которых считаем интересными и достойными того, чтобы рассказать о них широкой аудитории.

ЗНАКОМЬТЕСЬ: Александр Белугин, график, живописец, культуролог.

НЕИЗВЕСТНЫЙ РУССКИЙ ХУДОЖНИК АЛЕКСАНДР БЕЛУГИН

Александр Белугин учился в Абрамцевском художественном училище на факультете резьбы по дереву, занимался в Текстильной академии дизайном костюма, окончил Пензенское художественное училище по специальности скульптура. Член Союза художников России. Иллюстратор книг и журналов. Преподаватель изобразительного искусства в российских и зарубежных школах с 25-летним опытом работы. Участник российских и международных выставок. Основатель и куратор литературного клуба «Подвал # 1». Основатель графического стиля «Русское УКИЁ» и живописного стиля «Протофлекс».

МВ: Александр, поначалу мы хотели взять у вас интервью в рамках арт-кафе, рассказать о вас как о художнике, потом решили, что расскажем о литературном клубе «Подвал # 1». Но говорить о литературном клубе, который создает профессиональный художник, не касаясь живописи, невозможно. Работа с детьми – отдельная тема. Получается, что Александр Белугин – это большой и многогранный проект, и говорить о какой-то одной стороне этого проекта, не касаясь других, будет неправильно. Рассказать о вас в рамках одного интервью довольно сложно, но мы попытаемся. И начнем с литературного клуба «Подвал # 1».

Для справки: в 1997 году в своей мастерской на Войковской Александр Белугин открыл литературный салон, как тогда принято было называть, который назвал «Литературный клуб Подвал # 1». Путеводитель «Неофициальная Москва» написал об этом событии так: «Однажды в один из зимних вечеров 1997 года в мастерскую к Саше Белугину пришли друзья. Но не просто попить чай, а провести философский семинар на странную тему «Передвижение ледников, Времена года и Жизнь ёжиков». При этом почему-то читались стихи и исполнялась музыка. Неожиданно для всех встреча оказалась приятной, интересной и тёплой, несмотря на холод под высокими сводами мастерской.

После нескольких таких «семинаров» как-то само собой вечера стали регулярными, сложился коллектив как выступающих, так и гостей. Так возник клуб «Подвал # 1». Теперь один раз в месяц живописная мастерская художника А. Белугина превращается в клуб «Подвал # 1».

Московский BAZAR, № 1 (15) 2015 г.

Поэты читают стихи, музыканты исполняют музыкальные произведения, художники показывают картины, философы размышляют вслух. Кто умеет двигаться - танцует. У кого есть голос - поёт. У кого есть что-то ещё - делает что-то ещё. А кто-то снимает всё это на видео и делает фото для себя и других. Из всей этой творческой кутерьмы получаются хеппенинги, артефакты, инсталляции, перформансы. По сложившейся традиции, вечер завершается общепримирающим чаепитием. За 15 лет существования клуба его посетили 4000 человек, прошло 140 вечеров, на которых выступили 340 российских и зарубежных авторов. В 2000 году клуб был номинирован на премию «Малый Букер» как российский литературный проект. Бессменным помощником, организатором и куратором клуба является поэт и художник, член Московского Салона Литераторов («МОССАЛИТ») доктор физико-математических наук Игорь Бурдонов.

Литературный клуб
«Подвал # 1»,
у микрофона – А. Белугин

МВ: И первый вопрос: что есть для вас литература? Почему профессиональный художник вдруг начинает писать стихи? И вообще, зачем вам все это нужно, когда вы достаточно востребованы как художник и педагог?

Литературный клуб «Подвал # 1»,
А. Белугин

А. Б.: Ваш первый вопрос состоит из трех вопросов, попробую ответить по порядку. Воздух - вот что для меня литература. Без дыхания нет человека, а воздух материал для дыхания. Не представляю себя без дыхания и без литературы. Профессиональный художник, так же как и любой человек, начинает писать стихи по простой причине: «Ну просто надо поделиться, прохожий, я тебя люблю», - так сказал поэт о задачах творчества, и я солидарен с ним. Чтобы понять и ответить на сложный вопрос: что такое профессиональный художник, особенно в наше время, требуется много места в интервью, поэтому оставляю ответ на потом и скажу, что не являюсь профессиональным художником. Я любитель живописи. Существует такая потребность души, как поделиться радостью своего существования, бытия.

Выразить свои эмоции, придать им новую форму - как раз стихи и литература полнее и точнее подходят для самовыражения. Уместно заметить, что как художник я не востребован в социуме, а вот как педагог - да.

МВ: Помните, когда родилось ваше первое стихотворение? И что является объектом внимания вашей поэзии?

А. Б.: Совсем не помню, когда родилось первое стихотворение, но хорошо помню, когда пришло осознание работы над стихом: после знакомства с поэзией Марины Цветаевой. Объект моего внимания тот же, что и в живописи - жизнь.

Московский BAZAR, № 1 (15) 2015 г.

МВ: *Что вас вдохновляет на поэтическое творчество – та же Муза, что и при создании художественных полотен? И вообще, из какого «сора» растут ваши стихи?*

А. Б.: Я мало пользуюсь греко-римской терминологией для отображения вдохновителя моего творчества. Мне ближе китайское понимание - *дао*. Поэтому стихи, как и картины, как и вдохновение, растут из *дао*. Объяснение, что такое *дао*, займет также много времени, поэтому скажу проще Б.О.Г.

МВ: *«Подвал # 1» - это форма творческого отдыха или форма аккумуляирования новых идей?*

А. Б.: Слава богу, что я не устал от жизни так, чтобы «Подвал # 1» стал формой моего творческого отдыха, и еще больше хвала всевышнему, что не иссяк мой источник идей так, чтобы аккумуляировать чужие новые идеи. Да и по поводу «новых идей» где-то слышал, что существует всего четыреста с чем-то идей, и человечество муссирует их на протяжении всего своего существования.

МВ: *А есть какие-то планы развития «Подвала»? Что-то меняется или «Подвал» - это установившийся формат?*

А. Б.: Специальных планов развития «Подвала» нет. У нас сложились четкие постоянные правила, но жизнь вносит свои коррективы, и мы с Игорем постоянно что-то форматируем. Мы консервативны потому, что помним китайское проклятие: «Чтоб тебе жить в эпоху перемен».

Трубы любви, 2014

МВ: *И все-таки основная сфера вашей деятельности – живопись. Кто есть художник, по-вашему? Тот, кто отображает на своих картинах действительность, или тот, кто пытается заглянуть за грань этой действительности? И что важнее? И вообще, зачем нужно заниматься живописью?*

А. Б.: Человечеству до сих пор не понятно, кто такой художник. Что такое действительность? Есть ли у неё грани и сколько их? За какую грань надо заглядывать, за какую нет? И надо ли вообще заглядывать? Всё это вопросы, на которые может и должен ответить художник. Но вначале надо овладеть ремеслом живописца. Это достойная и очень сложная задача, её пониманию можно посвятить всю жизнь. Со временем у меня сами собой отпали вопросы: кто такой художник?

Зачем нужна живопись? И на первом плане стоит другой вопрос – как сделать? Мучительно завидую создателям музыки, композиторам. Как можно из ничего, из звуков, сотворить такое чудо, как симфония или соната?! Великие композиторы создавали произведения, которые заставляют испытать весь спектр человеческих эмоций. Мне видится, что законы, по которым строится музыка, подобны законам живописи, а художник, создающий свои картины, подобен

композитору. Я заметил удивительное свойство краски: если есть соответствия, согласованность между цветами, гармония, то следующий цвет будет строго определенным, и автор может положить в определенное место только тот цвет, который необходим для данного места, и в данном количестве, и в определенной форме. При этом форма требует своей структуры, и чаще всего эта форма совсем не соответствует видимой форме предметов. В музыке нет реалистической передачи действительности, но присутствует реальная действительность. И эта действительность не изображает мир, она подобна миру, и она новый мир. Я уверен, что в живописи так же. Настоящий художник не пытается изобразить видимые предметы, а создает новые, не похожие, но подобные видимым предметам. Если считать задачей живописи копировать мир, то фотоаппарат - лучший в мире художник. В живописи важна пластика, фактура, плотность и вес. Можно ограничиться поверхностным умением сделать похоже, но это не удовлетворяет автора и иссушает душу. Всегда хочется чего-то настоящего, истинного и правдивого. Как найти настоящее, правдиво изобразить его - вот задача для живописца. И для этого есть много путей. Изучение опыта мастеров, их мыслей, пластических задач. Медитация, самопознание. Изучение философии и религии. И самый главный путь - познание природы.

МВ: Многие определяют с выбором профессии ближе к окончанию школы, а иногда и в последнем классе. А когда вы поняли, что живопись – ваше призвание?

А. Б.: Слово «призвание» - слишком высокая планка, мне ближе слово «путь». Поэтому свой путь выбрал в далеком и прекрасном детстве, хотя слово «выбрал» тоже не то, просто с детства чувствовал, что это занятие мне больше всего подходит.

МВ: На одном из последних творческих вечеров Александр Белугин праздновал юбилей – вам исполнилось 100 творческих лет. Это много или мало? И как вычислить творческий возраст художника?

Онежка, 2014, оргалит, масло, 80 x 60 см

А. Б.: Есть некая игра, основанная на традициях даосских художников, исчислять время по количеству написанных картин и совершению значимых поступков. Творческий возраст в разное время за разные дела назначали мне друзья, то мне было 63, то сразу 74. Много или мало? Столько дали или столько получилось - не знаю, как ответить.

МВ: Вы сами о себе говорите – «выдумщик». Любая творческая личность, безусловно, может отнести себя к этой категории – придумывать сюжеты, облекать их в литературную, музыкальную, живописную форму может только выдумщик. Но вы не останавливаетесь на этом. Одних сюжетов вам оказалось недостаточно, и появились новые стили: «Русское УКИЁ» и «Протофлекс». Зачем? И что такое «Русское УКИЁ» и «Протофлекс»?

Московский BAZAR, № 1 (15) 2015 г.

А. Б.: У меня не было задачи придумать новый стиль. Я хотел точнее обозначить то, чем я занимаюсь. Путешествуя по стране и за границей, подсматриваю и подслушиваю, делаю наброски и зарисовки. Собранный материал ставлю в «Русское УКИЁ». Укиё - японский термин, обозначающий неистинные, ненастоящие картины, сделанные ненастоящим художником. Потому что настоящими называли только тех, кто строго следовал установленным правилам и законам изображений. Именно поэтому великие Утамаро, Хиросиге, Хокусай, рассказывающие о простой, бытовой стороне жизни, работали в стиле укиё. Я так же не следую современным канонам художественной жизни, а пытаюсь двигаться своим путем. Но даже в своем пути есть правила и законы. Поэтому в черно-белой графике в реалистической манере изображаю бытовую жизнь, где в левом углу пишу тексты, иногда стихами, обязательно на переднем плане натюрморт с современным гаджетом, обязательно вид из окна или пейзаж, и непременно цветной символ. А в 2005 году решил сделать эксперимент и начал новую серию картин под названием «Протофлекс». Каждый человек, разговаривая по телефону, рисует какие-то предметы, фигурки, деревья, листики и так далее. Психологи называют эти изображения флексами, или отражениями. Это отражения нашего подсознания, сознание разговаривает по телефону, а подсознание рисует. В этой серии я пытался полностью освободить своё сознание до того, чтобы почувствовать первобытные импульсы, основанные не на образах, а на спонтанных движениях. Освободить сознание от каких либо критериев - вот задача протофлексов. Чем-то это похоже на ритуальное действие. Совершая эти ритуальные действия,

«Тунис»,
серия графики в стиле «Русское УКИЁ», 2014

А. Белугин и О. Грушевская на
открытии выставки «Душа на
рубашку», Москва 2014

я пришел к пониманию слов, написанных в древнекитайском трактате «Слово о живописи из Сада с горчичное зерно», что картина – это дыхание жизни, и художник, совершая несколько жестов, просто дышит вместе с Вселенной. Мне близко такое понимание творчества.

МВ: Вам никогда не задают вопрос: а что вы пишете? Поскольку ваши картины отождествить с фотографией не получается никак.

А. Б.: Спрашивают. Каждый раз отвечаю по-разному, в зависимости от человека, его взглядов и миропонимания и, конечно, от моего настроения. Было время, говорил о сюжете, было - о смысле картины. Иногда о целях, первоисточниках, радости, жажде цельности и целостности. Иными словами, о моём взгляде на мир. Но всегда точно и подробно - о конкретных картинах.

Московский BAZAR, № 1 (15) 2015 г.

МВ: У вас неоднократно проходили выставки как в России, так и за рубежом. Вот недавно в библиотеке № 40 им. Сурикова открылась выставка «Душа на рубашку». Каждая новая выставка – это новое волнение или уже привычка?

А. Б.: Конечно выставка это волнение, пока не выработал привычки не волноваться.

МВ: А чем отличается русская публика от зарубежной? Где принимают теплее?

А. Б.: Для меня русская публика отличается от зарубежной своим особым вниманием к личности. У неё свои четкие представления, что должен делать автор, как себя вести, что говорить. У неё четкая шкала ценностей. Четкое знание, какой должна быть живопись. В некотором смысле психологи называют такие представления завышенными, а культурные люди называют реакционными, или консервативными, иногда отсталыми, но в любом случае принимает автора наша публика теплее.

МВ: Что такое современное искусство? Чем оно отличается от искусства прошлых веков? И надо ли, чтобы оно отличалось? Может быть, стоит всегда ориентироваться на гениев прошлого?

А. Б.: Сложные вопросы, в которых мое мнение не является достаточным, развернутым и полным. Серьезные и глубокие ответы предполагают широкий обзор тенденций и направлений не только в сфере живописных изобретений, но и в сфере социальной жизни, поэтому я оставляю ответ на потом, он требует много времени, да и нет интереса «говорить про искусство», потому что каждая моя новая картина это ответ на ваш вопрос. Не сомневаюсь, что для кого-то мои картины явятся предложением порассуждать и подумать о жизни и искусстве, о слиянии и различиях.

МВ: Писателя можно спросить: о чем вы пишете, что хотите донести до читателя? А о чем пишете вы? Каковы основные темы ваших полотен?

Циолковский, 2014,
проект «Душа на рубашку»

А. Б.: Тему многих моих картин можно обозначить простыми и знакомыми каждому человеку словами: мужчина и женщина. Другая моя тема - добро и зло. Еще любимая тема - человек и общество. Для последней темы я выработал собственный прием. На красную полосу наклеиваю обожженные спички, рядочком, головками вверх. На заре перестройки для радио Би-би-си объяснял, что спички - это мы, советские люди, которые все одинаковые, идут стройными рядами, уже обожжены, но еще не сгорели, и сваливаются в вечность по красному фону. В последних работах вернулся к этой теме, потому что времена изменились, а люди меняются мало. Да и друзей, свалившихся в вечность, прибавилось. Из этой же темы: на некоторых работах тубиком создаю фактуру, похожую на заклепки с броненосца. Идея понятна - жесткость,

Московский BAZAR, № 1 (15) 2015 г.

жестокость бытия. Обожаю вносить разные подтексты в привычные символические фактуры. На многих работах можно заметить шесть одинаковых полосок, иногда они главные атрибуты, иногда они в рядок, иногда создают геометрические треугольники. Таким формальным жестом я отражаю своё пристрастие к китайской философии и культуре, а иногда к арабской и еврейской. Когда знаки горизонтальны, их называют «китайские гексаграммы». По преданию, их увидел император Фу Си на панцире древней черепахи, выползшей из озера. Он нарисовал их, потом всю жизнь размышлял, что это? В конце жизни расшифровал и понял, что это символы расстановки сил под небесами. Своеобразный чертеж Вселенной. Я не делаю чертежи Вселенной, но намекаю на то, что из этих простых элементов образованный муж может сложить слово вечность.

Частый элемент моих картин - прямоугольники из фольги. Клею их для усиления эстетического эффекта, задаю определенный ритм, как в музыке, или цифровой ряд, как в математике. В Македонии, при ярком солнце, разглядел, что прямоугольники - знаки времени, убегаящие песчинки, золотой дождь числового ряда, тоска по вечности и страх смерти одновременно. Есть и знакомые знаки на моих картинах. Часто рисую эллипс, в иконографии он называется *мандала* (мандалу изображают на алтарных иконах «Спас в Силе», и означает она Вселенную).

«Рай во Дрен», серия графических работ в стиле «Русское УКИЁ», 2011, акварель, бумага, 20 x 30см

«Рай во Дрен», серия графических работ в стиле «Русское УКИЁ», 2011, акварель, бумага, 20 x 30см

Иногда зашифровываю в картины графические таблички «52 имени Создателя» на древнем языке в форме клинописи. Однако хочу заметить, что не знаками сильна картина, и живописец хорош не тем, что правильно рисует символические закорючки для умников. Уверен, что хорошая картина несет энергетический посыл, заряд положительных эмоций, дает возможность почувствовать живое начало, переживать и сопереживать свежие, здоровые чувства, дает поводы для размышлений.

Московский BAZAR, № 1 (15) 2015 г.

МВ: *Когда работа готова, вы убираете ее в запасник или возвращаетесь к ней время от времени? Писателя часто возвращается к роману, что-то переделывает, что-то добавляет. А художник? Есть неоконченные полотна?*

А. Б.: Есть работы, редкие, которые готовы сразу, некоторые мучат и преследуют какое-то время, от нескольких дней до нескольких лет. Я думаю, что каждая картина это продолжение моего недописанного романа.

МВ: *Однажды Даль встретил на Невском проспекте возбуждённого Пушкина. «А знаете, что вытворила моя Татьяна? - не здороваясь воскликнул Пушкин. – Она замуж вышла!». Ваши картины тоже живут самостоятельной жизнью?*

А. Б.: Конечно, некоторые картины живут своей собственной жизнью и диктуют автору свои представления о себе. Друзья знают, как часто я жалею, что картины заставляют делать совсем не соответствующие моим замыслам и представлениям движения, убирать красивый цвет, форму.

МВ: *Любимые картины есть?*

А. Б.: Да, есть, и они попадают в поле моих представлений о красоте вообще или связаны с какими-либо личными переживаниями. Мне нравится, что зритель выбирает мои любимые картины, и наши мнения совпадают. Я смотрю на свои любимые картины, как альпинист на горные вершины, да, красота, она мне нравится, но она мне не принадлежит, и я на этой вершине уже был. Повторять достижение бесполезно и невозможно, каждое восхождение ново и каждое уникально и единственно. В буклете я пишу, что везде изображаю небо, но не то небо, что над головой, а то, что в сердце каждого из нас. Мне хочется, чтобы картина была местом встречи человека и Бога.

Душа Климта, 2014,
оргалит, масло

МВ: *Еще одна сфера деятельности – работа с детьми. 25 лет педагогического стажа – это весомый опыт. Что дает работа с детьми?*

А. Б.: Дети - особый мир, стремящийся к познанию без фальши, без лжи, ясный, чистый и простой в своей безумной сложности. Дети для меня как оселок для ножа, с их помощью я заточен на действие в нужном направлении.

А. Белугин на открытии своей выставки
«Душа на рубашку, Москва 2014

МВ: *Какие советы вы даете начинающим художникам?*

А. Б.: Часто слышу вопрос, а что можно нарисовать? Для начинающего художника это проблема. Мой ответ самый простой - что хочешь, то и рисуй, важно не *что* ты рисуешь, а *как* ты это рисуешь. Не тема важна, а твое отношение. Для искусства важна сама личность. Очень хорошо ответил на этот вопрос советский поэт Николай Рубцов:

*О чём писать?
На то не наша воля!
Тобой одним
Не будет мир воспет!
Ты тему моря взял
И тему поля,
А тему гор
Другой возьмёт поэт!
Но если нет
Ни радости, ни горя,
Тогда не мни,
Что звонко запоёшь,
Любая тема -
Поля или моря,
И тема гор -
Всё это будет ложь!*

*На берегу Стикса, 2013,
оргалит, масло, 100 x 70 см*

МВ: *Кроме живописи и литературы, еще какие-то увлечения есть?*

А. Б.: Кроме живописи, мне нравится музыка. Но назвать это увлечением не могу. Музыка для меня питательная среда. Я черпаю из музыки темы, сюжеты, формы. Еще очень люблю новые достижения науки, культуры и искусства. Обожаю человека мыслящего, деятельного и все плоды его трудов.

МВ: *А какое музыкальное произведение особенно нравится?*

Московский BAZAR, № 1 (15) 2015 г.

А. Б.: Отдельного произведения нет, вернее, очень многое нравится, и совершенно разноплановое - от классической музыки до попсы и бардов.

МВ: Написать музыку не возникает желания? Как известно, талантливый человек талантлив во всем!

А. Б.: Нет. Даже думать никогда не мог, хотя в школе изучал ноты и играл на тромбоне и барабане. А «талантлив во всем» ко мне не применимо, пока я не написал ни одного стихотворения, сопоставимого не только с Шекспиром, но и с... тут много перечислений. То же самое и в живописи.

МВ: Александр, большое спасибо, что нашли время в своем жестком графике и ответили на наши вопросы. Мы обязательно будем сотрудничать дальше!

**Александр Белугин. Малибу, 2014,
проект «Душа на рубашку»**

ПРОЗА

Джон Маверик
(Саарбрюккен, Германия)

ДУША-КУЗНЕЧИК

Кузнечик был крупный и сочный, зеленый, как майская трава. Он ехал на Янековой дорожной сумке от самого Саарбрюккена, закинув на спинку длинные усы и почти сливаясь с крокодиловой кожей. Янек щелчком пальца пытался согнать насекомое, но всякий раз оно незаметно возвращалось. В конце концов он махнул рукой и, пробормотав: «Ладно, приятель, видать, нам с тобой по пути», - забыл о непрошеном пассажире. До кузнечика ли, когда в желудке комом лежит вчерашний хлеб, а в кармане притаилась опасная бритва.

На автобусном вокзале Франкфурта-на-Майне толпились люди с мокрыми зонтами и чемоданами. Янек смотрел на них сквозь серую пелену тоски — на суетливых мужчин и женщин в куртках и плащах, на детей в ярких дождевиках — и в груди лениво, точно камни-голыши, перекатывались отчаяние и тошнота. Низкое картонное небо уродливо взбухло и сочилось моросью, а под ногами хлюпала размякшая бумага, как будто от неба уже начали отваливаться куски. Янек погрузил сумку в багажный отсек — не потому что та по габаритам не влезала под сидение, а просто не хотелось с ней путаться. В дороге он ни в чем не нуждался.

Полупустой автобус отчалил медленно, кренясь и бесшумно набирая скорость. За стеклами поплыли размытые дождем акварели: почти левитановские березовые рощи, золотые горчишные поля и угловатые индустриальные пейзажи. В городах автобус останавливался, чтобы впустить новых пассажиров, и те брели по проходу между сидениями, отыскивая свое место, тихо переговариваясь и окропляя сидящих мелкими брызгами. Вместе с ними в душный замкнутый мирок втекала свежесть — запахи травы и сырого асфальта, день, белый, как молоко, влага и холод. Словно крылья гигантских птиц, хлопали зонты.

На станции Манхайм вошел старик в непромокаемой накидке и с тросточкой в дрожащей руке и опустился на сидение рядом с Янеком. Тот слегка отпрянул — жесткая трость уткнулась ему в колено. Старик извинился и, неловко повернувшись, убрал палку. Он показался Янеку прекрасным, как прекрасно столетнее дерево — весь в складках и зарубинах, с темно-коричневыми разводами на лбу и щеках и годовыми кольцами на жилистой шее. Борода волокнистая, грубая, как пакля. Перламутровое безразличие в глазах, лишь в самой глубине зрачков — острые огоньки любопытства. Древнее тело подобно зданию, в окнах которого погашен свет. Только в одном теплится — неяркое и смутное — что-то вроде забытой на подоконнике свечи.

- Домой еду, - сказал он, обращаясь как будто ко всем пассажирам сразу и ни к кому конкретно. - Умирать.

«Хорват», - подумал Янек. В речи соседа ощущался заметный — но приятный — южный акцент. Ничего удивительного — хорватов на таком маршруте обычно набирается больше

половины. Их всегда — в отличие от обладателей немецких паспортов - дотошно проверяют на границе.

- И я тоже. В смысле — за тем же самым.

Автобус качнуло на повороте, и трость упала в проход. Старик посмотрел на Янека. Пронзительно и спокойно, так, как будто умирать в тридцать с небольшим — дело самое что ни на есть обыденное.

- Возвращаешься на родину? Правильно.

- Нет, - смущенно пробормотал Янек, - просто туда, где однажды было хорошо.

Он не умел объяснить лучше. Хорошо бывало во многих местах, вернее, нормально, благополучно, терпимо. Однако такой беззаботности, и легкости, и радости — шипучей, солнечной, бьющей через край — он не испытывал ни до, ни после. Селина и девочки много купались, загорели до маслянистой бронзы. Дана вытянулась за две недели почти на целый сантиметр. Полли собирала кедровые шишки.

- И это правильно. Знаешь, почему перед смертью надо возвращаться? - невозмутимо спросил старый хорват.

Янек помотал головой. Он устал и хотел спать, но сон не приходил уже полгода — нормальный человеческий сон, а только стылая прозрачная полудрема. Он ничего не знал об умирании, кроме того, что Селина и Дана угасли в больнице, а младшую, Полли, нашли мертвой в ее кровати на следующей день после того, как семья поела спаржи. Все ели, кроме Янека, он спаржу терпеть не мог, и Дана не любила, но попробовала из вежливости, чтобы не огорчать мать. Милая, домашняя девочка — вот какой она была и все время боялась кого-нибудь расстроить.

Он чувствовал, что мысли опять бегут по кругу.

- Чтобы остаться дома, - объяснил старик с таким видом, как будто от его слов и в самом деле что-то становилось ясно. - Где умрешь, там и останешься.

Янек пожал плечами.

- Какая разница?

- Большая, - возразил хорват и вдруг улыбнулся чему-то, глядя мимо лица Янека на его левую руку.

Тот удивленно отвернул рукав и увидел старого знакомого — кузнечика, смирного, похожего на лист или кусочек молодой коры.

«А, так вот ты где!» - он взял прыгуна двумя пальцами и аккуратно пересадил на занавеску.

- Мертвому едино, где лежать, - сказал старик. - Тело — пища для корней. А душе — не все равно. Душа — не то, что о ней думают люди. Она просто крупца жизни. Не мыслит, не сожалеет, не раскаивается, а хочет лишь одного — жить.

Усталость давила на виски, обволакивала. Голос хорвата мерцал, как светлячок в тумане, и Янек понимал, что сосед говорит не с ним, а со своим собственным прошлым, стелившимся ровной асфальтовой полосой за колесами автобуса, и с будущим, которое маячило где-то впереди, за дымными горами Австрии.

- ... не уходит на небеса, а распадается через пару минут, как покинет скорлупу. Поэтому ей надо сразу вселиться — в любое существо, в жука, в бабочку, в птицу... мало ли тварей рождается всякую секунду? Сбереечь искру, не дать угаснуть...

«А потом?» - мысленно спросил Янек.

- ...так и живет, пока не подвернется случай опять стать человеком.

«Вот как... жуком, бабочкой, и все-таки дома... а как иначе?»

Старик замолчал — и задремал как будто, привалившись лбом к мягкой спинке переднего кресла. День неторопливо перетекал в ночь. Сполоснул заплаканные стекла малиновым соком,

затем посинел, потемнел и тускло засеребрился. За окнами потянулись лунные вереницы огней. В автобусе погас верхний свет. Янек сидел, окутанный полумраком, и вспоминал — впервые за полгода спокойно, без горячий, изнуряющей боли. Он думал о Селине, Дане, Полли, представляя их то стрекозами, то мотыльками, то птицами, летящими на юг.

«Родина — это место, где человек был счастлив, по-настоящему, без “но” и “если”, — говорил он себе. — Да простят меня все на свете патриоты, но родина души — это счастье. Другой нет».

Ему казалось, что на двух креслах они едут втроем — он, старый хорват и еще кто-то, печальный и худой, невольный или вольный эмигрант, заблудившийся в смерти странник. Его высокий силуэт колыхался на слабом ночном сквозняке, бледный, как тень от занавески, и что-то неутомимо нашептывал на языке, которого Янек не понимал, но знал, что это — слова благодарности.

Он открывал глаза — и силуэт исчезал, растворяясь в сумерках. У самого лица Янека покачивались длинные тонкие усы. Кузнечик не спал, его лапки шевелились, точно насекомое перебирало в темноте невидимые четки.

Они проезжали горную страну. Черные вершины на фоне серого неба. Сметанные разводы облаков. Бесконечные, душевные, полные мелькающих бликов тоннели. Австрия. Солнце брызнуло неожиданно, как огненный фонтан — не на горы, а на бархатно-изумрудные кусты, на тонкий серпантин дороги, на голубую наледь моря. Янек вздрогнул и проснулся. Спина затекла, но голова словно очистилась — мысли сделались удивительно ясными, легкими, звенящими, а в груди трепыхалось что-то маленькое и пугливое. Нет, не сердце — это душа, крошечная частичка жизни, колотилась отчаянно о ребра и хотела только одного — жить.

За окнами мелькали сады, рестораны и церквушки, полуголые люди с полотенцами на плечах вальяжно брели по обочине. Посреди виноградника отец семейства фотографировал девочку-подростка, загорелую и хмурую, с белыми от соли волосами. В Новом Винодолском с автобуса сошел старый хорват, а вместе с ним — и кузнечик. Янек пожелал обоим счастливого пути, а сам поехал дальше, на Риеку.

РЖАВЫЙ ЗОЛОТОЙ КЛЮЧИК

Сколько развелось на свете умеющих наводить морок — видимо-невидимо. Ворожеи, маги всех цветов радуги, длинноволосые ведьмы, шептуньи с губами черными и сморщенными, как сухие маслины. Тайны их на ладонях записаны. В глазах — мрак и алчность, за которые в средние века гореть бы им всем на кострах. Миновали дни, когда этот люд шел через Виллинген, как цыгане — табором, и каждого простака норовил облепить, точно мухи сладкий кусок пирога. Остались гордые одиночки. Схоронились по норам и ловят, как на блесну, кого на страх, кого на гордыню, кого на несчастную любовь. Их не любят, о помощи просят стыдливо и чураются, как прокаженных. Обратиться к магу, все равно что взять в долг у дьявола, но берут — когда припрет.

Есть и другие — не корыстные профессионалы, привыкшие из любой человеческой беды вытягивать золотые соки, а колдуны поневоле. Женщины, обычно темноокие, ревнивые, падкие до чужого счастья. Магия их не запечатана в колоде карт или в сыром курином яйце, не отлита из горячего воска и не каплет ядом с острия булавы, а совершается тайно, в глубине сердца. Как

взглянут — так и засохнет счастье, будто срезанная ветка. Этих бояться и ненавидят больше всего, потому что деньгами от них не откупиться, а только слезами и кровью.

У Марты фон Лурен глаза не завистливые - голубые и мокрые, как талые сосульки, но все равно ее дом жители городка обходят стороной. Дом — по годам старинный, родовой, а по сути просто запущенный и старый, в котором она вот уже больше чем полвека бьется в горькой нужде.

Болтают о Марте, будто умеет насыпать порчу, но не обычную, от которой потом человек болеет, а незлую, легкую, с тонким флером волшебства. Только порча — она порча и есть. Пугаются люди. Говорят, дочка Людвиг Циммера, местного торговца всяким старьем, как перекинулась с фрау фон Лурен парой слов, так через три месяца вышла замуж за индуса. Бедный Людвиг от горя чуть не наложил на себя руки. Потом пообвык, правда. Индус работающий оказался, хозяйственный. Магазинчик отремонтировал и музей антиквариата при нем открыл.

А младший сын Шрайнеров, после того как пообщался с фон Лурен, бросил столярничать, уехал в Берлин, где, говорят, сделался художником. Художник — это разве профессия?

Да вот Кевин Кляйн. Пожелала ему как-то Марта доброго здоровья, и он тем же вечером вместо пивной напрямик отправился в тренажерный зал — качать пресс вместе с пятнадцатилетними пацанами. Может, оно и полезно и само по себе неплохо, а все-таки кому приятно ходить под мороком?

Или бывает, по улице ковыляя, мальчишке какому-нибудь подмигнет, мол, что руки прячешь, али украл чего? Тот и залетится краской и отправится к матери с повинной — сознаваться, что стащил накануне из тумбочки десять евро на кино.

Так что Марту в Виллингене не любили. Встречали кривыми улыбками, а провожали недобрый шепотком. Пробегая — если случалось — в дневном угаре мимо щербатого от времени особняка фон Луренов, невольно замедляли шаг. Коротко втягивали в себя искристый, пропитанный ожиданием чуда воздух, тотчас сердито мотали головой и, не задумываясь, что их остановило, неслись дальше. Даже молодой почтальон Патрик, остерегаясь приближаться к входной двери, клал письма и рекламные листки на нижнюю ступеньку и сверху придавливал камешком, чтобы не унес ветер. Почтового ящика у Марты не было.

Однако в тот день в его сумке лежало заказное письмо для фрау фон Лурен, так что волей-неволей пришлось подняться на крыльцо и позвонить. В глубине дома что-то затрещало и зашаркало, закрипело, как в несмазанном часовом механизме. На пороге возникла худая и очень красивая старуха в чем-то похожем на японское кимоно, подпоясанное разноцветным оби, и в короне тускло-серебряных нечесаных волос. Она строго взглянула на гостя и, вытянув из-за манжеты белый платочек, как-то не то по-старчески, не то по-детски вытерла слезящиеся глаза. Патрик удивленно моргнул и тут же понял, что на старухе надето вовсе не кимоно, а штопанный-перештопанный байковый халат.

- Фрау фон Лурен, вам заказное. Распишитесь, пожалуйста, вот здесь, - сказал он застенчиво и ловко всунул фирменно-почтовую желтую ручку в ее сухие пальцы.

- Спасибо, милый. Дай бог тебе счастья.

Она стояла в дверном проеме и смотрела, как Патрик чуть ли не вприпрыжку спускается с крыльца и радостно топает по садовой дорожке, а потом вернулась в комнату и надорвала конверт. Оттуда выпал сложенный вчетверо бледно-голубой листок, по которому, словно птицы по весеннему небу, разлетелись мелкие черные буквы. Фредерик пишет, брат. Марта села к столу и нацепила на нос очки, и оттого, что стекла в них были старые и поцарапанные, весь мир вокруг нее потемнел и дал трещину, расколовшись на две одинаково тусклые половинки.

А юного почтальона вдруг охватила такая жажда счастья, что хоть скидывай башмаки да иди босиком по апрельским ручьям. Обувь он, конечно, не снял, но зашагал уверенно, не обходя

мелкие лужицы. Брызги взметнулись радугой, и слова любви, которые Патрик вот уже полгода не решался сказать хорошенькой коллеге, вдруг засверкали прямо перед ним, среди весенней грязи, драгоценными камнями. Он подобрал их бережно — взглядом — и понес той, которой они были предназначены.

Фрау фон Лурен тем временем развернула листок и приготовилась к долгой и обстоятельной беседе с братом. Письма — это совсем не то, что телефонный разговор, когда мнешься и не знаешь, чем заполнить паузы, или, наоборот, не успеваешь вставить ни звука. Чужой голос вьется вокруг тебя, как осенняя пчела, зудит у виска, и не отмахнуться от него, не угадать, куда ужалит. Марта старалась как можно реже говорить по телефону. Другое дело — сестра удобно в кресло, заварить себе чашечку кофе и читать медленно, смакуя каждую строчку, каждый оттенок обращенных к тебе слов, каждый глоток эмоций. Если спросишь письмо — оно ответит. Посетишь на плохое настроение, дурной сон, дождливую погоду, ломоту в спине или в колене — и на тебя прольется целебное сострадание близкого человека. Вот что такое чтение писем. А телефон? Ерунда. Пустышка.

«Здравствуй, сестра, - писал Фредерик, - как ты там, в нашей деревеньке? Не сомневаюсь, что все так же — у вас там никогда ничего не происходит. Этакое райское болотце, от которого раньше хотелось уехать подальше, чтобы не затянуло, потому что человеком хотелось быть, а не лягушкой, а теперь все чаще вспоминаю его с тоской. Приехать бы, посмотреть на родительский дом (совсем развалился, небось? И раньше-то был весь в заплатках), но, видно, уже не судьба. Болею. Вроде бы ничем конкретным, а просто света в глазах осталось мало и в руках никакой силы. Еле перо держу. Старые мы стали, сестра...»

- Старые? - гневно тряхнула головой Марта. - Ну нет. Рано ты сдался, Фредерик! Ты же на два года младше. На целых два года!

Даже сейчас, восьмидесятилетняя, она не признавала старости. Работать всегда приходилось много и тяжело, до вздувшихся на руках вен и отнюдь не благородной синевы под глазами. Часто перебивалась с хлеба на воду. От зеркала отшучивалась: «Настоящие принцессы не стареют». Верила, что все еще будет, даже тогда, когда любая другая поняла бы, что надеяться не на что. Только шесть месяцев назад, впервые ощутив долгую, тягучую боль в спине — такую острую, что перехватило дыхание, - осознала, что чудесная сказка под названием «жизнь» подошла к концу. Ну что ж. Все на свете когда-нибудь кончается. Смерть — это любопытно, рассуждала она про себя. Куда-нибудь она да ведет. Лучше дверь в конце коридора, чем глухая стена. Марта готова была принять смерть, но не старость. Приступы учащались, и задорное «будет» постепенно уступало место спокойно-философскому «не суждено».

«Так что, наверное, больше не увидимся, - продолжал посрамленный ее отповедью Фредерик, и Марта внутренним зрением увидела его, как настоящего, сидящего напротив за столом. Заскорузлым ногтем он ковырял темные разводы на скатерти. - Знаешь, сестра, хотел тебе признаться в одной мелочи. Ты посмеешься, наверное... Детская шалость. Сколько воды утекло. Помнишь: твой сон, прабабкин портрет, ключик под подушкой? Ты его долго потом хранила...»

Долго? Она хранила его и сейчас - в резной шкатулке, в ящике секретера. Не просто хранила, а берегла, как талисман, или он берег ее — это как посмотреть. Именно от него, как фонарик от батарейки, питалась волшебная аура старого дома. Где бы Марта ни находилась, о чем бы ни думала — а размышляла она о многом — мысли все равно тянулись к нему, как железная крошка к магниту. Маленький ключик был магическим сердцем ее мира, а исходившее от него властное сияние — тем воздухом, которым она вот уже больше семидесяти лет дышала. Изюм в день.

Семь лет ей было в тот день, когда прабабка Элиза впервые сошла с фамильного портрета и тихо встала в изголовье кровати. Фрау фон Лурен и сейчас не могла бы сказать, наяву это случилось или во сне. Лунные пятна на полу блестели скользко, как разлитое масло. Мутное, в ошметках облаков ночное небо затекало через форточку и бледной промокашкой ложилось на одеяло. Голубое платье прабабки шелестело, точно тюлевая занавеска, и так же бесплотно колыхалось на сквозняке. Элиза — очень похожая на добрую фею, только не юную, как обычно изображают фей, а седовласую, — призывно вскинула брови, белесые и тонкие, как у всех фон Луренов, и протянула девочке руку — ладонью вверх. На ладони окутанный шелковым светом лежал золотой ключик.

Дальнейшее Марте виделось смутно — словно сквозь зеленую толщу воды. Дверь в стене, отпертая одним поворотом ключа, запах гнилых луж и плесени, звонкий водопад монет, хлынувший откуда-то сверху, неудержимо, как полуденное солнце из раскрытого окна. Собственные ноги в белых чулках, по щиколотку в золоте. Как это часто бывает, Марта чувствовала себя одновременно наблюдателем и персонажем сновидения. Наутро, за завтраком, рассказала отцу и матери о ночной гостье. Те, как ни странно — да, это до сих пор кажется Марте странным, — отреагировали испуганно, и в тот же день портрет Элизы фон Лурен из детской спальни перевесили в гостиную. Девочке посоветовали не есть после ужина сладкое и прочесть три раза вечернюю молитву.

Ночью все повторилось, только на этот раз Элиза не вылезла, придерживая двумя пальцами подол, из дубовой рамы, а соткалась из холодного тумана прямо рядом с правнучкиной постелью. Скрежет ключа в замке, плюшевые от мха кирпичи, золотой водопад... «Я самая богатая девочка на свете!» — вскрикнула во сне Марта и открыла глаза. Солнце било ей в лицо, сверкало ярко, как прабабкины сокровища, рассыпалось монетками по темным половицам. Удивительное ощущение — причастности к тайне, обещание чего-то радостного и важного — не покидало ее много дней. По правде говоря, оно не покидало ее больше никогда.

«Вот найду тот ключик, — уверяла она брата, единственного — так уж получилось — товарища по детским играм, — и знаешь, какой мы тогда дом построим! Виллу! Нет, дворец... И самолет купим, настоящий». Дальше дома и самолета ее фантазия тогда не шла, но главное заключалось не в них. Возможность получить все что хочешь — вот что сулил призрачный дар Элизы фон Лурен.

Марта не просто верила в чудо — она не сомневалась в нем. И ключ появился. Не сразу, а лет через пять. Одним пасмурным утром она обнаружила его под подушкой. Почти такой же, как во сне — чуть более крупный, чуть более увесистый, холодный и шероховатый на ощупь, как чешуя диковинной рыбы, и золотой-золотой! В его зубчатой бородке блуждали крошечные закатные искры.

Теперь дело оставалось за малым — отыскать нужную дверь. Ту, что открылась бы заветным ключиком. Дождаться, когда она вынырнет из небытия. Внезапно и необъяснимо, как и положено любому чуду, в подарок. Марта фон Лурен искала, сначала уверенно, как свою, знакомую, но временно куда-то запропастившуюся вещь, потом — с неловкой надеждой, затем — с тоской. Последние годы она многое переосмыслила и решила, что, возможно, золотая река ее сна обещала не материальные, а духовные или даже нравственные богатства. Например, трудолюбие или честность. Такой вот символ доброты прожитой жизни. Тоска прошла, и Марта снова почувствовала себя счастливой.

«Помнишь: твой сон, прабабкин портрет, ключик под подушкой? Ты его долго потом хранила... Наверное, спрашивала себя не раз, откуда он взялся? Чудес-то не бывает. Так вот, не хочу, чтобы ты грешила на родителей или на домовых (которых тоже не бывает, разумеется), а повинюсь. Это я его тебе подбросил. Уж очень ты красиво мечтала — так, что захотелось

немножко подыграть. Да, скверно пошутил. Давно хотел рассказать, но как-то все не приходилось к слову.

Ключ от подвала, ну, того, где валяется всякий хлам столетней давности. Теперь, когда я во всем признался, ты можешь наконец навести там порядок. Если не боишься крыс и пауков. Хе-хе, сестра».

По губам фрау фон Лурен скользнула рассеянная улыбка. В этом он весь, Фредерик. Она не сердилась на брата за шутку. Легкая, ей самой не понятная досада, вспыхнув на миг, тотчас угасла. Сидящий за столом фантом Фредерика пугливо съежился и, побледнев, рассеялся в воздухе, а Марта выдвинула ящик секретера и взяла в руки шкатулку. Ключик сверкал сквозь щели, рвался наружу, точно запертый в темноте луч света. Казалось, внутри таится по меньшей мере драгоценный камень, а не старая — в безобразных пятнах ржавчины, — завернутая в кусок фольги железяка. Фрау фон Лурен аккуратно, медленно — точно совершала некий ритуал — очистила ключ от обрывков фальшивого золота. По скрипучей лестнице, ощупывая напряженными пальцами ветхие перила и стараясь не потерять тапочки, Марта спустилась в подвал.

Давно сюда никто не заглядывал. Паутина. Гнилой запах стоячей воды. Пыль гирляндами свешивается с потолка. Ступеньки кривые, неприятно мягкий пол, и не разберешь в полумраке, что там, под ногами — плесень, лишайники, клочья давно истлевшего половика или просто вековая грязь. Сколько раз Марта представляла себе эту дверь, тяжелую, склизкую и сырую. Сколько раз видела во сне. Ручка отвалилась. Трещины, как глубокие морщины, избороздили темное дерево. Но ключ повернулся в замке легко, точно заговоренный — ее ожиданием, страхами, ее наивной верой. В узком подвальном помещении оказалось неожиданно светло и пахло иначе, не как в остальном доме, — не старостью, а стариной. Марта неторопливо пошла вдоль выстроенных у стены стульев, корзин, плетеных кресел и чемоданов, вдоль складных трехстворчатых зеркал и полок, заставленных высокими кувшинами, кринками и бутылками с вином. Она как будто очутилась не то в антикварной лавке, не то в некоем волшебном мире, где время дремлет, свернувшись калачиком в позе эмбриона. Мир-младенец, еще не познавший взрослых разочарований.

Фрау фон Лурен погрузилась в уютные воспоминания, глубокие, дозачаточные. Вещи говорили с ней тихо-смутными голосами — убаюкивали. Заслушавшись, Марта споткнулась и с налета ухватила рукой за полку. Та качнулась, стоящий на ней глиняный кувшин повалился на бок, и — словно кто-то распахнул окно в ясный день — к ногам фрау фон Лурен хлынул золотой водопад. Марта оцепенела, прижав руки к груди, захлестнутая властным чувством дежавю. Она не удивилась, нет. Ведь этой минуты она ждала всю жизнь. Дождалась... Старинные монеты катились по полу, забиваясь под кресла и стулья, собираясь в солнечные лужицы, и все текли, глухо шелестя, из опрокинутого кувшина.

«Вот если бы раньше, — думала Марта. — Что же ты так долго молчал, Фредерик? Ты один знал, откуда ключ, и молчал!»

Как бы все сложилось, доберись она до нужного замка шестьдесят лет назад? Бог с ними, с дворцами и самолетами. Она могла бы уехать в город и поступить в университет. Марта всегда хотела стать учительницей. Наверное, вышла бы замуж, родила сына или дочь, а может, и двоих, а еще лучше троих детей. Любовь не товар, но все-таки богатая и образованная невеста — это совсем не то, что нищая и полуграмотная. А что теперь? Прожитые годы обратно не выкупишь. Завещать деньги и то некому. Она и брат — последние зеленые веточки на мертвом стволе, и то скоро засохнут. Разве что гроб дорогой заказать да ангела мраморного на могилу?

Марта печально усмехнулась. Глупое тщеславие. Земное сокровище надо тратить на живых, а не на мертвых. Сколько хороших людей вокруг, и у каждого своя мечта. Каждый

Московский BAZAR, № 1 (15) 2015 г.

достоин подарка. Вот хоть мальчик этот, почтальон. Как его? Пауль? Петер? Влюбленный, точно влюбленный. По глазам видно.

«Надо бы ему помочь, поддержать. Пусть женится, хозяйство заведет, дом построит. Молодым деньги нужны, а мне и простого камня на могиле хватит», - подумала фрау фон Лурен, и мысли ее опять обратились к вечному.

Александр Белугин. Место встречи, 2015

ПРОЗА

Александр Сороковик
(Одесса, Украина)

И СМЕРТИ НЕ БУДЕТ...

Подтверждение из медицинского центра пришло, когда Сазонов махнул рукой и смирился с тем, что жить ему осталось совсем мало – до сорока дотянул, и ладно... На лечение его могли принять уже в конце марта, но в стационаре мест не было. То есть, если можешь, устраивайся в городе как хочешь, но каждый день изволь приезжать на обследования, процедуры, консультации, а потом езжай домой или туда, где остановился. Обедай, отдыхай, ночью спи, а с утра опять в медицинский центр. И так месяца два.

Сазонов понимал, что один в городе он не продержится. Два месяца жить в гостинице или снимать квартиру очень дорого. Готовить он не умел, да и когда готовить, нужно ведь лечиться. Питаться в кафе? Тут уж точно никаких денег не хватит... Лиду свою брать с собой, чтоб готовила, с работы срывать? Тогда её маму надо из деревни вызывать, чтоб за детьми присмотрела, а у неё там огород да скотина!

Тут и подвернулся старый, ещё с института, приятель Олег, предложивший остановиться у его друзей Кузнецовых. Таким образом, все проблемы решались, но материалиста Сазонова смущало одно – Кузнецовы были верующими.

* * *

- ...А как же я с ними питаться-то буду, они, поди, одни каши едят? Я же на таком рационе через две недели загнусь!

- Ну они ведь не погибаются!

- Они... Они же эти, как их, - он хотел сказать «фанатики», но не решился, только неопределённо пощёлкал пальцами, - ну, молитвой питаются...

- Так и ты питайся! – засмеялся Олег, - кто тебе не даёт?

- Не, я это... не умею, - потупился Сазонов, - я больше к мясу привык...

- О господи, ну что ты за человек такой! Ну как есть Сазонов! Да что ты из людей фанатиков делаешь? Они – нормальные, обычные люди! А Маринка так готовит, что ты и забудешь, как твои «фанатики» постанут. А захочешь мясного – купишь себе колбасы и бутерброд сделаешь!

- Ну да, колбасы... Не дадут мне колбасу есть...

- Конечно, не дадут! Привяжут к стулу, заставят молиться, на коленях ползать, еду отберут!

- Как это – со стулом, на коленях ползать...

- Да иди ты в баню, Сазонов! - взорвался Олег. - Не хочешь – не надо! Ему тут все условия создают, все вопросы решают: жить будешь на всём готовом, денег только на продукты для себя дашь да поможешь Маринке, если что - у неё Николай уезжает часто. И не бойся ты так, я же объяснил – это совершенно адекватные, нормальные люди. Ну да, молятся, в церковь православную ходят, не в секту какую-нибудь, но тебя же никто не заставляет. Не курит у них

никто, так и ты не куришь. Николай по праздникам может рюмку-другую выпить – так же, как и ты. Матом не злоупотребляешь, только не чертыхайся при них... да и всё, пожалуй.

- Да нет, я ничего не говорю...
- Вот и не говори, а давай собирайся!

* * *

Сазонов приехал в город ранним вечером. Отбил от настойчивых таксистов, разыскал остановку маршрутки. Вскоре подкатил жёлтый, расписанный рекламными лозунгами микроавтобус, и Сазонов захватил хорошее место у окна. Ехать пришлось долго – Кузнецовы жили на окраине, в частном секторе. Далековато будет ездить в больницу, ну да ладно, переживём.

От конечной остановки Сазонов не без труда добрался до нужной улицы. Пришлось несколько раз переспрашивать редких встречных прохожих, чего он страшно не любил. Пригородные улочки, узкие, неровные, застроенные частными домишками, ничем не выказывали свою принадлежность к городу, больше походили на сельские.

Начинало темнеть, но воздух был ещё по-дневному тёплым, только налетающие порывы несильного свежего ветра напоминали о приближении ночи. Во всём чувствовался перелом – вечера с ночью, зимы с весной, смерти с жизнью. Из набухших почек неудержимо рвались наружу зелёные листочки, земля, оттаявшая после холодов, взрыхлённая, исходила томлением, требовала в себя невесомого семени, которое прорастёт неукротимыми ростками новой жизни...

Дом, в котором жили Кузнецовы, аккуратный, одноэтажный, располагался за невысоким забором из ажурных металлических прутьев, выкрашенных в яркий зелёный цвет. Сазонов подошёл к калитке, стал искать звонок, но нигде не мог найти. Из небольшой деревянной будки выскочила кудлатая собачонка и принялась звонко облаивать гостя, не забывая при этом дружелюбно вилять хвостом: «Я вообще-то против вас ничего не имею, даже подружиться готова, но, увы, на работе! Не погавкаешь – ещё пайки лишат! Р-р-гав-гав!».

Вскоре открылась дверь дома и на дорожку, ведущую к калитке, вышла молодая женщина в лёгком ситцевом платье до колен, в накинутой на плечи вязаной кофте. Невысокая, крепкая, улыбчивая. Тёмные волосы схвачены в обычный хвост – никаких натянутых на глаза чёрных платков, подолов до земли, суровых взглядов.

- Вы Андрей Сазонов? – улыбнулась она. - А я Марина! Заходите, как говорится, милости просим! Цыц, Кнопка, свои!

Кнопка тут же прекратила гавкать, завиляла хвостом. Марина откинула крючок, впустила Сазонова во двор. Дверь в дом приоткрылась, и в щель выглянули любопытные детские мордашки.

Однако Марина свернула не направо, к дому, а налево, к небольшому домику, стоящему напротив. Открыла дверь, пригласила Сазонова войти, сама зашла следом. Домик состоял из двух комнат с низкими потолками и крохотными подслеповатыми окошками. В комнатке побольше стояла старая металлическая пружинная кровать с шишками на спинках, с толстым матрасом, покрывалом с бахромой, пышной подушкой. Тут же небольшой двустворчатый шкаф и комод.

Во второй, совсем маленькой комнатке, находился кухонный стол-тумба, сделанный, наверное, не позже 1960-х годов: деревянный, покрытый многими слоями зелёной масляной краски, с двумя выдвижными ящиками, снабжёнными круглыми ручками-грибками, и дверцами, закрывающимися на щеколду в виде деревянного бруска, насаженного на гвоздь.

Рядом располагалась такая же старая двухконфорочная газовая плита, маленький холодильник и столик для посуды. На окнах – чистенькие занавески с подсолнухами, под

потолком – обычные лампочки в открытых патронах. Просто, архаично, чистенько и... очень уютно. В углу на полочке стояла небольшая икона под стеклом, с ней рядом засохший букетик цветов и несколько бумажных иконок поменьше.

В другом углу был прибит облезлый металлический рукомойник с ведром для грязной воды внизу, рядом на табуретке – эмалированное ведро с чистой водой, накрытое крышкой.

- Тут вода не проведена, это вам так, умыться утром-вечером, зубы почистить. А душ и ванна – в доме, хоть каждый день купайтесь! Газ тут есть, плита работает – ну, там, чайник вскипятить. Так-то я вам всё приготовлю, меня Олег предупредил. Вот тут в шкафу – полотенца, постель, всё чистое. Вы вещи разберите, в шкаф положите, умойтесь с дороги да пойдёте в хату, поужинаем!

- Не нужно, не беспокойтесь, я так, чаю выпью и всё...

- Нет-нет, пойдёте! Мы в это время как раз ужинаем, заодно с детьми познакомитесь. Муж попозже подъедет, звонил, велел его не ждать.

« Ох, чё... - одёрнул себя, не заругался даже мысленно, - ёлки-палки, детям бы гостинцы какие-нибудь привёз, говорил же Олег, трое деток у них...». К счастью, вовремя вспомнил про печенье, которое взял с собой, да так и не съел.

- Так вы тут умойтесь, переоденьтесь, заходите в дом. Просто дверь открывайте и заходите.

Она вышла, оставив его одного. Он умылся чистой холодной – наверное, колодезной – водой, а переодеться не стал: зачем надевать домашнее, если всё равно нужно выходить на улицу? Взял пакет с печеньем и вышел во двор.

Подожёл к дому, потоптался на крыльце – заходить, просто открыв дверь, как говорила Марина, не решался по интеллигентской городской привычке. Звонка нигде не видно, а сама дверь обита дерматином с толстой мягкой набивкой – стучи, не стучи - не услышат. Он всё же робко постучал по косяку, потоптался на крыльце, постучал ещё раз, помялся и потянул на себя тяжёлую дверь.

В прихожей ярко горел свет, из комнаты слышались детские голоса. Оттуда выкатился карапуз лет трёх, уставился на Сазонова круглыми любопытными, без страха глазами.

- Дядя присол! - радостно возвестил он.

Вышла Марина, улыбнулась, пригласила к столу. Стол к ужину был накрыт в просторной кухне-столовой, где, помимо этого стола, помещались кухонные шкафы, полки с посудой, большая газовая плита, и ещё оставалось место.

Сазонова познакомили с детьми: старшей, Верой – серьёзной, высокой, большеглазой, лет, наверное, четырнадцати, и Марусей – шустрой, маленькой хохотушкой, не больше восьми. Карапуза важно величали Иваном. Сазонов передал Марине печенье, что-то пробормотал, смущаясь.

Он побаивался, что перед едой будут читать длинные молитвы, а сам ужин пройдёт в гробовом молчании и потупленных взглядах. Однако его опасения оказались напрасными. Конечно, в углу висели иконы, горела лампадка. Перед едой прочитали короткую молитву, Марина перекрестила стол, но в остальном всё было как в обычной семье: младшие дети шумели, иногда капризничали, хозяйка расспрашивала Сазонова о его жене и детях.

Ели варёную картошку с грибным соусом, действительно очень вкусную. Затем был чай с домашней выпечкой и печеньем, которое он привёз. Сразу после ужина Сазонов заспешил к себе в домик, вымылся до пояса холодной водой, застелил чистым бельём постель, залез на непривычно высокую мягкую кровать, поворочался немного под умиротворяющие звуки частного двора: сонное трепыхание кур, тьяканье Кнопки. Даже начавшиеся вскоре весенние котятчи разборки не помешали Сазонову заснуть непривычно глубоким, ровным сном.

На следующие утро начались лечебные будни. Сазонов поднимался в шесть часов, умывался, шёл в дом – завтракать. Сначала смущался, что приходит так рано, но вскоре понял, что для хозяев это не рань, а обычное время утренних забот. Познакомился с мужем Марины, высоким, широкоплечим бородатым Николаем. Сначала он показался Сазонову мрачным и угрюмым – настоящим фанатиком. Но вскоре стало ясно, что это впечатление обманчиво – достаточно было увидеть, как тот улыбается: открыто и немного застенчиво.

Николай появлялся редко – работал с утра до вечера в своём фермерском хозяйстве. Марина оставалась дома, всё её время занимали мелкая живность, сад, огород и маленький Ваня, не ходивший ещё по малолетству в садик. Сазонов с утра уезжал в медицинский центр, сдавал анализы, проходил обследования. Никто толком не мог или, скорее, не хотел ему ничего говорить о ходе болезни: «Вот сдадите все анализы, обследуетесь, вас примет профессор Ставинский, ему и задавайте вопросы! А пока посещайте предписанные процедуры и не переживайте!»

Легко говорить: не переживайте! Им-то что, у них больных, подобных Сазонову, тысячи, а он у себя – один. Наконец ему назначили время приёма у профессора – пятница, девять утра.

Сазонов переживал сильно. Он не знал, чем себя занять, ходил по своей комнатке, смотрел старый телевизор, который Николай притащил специально для него откуда-то из дальней комнаты. Выходил во двор, садился на скамейку под яблоней. Тут же являлся толстый, ленивый дымчатый кот Барсик, мяукал, забираясь на колени, требовал, чтоб ему чесали за ушами.

Кнопка при этом рвалась с цепи, облаивала хвостатого наглеца. Полосатая кошка Алиса, охотница-крысоловка, презрительно щурилась издали, к чужаку не подходила. Вообще Сазонову не докучали. Никто не приглашал его помолиться, не подсовывал умных книг, не вёл душещепательных бесед. Марина заботилась о его быте, готовила просто, но очень вкусно, прав был Олег.

При этом не всё меню было постным, Сазонов получал еду вместе с малышами, которые не постились так строго, как взрослые. Он всё же прикупил себе килограмм сарделек, положил в морозилку, но доставал и варил их редко – после сытных Марининых обедов и ужинов, которые она виртуозно готовила из круп и овощей, есть не хотелось совершенно.

Эта неделя была предпасхальной. В четверг Марина попросила его завтра вечером разрешить детям заняться покраской пасхальных яиц в его летней кухне: в доме она собирается готовить блюда для праздничного обеда, и дети будут ей мешать. Вообще-то в пятницу этим не занимаются, но поздно вечером – ничего, можно. И ещё, не сможет ли он побыть рядом с детьми? Ничего особенного делать не нужно, просто приглядеть за ними – там надо работать с кипятком... Сазонов согласился, плохо понимая, о чём его просят: все мысли занимал завтрашний приём у профессора.

...В больницу он появился в начале девятого, топтался возле кабинета, присаживался на скамейку, нервно ходил из угла в угол. К девяти народу набилось много, толкались, старались протиснуться поближе к двери, Сазонова совсем оттеснили. В начале десятого вышла дородная медсестра и сурово провозгласила:

- Никому не стучаться и без очереди не лезть! Вызывать буду по списку, - и, пресекая ропот, громко возвестила: - Сазонов! Есть Сазонов? Проходите!

Профессор Ставинский оказался худым невысоким, неопределённого возраста человеком, с жидкими светлыми волосами и такого же цвета усами. Ни очков, ни густого рокошущего голоса, ни снисходительного обращения «батенька». Только глаза были «профессорские»: усталые, цепкие и очень мудрые. Он долго листал историю сазоновской болезни, иногда задавал тонким, дребезжащим голосом быстрые, резкие вопросы.

Затем закрыл папку, внимательно посмотрел на Сазонова и вдруг улыбнулся просто и открыто.

- Что, Андрей Николаевич, помирать собрался? Гроб заказал уже? Ну повремени пока! Я думаю, что обойдётся, во всяком случае, шанс у тебя есть, и неплохой шанс! В общем, так. Недельку походишь на процедуры, подготовишься, а числа, скажем так, двадцать пятого – я потом уточню – прошу на операцию.

- Так что, - Сазонов слегка задыхался, говорить было трудно, - значит, у меня есть шанс? Я... не умру?

- А кто тебе сказал, что ты вообще умрёшь? Не повторяй глупостей, готовься к операции и выброси из головы эту чушь! – он внимательно посмотрел в глаза Сазонову, подмигнул - вовсе не фамильярно, а ободряюще - и тихо добавил: - А смерти, Андрей, вообще нет!

- Как это «нет»? – ошарашено спросил Сазонов.

- А так! Нет, и всё! – Ставинский слегка отмахнул рукой в сторону двери и тут же, медсестре: - Антонина, давай следующего!

* * *

...Вечером дети притащили на его кухню целую художественную мастерскую: тут были красители в пакетиках – и обычные, и перламутровые, и какие-то блестящие. Листочки с серебристыми и золотистыми наклейками в виде голубей, крестиков, цветов. Сазонов вспомнил детство, его бабушка тоже красила яйца к Пасхе, но они у неё получались только трёх расцветок: коричневые - сваренные в луковой шелухе, красные и ярко-зелёные.

А ещё Вера принесла специальные разноцветные восковые карандаши: один из способов предполагал раскрасить ими яйцо, а затем погрузить в краситель. Такое яйцо получалось ярким, необычно красивым, неповторимым.

Сазонов с интересом наблюдал за всеми процессами, ни во что не вмешиваясь, Вера прекрасно знала технологию. Вот она опустила в кастрюльку, где кипела вода с луковой шелухой, несколько яиц, обсыпанных сухим рисом и завёрнутых в марлю. Потом, когда их достали, получились красивые пёстрые коричневые крашенки.

Обычные, выкрашенные в какой-либо яркий цвет, яйца высыхали и поступали в распоряжение Маруси и Вани. Они деловито наклеивали различные наклейки, ссорясь иногда из-за наиболее красивой.

Вскоре Вера достала восковые карандаши, и дети начали разрисовывать яйца и опускать их в краситель. Получалось не очень: яйца овальные, к тому же горячие – рисовать на них сложно, а на холодных воск не оставляет следа. Даже у Веры получалось не совсем хорошо. Сазонов не вытерпел:

- А можно мне попробовать?

- Ой, конечно, дядя Андрей, попробуйте! – захлопала в ладоши Маруся. Вера просто подвинула к нему карандаши и улыбнулась. Сазонов взял горячее яйцо, повертел карандаши.

- А что рисовать-то нужно? - спохватился он.

- Праздничное, весёлое! Птичек, цветочки, солнышко. Крест, свечку. «Христос воскрес!» написать, - зашебетала Маруся.

Сазонов смущённо улыбнулся, взял в руки карандаш. Сколько же лет он не рисовал! Горячее яйцо обжигало руку, но он не замечал этого. Вот появилось облако, из-за него солнечные лучи. Внизу – тюльпаны. На другом яйце он изобразил стаю голубей, поднимающихся ввысь.

Дети притихли и широко раскрытыми глазами смотрели на чудо: чистая белая скорлупа покрывалась удивительными рисунками, узорами, цветами, облаками и птицами. Вера брала разрисованные яйца, опускала их в краску, а потом вынимала, клала на специальные подставки, чтобы высыхали.

Сазонов забыл обо всём. Никогда не молившийся, не отрицающий Бога, но и особо не верящий в него, он так боялся к нему обращаться! Так не хотел просить о своём выздоровлении! Так опасался, что эти симпатичные Кузнецовы, приютившие его, заставят читать молитвы или же сами станут за него молиться!

А теперь он, сам не ожидая от себя, творил своими руками *красоту*, предназначенную для праздника, величайшего праздника Воскресения. Если в этот день может воскреснуть Бог, распятый и умерший на кресте, то почему не может воскреснуть обычный человек Сазонов, ещё живой, но много раз умиравший от одного слова сомнения, от одного не самого лучшего анализа, от одной брехливой статьи в интернете!

Он просто делал то, что умел, рисовал чудесные картинки, словно говоря: «Вот я, Андрей Сазонов, песчинка в омуте мироздания. Я не умею читать молитвы, но вот, говорю с тобой сейчас, как умею, не словами, а своими рисунками. Я хочу выздороветь, я хочу видеть это небо с голубями, эти листья и цветы, эти облака с солнечным лучом! Я хочу приехать домой, достать из кладовки старый ящик с красками, сдуть с него пыль и снова рисовать, увековечивать в своих рисунках эту красоту, а значит, и того, кто её создал! Вот моя душа, Господи, она здесь, в этих облаках, цветах и птицах, в этой неумелой молитве...»

Он остановился, только когда закончились яйца, положил на стол остатки восковых карандашей, бессильно опустил руки. Вскоре Вера достала последнее яйцо из баночки с краской, положила на подставку. Дети разом загалдели, восторженно рассматривая необычайные, чудные, потрясающе красивые яйца.

- Дядя Андрей, а вы – художник? – Маруся смотрела на него распахнутыми в изумлении глазами.

- Не знаю, - смущённо улыбнулся Сазонов, - когда-то хотел им стать, да не вышло. А может, опять стану...

Он встал из-за стола, вышел во двор. Стоял дивный апрельский вечер, на небо, теряющее хрупкую прозрачность, наливающееся тёмной синью, робко выбирались первые звёзды. Они ласково улыбались, подмигивали, прятались за маленькими тучками. Казалось, всё дышит праздником, который не наступил, но уже рядом, уже грядёт. Ещё не время, ещё Бог мёртв, но вот послезавтра ударят ликующие колокола, возвестят миру радостную весть, что он снова жив. И праздничная ночь Воскресения засияет множеством свечных огоньков, человеческих улыбок, ярких разноцветных яиц, и неумело покрашенных наивной рукой ребёнка, и расписанных уверенной кистью когда-то подававшего надежды художника.

И не останется мёртвых в эту ночь, ибо даже те, кто готовился умереть, поймут, что они будут жить, что мудрый профессор говорил правду и что смерти на самом деле нет!

ПРОЩАЛЬНЫЙ УЖИН

- Витенька, надо завтра с утра обязательно на Королёва съездить, вещи собрать! - Алла, как всегда, мягко, но непреклонно гнёт свою линию. - Вечером квартиранты въезжают! Я на утро уже договорилась с бабой Ниной, её ребята придут, все вещи ненужные вынесут, а потом она поможет-приберёт.

- Ну-у... мы же вроде всё нужное забрали, - Виктор лениво потянулся, - да и ломает меня чуть свет вставать в выходной, ехать через весь город.

- Всё равно, надо посмотреть ещё раз, там книги какие-то, кажется, остались! Да и за ребятами завтра приглядишь, чтоб лишнего чего не вынесли!

- Тогда я с вечера лучше поеду, там и заночую...

На улице Королёва жила бабушка Лиза, которая умерла месяц назад. Болела недолго, никого особо не напрягая. В последние только недели перед смертью Вите пришлось несколько раз приезжать среди ночи, помогать соседке бабе Нине, которая приглядывала за ней. Потом скорая увезла её в городскую больницу, откуда она уже не вернулась.

Вите с Аллой, а впоследствии их дочке Юле, досталась в наследство её однокомнатная квартирка на первом этаже. Вещи бабушки: телевизор, проигрыватель, стиральная машинка, предназначались бабе Нине – за уход.

Юле только пятнадцать, ещё несколько лет будет с родителями. Вот выйдет замуж, тогда пускай и живёт в этой квартире, а пока решили её сдавать. Риэлторша из агентства посоветовала купить стиралку-автомат и телевизор посовременнее, провести интернет, чтобы получить больше арендной платы. Так и сделали, к радости бабы Нины, заполучившей, кроме всего, старую, но хорошую бытовую технику.

Виктор приехал пораньше, зашёл по дороге в супермаркет, взял хлеба, пачку пельменей, чтоб не возиться с готовкой, и, конечно же, пива с копчёной рыбкой. Алла ничем не рисковала, отправляя мужа ночевать одного в квартире. Толстый, обрюзгший к своим сорока пяти, Виктор предпочитал уединяться с любимым напитком, а не с какой-нибудь вертихвосткой, да и соседка баба Нина – это Карацупа с Ингусом в одном флаконе: вмиг вычислит.

Виктор зашёл в квартиру, закрыл дверь. Привычно щёлкнул выключателем. Вспыхнула яркая лампочка, и на долю секунды всё вдруг стало прежним – уютным, жилым, родным, словно они всё ещё жили здесь... Потом время опять прыгнуло на двадцать лет вперёд, и он оказался посреди полупустого, холодного, заброшенного жилья, неживого, лишившегося хозяев...

Ладно, оставим лирику, приступим к делу. Он методично пересмотрел все полки и тумбочки. Вот несколько старых книг – какая-то мур. А это что? Толстенный том в картонном переплёте, с золотым тиснением. Пушкин, выпуск 1939 года – надо забрать!

Дальше шла вообще ерунда: подшивки «Работницы» и «Здоровья», «Малая Земля» Брежнева – это всё бабе Нине, пусть разбирается. Нам оно не надо. Он отобрал ещё несколько книг, вазу с отколотым краем, старинную фарфоровую статуэтку. Упаковал собранное в прихваченный с собою баул, попробовал – ничего, не сильно тяжело. Ну, всё, можно приступать к пиву.

А, вот ещё куча старых пластинок... Да зачем они, пусть баба Нина слушает. Он рассеянно перебирал пыльную стопку, как вдруг рука непроизвольно вытащила небольшой чёрный конверт с портретом певца, лысоватого, с ястребиным носом и пронзительным взглядом.

Да-да, та самая, «Александр Вертинский. Прощальный ужин». Он криво усмехнулся, нашёл среди вещей, отложенных для бабы Нины, старенький проигрыватель, включил, поставил пластинку на диск. Надо же, работает...

Зазвучали первые аккорды старинного рояля. Комната вдруг стала иной: жилой и уютной, вместо дивана в углу появилась старая тахта под пёстрым пледом, разбросанные вещи спрятались по своим местам.

Виктор с удивлением заметил, что не только комната изменилась. Он тоже стал другим: исчез его живот, распрямились плечи, потемнели волосы. А музыка осталась прежней. Тот же рояль, тот же голос, те же слова...

*Сегодня томная луна,
Как пленная царица,
Грустна, задумчива, бледна
И безнадежно влюблена.*

*Сегодня музыка больна,
Едва звучит напевно.
Она капризна, и нежна,
И холодна, и гневна...*

Сейчас откроется дверь и войдёт Стася...

* * *

- Стаська, ну ты где? Фильм давно начался!

- Иду, уже почти иду, Вик!

Вик, он же Витя, недовольно ворочается. Опять Стаська прибежит к середине фильма, начнёт выпрашивать, уточнять. Пока ей объяснишь, сам потеряешь нить. Да и куда уютнее смотреть кино вдвоём, на узкой тахте, укрывшись мягким пёстрым бабушкиным пледом!

Они обычно лежат, прижавшись друг к другу, она с краю, он возле стенки. Обнимает её сзади, нежно тербит мягкие русые волосы. Стаська хоть и худая, но гибкая, не костлявая. Потянется под его руками, выгнется ивовою веткой... Какое уж тут кино!

- Котенька, милый, ненасытный ты мой...

- Разве ж тобой насытишься, любимая, солнышко моё!

...Они всегда засыпали, обнявшись, не одеваясь, чтобы и во сне чувствовать близость. Просыпались ночью, опять тянулись друг к другу. Утром, еле продирая глаза, чумные, пробивались к реальности сквозь звон будильника. Мчались на работу, досыпая на ходу. Время любви, новый медовый месяц: одни в квартире, некому им мешать! Как там, в этой песне?

*За упоительную власть
Пленительного тела,
За ту божественную страсть,
Что в нас обоих пела!*

Он никогда не звал её Настей. Анастасия, Настасья, Стася. Насть много, а Стася одна. Она называла его – Вик. Вик и Стася – таких имён нет больше ни у кого, так повелось с той первой встречи, когда они всю ночь гуляли по городу, говорили, смеялись и даже не поцеловались ни разу. Он признавался потом, что был очарован её красотой, необычной, не яркой, а какой-то вдохновенной, недостижимой, что ли. А она изумилась тогда, как такой милый, романтичный, не нахальный парень не знает стихов, не любит театр. Читала ему Цветаеву, своё любимое «Идёшь, на меня похожий...», и он вдруг поразился: «До чего же точно, на кладбище земляника всегда такая сладкая! Мы в деревне пацанами бегали собирать, так не сравнить с лесной...»

И так здорово, что они живут одни! Никто не мешает вечером сидеть на крохотной кухоньке и пить чай. Нет, не общепринятый в те времена перепревший настой с запахом веника.

Московский BAZAR, № 1 (15) 2015 г.

У бабы Лизы нашлась старинная книжка, где описывалось в подробностях, как надо правильно чай заваривать.

Они завели специальную посуду, раздобыли набор песочных часов на три, пять и восемь минут. Находили где-то разные сорта чая, смешивали их в прогретом фарфоровом чайничке, следили за водой, закипавшей в специальном ковшике – заливать сухие чёрные стружки надо в строго определённый момент кипения!

Укутывали заварочный чайник, ставили песочные часы – чтобы чай ни одной лишней секунды не перестоял. Разливали дымящийся настой в широкие бабушкины, из настоящего китайского фарфора, чашки. Пили – упаси боже! – без сахара, смаковали тонкий вкус. Частенько, в нарушение всех чайных традиций, Вик приносил бисквитно-кремовый торт за два двадцать. Как же упоительно было лопать этот торт с духовитым чаем под пластинки на старом проигрывателе!

Это Стаська открыла для него немного наивные, но такие щемящие песни Вертинского. Вообще приучила к стихам, которых он раньше не понимал. А как они тогда с ней пытались разобрать строчку из «Прощального ужина»!

*Отлив лениво ткёт по дну
Узоры пенных кружев.
Мы пригласили тишину
На наш прощальный ужин.*

Кто ткёт узоры по дну? Стаська говорила, что Клиф: «А Клиф лениво...». А кто такой Клиф? Ну, не знаю, какое-то морское божество... Однажды его осенило: отлив! Но Стаська была не рада... Ей так не хотелось расставаться со своим Клифом...

Как всё было наполнено жизнью, ярко, насыщенно! Они жили, словно взахлёб, совсем не так, как он раньше дома, с родителями: скучновато, размеренно... но ведь так привычно!

А в тот вечер стояла полная луна... Стася была с ним особенно нежна и при этом сосредоточенна, словно всё время прислушивалась к себе. Ласково обнимала его, обцеловывала. Они соединились тогда как никогда трепетно и в то же время страстно. А потом она лежала у него на груди, как золотая тучка, спрятавшись от всего мира.

- Котенька, милый, давай никуда завтра не пойдём! Побудем весь день вдвоём! Там, на улице, сыро, страшно. А мы чайчик заварим, торт купим... Я для тебя специальных отбивных нажарю! По первой программе вечером фильм интересный... Потом я подарочек тебе приготовила. Какой-какой, завтра вечером узнаешь... Ну пожалуйста, Викочка!

- Ну Стасичка, солнышко моё, ну как же... я не могу. Мы к маме должны пойти обязательно, мы же обещали, нас ждать будут, - Вик понимает, что говорит неубедительно. Ему самому очень хочется остаться дома, побыть со Стаськой вдвоём целый день – когда ещё такая возможность выпадет!

Но он не может подвести маму! Сам виноват – не надо было тогда соглашаться. Ведь никакого праздника, обычный выходной. Просто неделю назад Варвара Сергеевна позвонила ему на работу и позвала их на «семейный праздничный обед», а он не смог возразить, не хотелось её обижать.

Маме возражать вообще трудно. У неё всегда получается так, будто это они напрашиваются к ней, а она милостиво соглашается их принять. И как теперь отказаться? Кроме них, должны прийти двоюродная сестра Лена с мужем и маленьким сыном, мамыны подруги (они тоже считаются семьёй).

Если Вити с Настей (мама не признаёт их Вика и Стасю) не будет, она начнёт звонить и выпрашивать, почему они не едут, что у Насти опять болит и почему такое неуважение к матери. Если отключить телефон, приедет на своей старой «Волге» отец, всю жизнь смотрящий на мир глазами обожаемой Вареньки, станет требовать, чтоб они немедленно собирались.

А Стаська каждый раз обижается: «Ну сколько можно! Каждые выходные у твоей мамы! У моих родителей не бываем никогда, да и вообще лучше бы вдвоём сходили куда-нибудь!»

Когда он уступает жене и они пропускают обязательный «семейный обед», мать начинает обрывать телефон и на работе, и дома. Дотошно выяснять, почему они давно не приходят, может, Настенька на неё обиделась? За что, ведь она хочет только добра!

Мама никогда не была в восторге от Стаси. Наверное, ей хотелось заполучить тихую, уютную невестку, такое приложение к сыну, нового члена семьи без собственного мнения и права голоса. Несмотря на то, что Стася совершенно не соответствовала её идеалу, мама настаивала, чтобы они жили у них, надеясь, наверное, со временем прогнать её под себя.

Правда, вначале почти год они обретались у Стаськиных родителей, потому что там до института рукой подать. Жили в маленькой комнатке-спальне, а предки в проходной комнате. Отношения были спокойными: старшие не лезли в их жизнь, а молодые старались не сильно им мешать.

Но всё равно было тесно, неудобно, неуютно. Тем более что вскоре возвращался из армии младший Стаськин брат, комнату приходилось освобождать. Поэтому сразу после защиты дипломов уступили уговорам Варвары Сергеевны и переехали в её просторную трёхкомнатную квартиру.

А та не хотела понимать их желания жить своей семьёй. Сердилась, когда молодые после ужина закрывались у себя в комнате, стучалась, приглашала к «семейному вечеру» у телевизора или к общему столу. Всегда приходила на кухню, когда они устраивались там вдвоём, вклинивалась в разговоры. Допоздна смотрела телевизор в гостиной, куда выходила дверь их комнаты, ходила по квартире, зажигала свет. Приходилось любить друг друга тихо, без звука, не расслабляясь.

Стаська всё чаще ссорилась с ним из-за этого. А ещё из-за того, что мама не разрешала ей готовить, даже для себя: на кухне должна быть одна хозяйка!

– Да пойми ты, – Стася чуть не плакала, – у меня желудок больной, а мама твоя готовит по-своему, хоть и вкусно, но очень жирно, я не могу такое есть! Ну поговори ты с ней! Я же вижу, они все на меня косятся – такая молодая и такая вся больная... Да ещё на праздники водку пить заставляют! А потом меня полночи рвёт, и два дня я сижу на чае с сухарями!

Он бубнил что-то невразумительное, обещал поговорить с мамой, прекрасно зная, что говорить не будет, так как это только приведёт к лишним ссорам.

Поэтому они так ликовали, когда баба Лиза, сразу полюбившая Стаську, вдруг решила на полгода уехать к своей дочери, сестре Витинога отца, в Харьков и пригласила их пожить в своей квартирке. Так радовались уединению! А Варвара Сергеевна была в бешенстве. Всё решили без неё, а главное, Витенька пошёл на поводу у жены и у бабки, вопреки её мнению!

С тех пор она устраивала «семейные обеды» почти каждое воскресенье, непременно требовала их присутствия, ненавязчиво сокрушалась, как Витенька похудел, подкладывала ему на тарелку кусочек пожирнее.

Затем стало ещё хуже. И Вик, и его родители знали, что Стася на первых курсах института была в составе полусамодетельной, почти профессиональной театральной труппы. А ему она также призналась, что у неё с одним из артистов был роман, закончившийся нежелательной беременностью. Вик не расспрашивал её о подробностях, понимал, что она очень переживает, и тему эту больше не затрагивал.

Он не ревновал её к прошлому – сам, бывало, весело проводил время в студенческой общаге, но вот то, что Стасья никак не могла забеременеть, его начинало тревожить. Да и мама изводила расспросами. Стася на первых порах, через силу смеясь, отвечала, что надо институт закончить, потом просто уходила от этой темы. А он однажды в телефонном разговоре... ну, допустил намёк, потеряв на секунду бдительность. Варвара Сергеевна намёк приняла к сведению, но виду не подала.

И вот тогда, в тот самый день, в конце долгого обеда, когда он уже думал, как покультурнее объявить, что им пора домой, когда наконец вроде бы иссякла долгая, вязкая тема беременности дочери маминой подруги и рождения внука у соседки, когда наступила тишина, предшествующая обычно окончанию застолья, Варвара Сергеевна вдруг повернулась к Стасье и притворно-ласково спросила:

- А вы так и будете вдвоём свободой наслаждаться? То после института собирались рожать, теперь что, карьеру надо делать?

- Мам, ну всему своё время! Не надо на нас давить, мы сами разберёмся! – вступился Виктор за молчавшую Стасю.

- Да кто же на тебя давит, сыночка? Как ты можешь так говорить? Я же добра вам хочу, без деток какая семья, а вы уже почти три года женаты...

- Мама, мы сами разберёмся! Зачем ты вмешиваешься, да ещё при всех...

- Смотри на него, сами они разберутся! Как же! Тебя, дурачка, за нос водят, а ты всё «сами, сами...»

- Викочка, пойдём, пожалуйста, домой. Мне плохо... – тихо тронула его за рукав Стася.

- Кто это меня водит за нос, мама? – он повернулся к Стасе. – Сейчас идём...

- Кто тебя водит? Твоя жена, – она произнесла это слово с явным сарказмом, – три года она морочит тебе голову, что ещё рано, что надо пожить для себя! Она же не может иметь детей!

- Мама! Перестань!

- Вик, пожалуйста, прошу тебя, уйдём скорее, разве ты не видишь, что нас хотят поссорить!

- Нет, Витя, ты обязан мать выслушать! Она же актриска, она тебе сейчас всё что хочешь сыграет, как три года святую невинность изображала!

Стасья, вся в слезах, пыталась пробиться в прихожую, Вик в растерянности пытался остановить её, а Варвара Сергеевна уже не говорила, а почти кричала:

- Расскажи нам, Настенька, комедиантка ты наша, сколько артистов в твоей постели побывало да сколько раз ты аборт от них делала! Это ты его можешь дурачить, про свою непорочность рассказывать, а мать не обманешь, нет! Мы-то думали, ты там пару раз в КВН участвовала между делом, и всё. А я про тебя всё разузнала! Как вы на гастроли ездили и какие оргии там устраивали! А теперь ты тут невинность изображаешь?

- Что вы говорите, Варвара Сергеевна, какие оргии? – растерялась Стася.

- А такие! Какие все артисты устраивают, вдали от дома, понимаешь!

- Мама, не смей! – он двинулся на неё, пытаясь заставить замолчать.

- А-а, Серёжа, смотри, он меня чуть не ударил! – завизжала Варвара Сергеевна, обращаясь к мужу. – Ой, мне плохо, сердце! Дайте валокордин... Серёжа, Витя... – она начала заваливаться на стул, хватаясь за грудь.

- Мама! – Виктор бросился к ней, а в глазах застыли, словно на фотографии: мама, хватающая ртом воздух, отец, отшвырнувший мешающий ему стул, Стася, стоящая возле стола и закрывшая уши ладонями с тонкими пальчиками, злорадно улыбающаяся Елена Максимовна.

Потом всё пришло в движение: мама упала на стул, он подбежал к ней с одной стороны, отец – с другой, Стася сдвинулась с места, кинулась к выходу, и только Елена Максимовна продолжала неподвижно сидеть со своей злорадной улыбкой...

Он кинулся в прихожую за Стасей, но отец схватил его за руку:

- Куда?! Мать при смерти, а ты бежать? Назад!

- Стася, подожди! – он снова бросился к маме...

...Разумеется, всё обошлось, скорую мама вызвать не разрешила. Она сидела в своём кресле, полузакрыв глаза, и только повторяла иногда: «Ты только, Витенька, не уходи...» Но он всё же вскоре уехал. Когда Вик вернулся домой, Стася лежала на диване, лицом к стенке и плакала. Потом её начало рвать, просто выворачивать наизнанку. Она никак не могла остановиться, чуть не теряла сознание, так что пришлось вызывать скорую. Стасю увезли в больницу.

Он не удержался, позвонил родителям. Трубку взял отец, и Вик начал кричать, что они довели Стасю, что она в больнице, на что отец ответил, что лучше бы сын спросил, как чувствует себя его мать, а не устраивал истерику по поводу своей жены-симулянтки.

Он разбил телефонную трубку, достал из серванта бутылку дорогого коньяка, припасённую для гостей, и выпил её всю, не почувствовав облегчения.

Стаську выписали только через неделю. Врач сухо сообщил, что у неё был сильный нервный срыв, а на его фоне – выкидыш. Виктора словно оглушили. Значит, Стаська была беременна! Почему же она ему ничего не сказала?

Кинулся к ней, но встретил молчание. Жена замкнулась в себе, почти не разговаривала с ним, пила кучу лекарств. Спала она теперь полуодетой, завернувшись в одеяло, не отвечая на его робкие попытки сближения. Вскоре позвонила баба Лиза, сказала, что больше гостить не сможет, ей пора возвращаться.

Он сообщил об этом Стасе, та пожала плечами. На другой день, когда Вик пришёл с работы, впервые после болезни приготовила его любимые «специальные отбивные», сходила в гастроном за тортиком. Они опять заварили чай, сидели вдвоём на маленькой кухне, но всё это было уже другое, ненастоящее. А потом Стася сказала, что, раз баба Лиза возвращается, она пока переедет к своим родителям. Вдвоём туда ехать нельзя, там тесно, брат вернулся из армии, и у неё даже нет своей комнаты.

Пусть Вик решает с жильём, к его родителям она не поедет. Когда у них будет свой угол, она приедет к нему, если он, конечно, захочет.

- Почему же ты не сказала тогда, что беременна? Я бы всех их послал, остался бы с тобой!

Она устало покачала головой:

- Никого бы ты не послал, Витенька, - не Вик, не Викочка, а – Витенька. Это сильнее всего резануло его слух. - Знаешь, нельзя жить на две стороны, а выбрать меня ты не смог... Я хотела сказать тебе о своей беременности в тот день. Хотела, чтобы при этом мы были только вдвоём, нет, уже троём, чтоб в этот день у нас был праздник... Это и был тот подарочек, что я обещала. Но тебе он оказался не нужен... И теперь уже поздно, врач сказал, что детей у меня больше не будет. Всё, пожалуйста, не надо, не говори ничего, мне нельзя нервничать, мне опять будет плохо... не трогай меня!

Она убежала в комнату, где так и пролежала, молча завернувшись в одеяло и плача. Молча.

...Мы пригласили тишину

На наш прощальный ужин.

* * *

Комната снова стала прежней. Затихла музыка, исчезла тахта под пёстрым пледом, появился прежний диван. Плечи опустились, футболка натянулась привычным пивным животом.

Как же так? Почему он не вернул Стасю? Почему не пошёл в профком: как молодому специалисту ему положена была как минимум комната в семейной общаге. Потом бы встали на очередь... А ребёночка можно было бы взять из роддома, отказника, а там, глядишь, Стаська бы вылечилась, своего родила...

Надо, надо было тогда встряхнуться, уехать в общагу, забрать туда Стаську! Но он, полагая, что всё само утрясётся, вернулся к родителям (жить же где-то надо!), растворился в привычном домашнем мамином уюте (Стася и вправду, так готовить не умела!), не смог оттолкнуть от себя Аллочку, дочь той самой Елены Максимовны (а сколько Стаська может дуться, молчит только в трубку и плачет!).

Аллочка, мягкая, полнотелая, готовит почти как мама, не перечит ему, хотя и делает всё по-своему. Сначала он дёргался, потом махнул рукой: ведь так спокойно жить, не заботясь о быте, без страстей и скандалов, не разрываясь между женой и родителями, ведь мама Аллочку любит, да ещё и забеременела она вскоре, внучку бабушке Варе подарила!

А Витя полюбил покой, пиво с копчёной рыбкой, уютную сдобную Аллочку, которая никогда не слушает Вертинского, не заваривает правильный чай, не может прочитать монолог Офелии, в постели просто исполняет свой долг. Зато с ней спокойно и безмятежно, да и с мамой отношения наладились.

Бывший Вик никогда больше не видел Стасю, не знал, что с ней. Эта страница его жизни закрылась, осталась в прошлом. На полчаса он вынырнул из сладкой спячки, но дольше противиться этому сну уже не мог. Снял пластинку с диска, положил в конверт, бросил в стопку.

Придвинул к себе пиво и, блаженно жмурясь, предвкушая удовольствие, начал чистить копчёную рыбку...

Александр Белугин. Домик, 1997, холст, масло, 52 х 45 см

ПРОЗА

Владислав Кураш

(Киев, Украина)

НАВЕКИ С ПАРИЖЕМ

Денис Кораблёв уже два года жил в Португалии. До этого – полгода в Голландии и полгода в Германии. Всего, получается, три года он не был дома и не видел маму. Правда, время от времени он звонил ей и отправлял небольшие посылки, которые не всегда доходили.

Он жил в пригороде Лиссабона, в небольшом симпатичном посёлке Пиньял ди Фрадиш, расположенном на другой стороне залива в чудесном сосновом бору.

По вечерам после работы, приняв душ и поужинав, он выходил на балкон, откуда открывался вид на центральную улицу посёлка, заброшенный лимонный сад на противоположной стороне улицы, рыбный рынок и школу сегундарию со спортивными площадками и стадионом. Он открывал бутылку холодного пива «Sagres» и закуривал настоящую кубинскую сигару.

Высоко-высоко в небе, в лучах заходящего солнца, мигая бортовыми огнями, медленно двигался крохотный сверкающий авиалайнер. Он делал большую петлю и, слегка накренившись на левое крыло, уходил на восток, растворяясь в вечерней синеве неба.

Попыхивая сигарой, Денис провожал его взглядом, допивал пиво и спускался вниз. Возле дома в летнем кафе синьора Фернандеша, всегда было оживлённо илюдно. Денис брал ботонаду¹, свежий номер «Correio de mania» и садился за свободный столик. К нему обязательно подсаживался кто-то знакомый, завязывался оживлённый разговор, обычно затягивавшийся до полуночи.

Для нелегального эмигранта Денис неплохо знал португальский язык, всё понимал и мог изъясняться. Ему нравился португальский язык своей простотой и мелодичностью. А ещё больше ему нравились сами португальцы – прямолинейный, открытый и добродушный народ. Португалию он, не шутя, называл своей второй родиной.

И тем не менее он не собирался оставаться в Португалии навсегда. Его сильно тянуло домой, и чем дальше, тем всё сильнее. Он скучал по матери и друзьям, скучал по родному городу и дому.

За три года он скопил немного денег и, вернувшись домой, думал заняться каким-нибудь бизнесом. Трудности его не пугали, неудачи тоже. В любой момент мог собраться и снова уехать в Португалию. Строек в Португалии было достаточно, поэтому он не боялся остаться без работы.

Он долго размышлял над тем, как ехать домой. Конечно же, проще всего было бы лететь самолётом. Но ужасно хотелось побывать в Париже, и он понимал, что другого шанса у него не будет. Ещё он хотел заехать в Голландию, повидаться с друзьями. Поэтому после долгих

¹ Чашка кофе (порт.).

раздумий он всё-таки решил сперва поехать в Париж, потом в Голландию и только оттуда уже домой.

Денис попросил у патрона расчёт, купил билет на автобус до Парижа и за день до отъезда устроил прощальную вечеринку, на которую пригласил много народа. До поздней ночи не закрывалось кафе сеньора Фернандеша, с трудом вмещая всех прошенных и непрошенных гостей. И только под утро, когда всё было выпито и сказано, пьяные и довольные гости разъехались по домам.

Оставшись один, Денис ещё раз проверил рюкзак, паспорт с билетом, бумажник, завёл будильник на шесть утра и прилёг вздремнуть. В шесть он поднялся, принял душ, выпил кофе, оделся и поехал на вокзал.

Он покидал Лиссабон ранним утром. Автобус выехал из наполненного электрическим светом крытого автовокзала, свернул на Авенида ди Република и направился на север. За окнами проплыли Кампу Пикену, Энтре Кампуш, госпиталь святой Марии, университетский городок, Кампу Гранде.

Денис вспомнил, как два года назад, таким же морозным декабрьским утром, по этой дороге он въезжал в Лиссабон. На мгновение ему стало грустно. Но грусть быстро прошла. Выбравшись за город, автобус свернул на автоштраду Норте-Сул и понёсся к испанской границе.

Рядом с Денисом сидел смуглый, как цыган, молодой парень. У него было живое, очень подвижное лицо с большими чёрными глазами, орлиным носом и широким ртом. В ушах наушники. Денис посмотрел на него и невольно улыбнулся. Парень заметил это и заулыбался в ответ.

- Привет, тебя как зовут? - сняв наушники, обратился парень к Денису на родном языке.

- Меня? Денис.

- А меня Саня. Вот и познакомились. Ты куда едешь?

- Вначале в Париж, потом в Амстердам, а потом домой, на родину.

- Вот это совпадение, - всплеснул ладонями Саня. - Я ведь тоже еду в Голландию. У меня в Амстердаме двоюродный брат живёт. Машину себе хочу купить. Брательник говорит, что за тысячу там можно приличную машину найти. Денёк-второй погощу у брательника, куплю машину и на своих колёсах домой поеду. Ты чем дома заниматься думаешь?

- Ещё не знаю. Наверное, бизнесом каким-нибудь займусь.

- А я свою автомастерскую открою. Я машины с детства люблю. Я и в Португалии в автомастерской работал. Так что опыт есть. Я так считаю, что хорошо зарабатывать можно и дома. Была бы голова на плечах и желание.

За окном тянулся серый безжизненный каменистый пейзаж.

- Да, - мечтательно вздохнул Саня. - Дома сейчас хорошо. Мама звонила, говорит, первый снег выпал. А здесь, - Саня глянул в окно, - круглый год жара и солнце. Постоянно лето.

- А я лето люблю, - сказал Денис. - Мы каждое лето с друзьями на Десну ездим рыбачить. Вот это отдых. Ты знаешь, какая в Десне рыба?

- У нас в Днестре тоже рыба водится. Меня дед частенько с собой на рыбалку брал. Только это давно было, я тогда ещё маленьким был.

- А у меня дед на войне погиб. На Курской дуге в танке сгорел. Я его только на фотографиях видел. А другой – в тридцать третьем от голода умер. Жрать было нечего. В колхозах тогда за горсть зерна расстреливали.

- Слушай, Денис, - вдруг предложил Саня, - а поехали вместе в Голландию? Вдвоём всё-таки веселее будет. А оттуда на машине домой. Я тебя до самого Киева довезу. Как тебе такая идея? Годится?

- Годится, - подумав, сказал Денис, и они пожали друг другу руки.

- Я в Париже никогда не был, - мечтательно произнёс Саня.

- Я тоже.

- Говорят, красивый город. У меня в Париже одно небольшое поручение. Передатку просили завезти. Хочешь, съездим вдвоём, а нет, подождёшь меня где-нибудь в центре, погуляешь, на достопримечательности посмотришь. А билеты до Амстердама я предлагаю сразу купить, как приедем, чтобы потом не бегать сломя голову.

- Да, в Париже достопримечательностей много, - сказал Денис. - Один только Диснейленд чего стоит.

- Вот бы побывать там, на всю жизнь впечатлений хватило бы!

- Говорят, Диснейленд где-то за городом. Туда не так-то просто добраться.

- У Вовки можно спросить, он наверняка знает, как туда добраться.

- У какого ещё Вовки?

- Вон он, сзади сидит.

Саня приподнялся с кресла и, обернувшись назад, заулыбался и кому-то помахал рукой, ему в ответ тоже помахали, и он снова опустился в кресло.

- Вовка сам из Парижа, - начал рассказывать Саня. - Ездил к брату в гости. Кстати, тоже Вовкой зовут. А теперь вместе едут к нему в гости, в Париж.

- А ты откуда их знаешь? - допытывался Денис.

- На автовокзале перед отправлением познакомились, - рассказывал Саня.

- А чем он в Париже занимается?

- Не знаю. Я у него не спрашивал. На стройке работает, наверное. Он в Париже уже давно. Пять лет. У него и жена там, и дочка.

- А брат?

- А брат в Лиссабоне живёт. Тоже уже давно.

Первая остановка была в Коимбре, старинном университетском городе. Денис с Саней сходили в туалет и заглянули в кафе, чтобы перекусить. Там они встретили Вовку с братом. Вовка оказался очень словоохотливым и разговорчивым. Пока они сидели в кафе, Вовка без умолку рассказывал о Париже, о красивой парижской жизни и о парижских достопримечательностях.

- В Диснейленде, конечно, здорово, - говорил Вовка. - Там столько аттракционов, с ума сойти можно. Целый город развлечений. И рестораны есть, и даже гостиницы. Вход, правда, стоит туда недёшево.

- А ты в Диснейленде был? - поинтересовался Саня.

- Конечно, был. И не раз, - похвастался Вовка.

- А как туда добраться? - допытывался Саня.

- Только на метро. Минут сорок ехать. Диснейленд за городом находится. Да что вам этот Диснейленд дался. В Париже и без него развлечений достаточно. Одних ночных клубов и дискотек пруд пруди. А о «Мулен Руж» что-нибудь слышали?

Саня отрицательно покачал головой.

- Вот туда стоит сходить. В «Мулен Руж» всё перемешано: и кабаре, и театр, и цирк. Незабываемое зрелище. По Лувру можно ещё пошататься. Знаете, сколько там картин собрано? Около пятисот тысяч. И каждая несколько миллионов долларов стоит. Там даже корона Людовика XV есть. Она в королевском зале хранится вместе с короной Наполеона. Вся в бриллиантах. А «Джоконду» под бронёй держат и фотографировать запрещают. Вообще Париж – уникальный город. Кого там только нет. И белые, и чёрные, и бродяги, и воры, и миллионеры. А богема, так та со всего света в Париж прёт: актёры, музыканты, художники, поэты. Словно мёдом им Париж намазан. Они в основном на Монмартре тусуются. Монмартр – это их любимое место. Так что в Париже всякого сброда хватает.

- А наших там много? - спросил Денис.

- А где наших мало? - ответил вопросом на вопрос Вовка. - Париж большой, места всем хватит. Кто работать не хочет, тот бухает и попрошайничает, нелегалы на стройках вкалывают, беженцы воруют, а девочки на панели стоят. Вот так вот Париж и живёт. Кстати, если захотите девочку, могу организовать. Выбор большой, на любой цвет и вкус. Но мой вам совет, если надумаете, берите француженку, француженки настоящие профессионалки.

- А ты откуда знаешь? - спросил Саня.

- Пробовал, - самодовольно ответил Вовка.

- А как же жена?

- Одно другому не мешает. Главное, никакую заразу не подцепить. Но у них с этим строго. Сами СПИДа боятся. Так что насчёт этого можете не переживать.

- А ты чем зарабатываешь? - продолжал расспрашивать Саня.

- Я? - усмехнулся Вовка. - Ловкостью рук.

- Не понял... - неподдельно удивился Саня. - Ты ворует?

Вовка с братом в ответ лишь расхохотались. Денису Вовка сразу не понравился, но Сане он ничего не сказал.

Следующая остановка была на испанской границе. Автобус стоял недолго. Водитель оформил путевые документы, и они поехали дальше, оставляя за спиной Португалию. По гладкой, как стол, автострате, теряющейся в горах, автобус поднимался всё выше и выше, и через час они уже были на горном перевале. От высоты захватывало дух.

С перевала открывалась завораживающая панорама. Горы были совсем рядом, огромные-преогромные, высокие-превысокие, сплошь покрытые почти чёрной зеленью подступающих снизу лесов, с голыми, словно ободранными, каменистыми вершинами и гребнями. Кружа по серпантину, ныряя в освещённые электричеством тоннели, автобус аккуратно начал спускаться вниз. Благоухающая свежестью долина встретила их зеленью и прохладой.

К полудню они приехали в Вальядолид, город испанских королей, город, в котором четыреста лет назад жили Колумб и Сервантес. Автобус остановился возле центральной площади - Пласа Майор. Водитель объявил часовую стоянку.

- Пойдём с нами пивка попьём, - предложил Вовка Денису с Саней. - Я знаю здесь одну приличную забегаловку.

- Не хочется что-то пива. Мы лучше по городу погуляем, - отказался Денис.

Вовка с братом направились в забегаловку, а Денис с Саней пошли прогуливаться по городу. Пройдя пару кварталов, Саня сказал:

- А я бы всё-таки не отказался перекусить.

- И я тоже, - согласился с ним Денис.

Они зашли в первое попавшееся кафе и заказали обед. Им подали рис со свежими и тушёными овощами, варёную рыбу, сухое вино.

После Вальядолида автобус направился в Памплону, столицу корриды и матадоров. Горы теперь были далеко в стороне. Они сливались с сереющим горизонтом и казались совсем крохотными и прозрачными. Вокруг простиралась бескрайняя, как море, зелёная долина.

В Памплону они приехали очень поздно. Освещённые иллюминацией городские улицы были пусты и безлюдны. После небольшой стоянки, особо не задерживаясь, они поехали дальше, направляясь к французской границе. Убаюкиваемый равномерным покачиванием автобуса, Денис уснул и проснулся только утром, когда они были уже во Франции и приближались к Парижу.

Париж их встретил утренним шумом и будничной суматохой. Автобус остановился на Елисейских Полях, неподалёку от площади Звезды, посреди которой торжественно возвышалась

Московский BAZAR, № 1 (15) 2015 г.

массивная пятидесятиметровая, украшенная скульптурными рельефами и гравировками Триумфальная арка.

- Вы теперь куда? - спросил Вовка у Сани с Денисом, когда те вышли из автобуса. - Всё-таки в Диснейленд намылились?

- Нет, Вовка, нам сначала билеты надо купить на автобус до Амстердама, - ответил Саня. - А где кассы, мы не знаем. Может, подскажешь.

- Пойдёмте, здесь рядом.

Кассы были в пяти минутах ходьбы. Чтобы купить билеты, пришлось выстоять длинную очередь. Прежде чем попрощаться, Саня с Денисом попросили Вовку рассказать, откуда отправляется их автобус. Оказалось, с того самого места, куда они и приехали. Напоследок Саня расспросил Вовку, как добраться до улицы Верон, куда ему нужно было отвезти передачу, после чего, слившись с толпой, Вовка с братом исчезли в подземном переходе метрополитена. Денис не захотел ехать с Саней.

- Я лучше здесь по центру погуляю, - сказал он.

Их автобус отправлялся вечером. Они договорились встретиться за час до отправления возле Триумфальной арки. Саня спустился в метро, а Денис не спеша пошёл по Елисейским Полям в направлении Лувра. Миновав Круглую площадь и Елисейский дворец, Денис вышел на площадь Согласия. В центре площади стояла двадцати трёхметровая Луксорская колонна, вся покрытая древнеегипетскими иероглифами, привезённая в Париж из Египта в 1832 году. По обе стороны колонны было два фонтана со статуями древнегреческих мифологических персонажей и ростральные колонны. А у самого въезда на Елисейские Поля стояли знаменитые кони Марли.

За площадью Согласия находился сад Тюильри. Пройдя через сад, Денис оказался на дворцовой площади перед Лувром. В стеклянной пирамиде, расположенной возле Лувра, располагались кассы и вход в Лувр. Немного послонявшись возле Лувра, заглянув в пирамиду, Денис пошёл дальше. Мимо площади Пирамид, на которой установлена конная статуя Жанны д'Арк, мимо Гревской площади, где когда-то находилась гильотина и устраивались публичные казни, мимо площади Вогезов, излюбленного места рыцарских турниров, по улице Риволи он добрался до набережной Сены. С набережной по мосту Нотр-Дам он попал на остров Ситэ. Долгая прогулка утомила Дениса, и он присел на лавочку отдохнуть возле собора Парижской Богоматери.

До Эйфелевой башни он поехал на метро. От моста Александра III по Эспланаде инвалидов он проследовал на Марсово поле, над которым, упираясь в землю четырьмя огромными металлическими пилонами, нависала невероятно огромная Эйфелева башня. Денис проголодался. Он зашёл в кафе и заказал кофе с бутербродами. День промелькнул незаметно. Пора было возвращаться назад. По Йенскому мосту он перешёл на правый берег Сены и у дворца Шайо-Трокадеро сел в поезд метро.

Когда Денис приехал на площадь Звезды, Сани ещё не было. Он расположился на лавочке в сквере неподалёку от Триумфальной арки и стал ждать его. Непонятно откуда вдруг появились Вовка с братом. Они увидели Дениса и подошли к нему.

- Привет, Деня, - неподдельно обрадовался Вовка встрече. - А Сашку где ты потерял?

У Вовки в руках была большая картонная коробка.

- Скоро должен приехать, - без особого восторга ответил Денис.

- Тебя нам сам бог послал. Будь другом, постереги коробку. Нам тут в одно место заглянуть надо. Не хочется с ней таскаться.

Коробка тут же оказалась в руках у Дениса.

- Спасибо, Деня, - поблагодарил Вовка. - Жди нас здесь. Мы скоро будем.

Растворившись в потоке людей, они быстро скрылись из виду. А спустя некоторое время снова появились. На этот раз они бежали в расступающейся толпе прохожих прямо к Денису. Следом за ними гналось несколько полицейских.

- Деня, беги, - истошно заорал Вовка.

Испугавшись, не выпуская коробки из рук, Денис вскочил с лавочки. Вовкин брат сильно отставал. В тот момент, когда Вовка добежал до Дениса, один из полицейских догнал его брата и сбил с ног. Не раздумывая, Вовка выхватил из-за пазухи пистолет и выстрелил в полицейского. Полицейский рухнул на землю. Выстрел эхом прокатился по Елисейским Полям.

На мгновение всё замерло и остановилось. В руках у полицейских появились пистолеты и загрохотали выстрелы. Что-то с силой ударило Дениса в грудь и опрокинуло навзничь. Смерть была мгновенной и безболезненной. Пуля попала прямо в сердце. Денис даже не успел понять, что произошло. Последнее, что он увидел – чистое голубое небо, бездонное, как океан.

Когда Саня приехал на площадь Звезды, там ничего уже не было. Трупы увезли в морг, преступников и вещественные доказательства – в полицейский участок, кровь с асфальта смыли водой работники муниципальной службы.

До последней минуты Саня ожидал Дениса и уговаривал водителя автобуса немного задержаться, надеясь, что Денис вот-вот появится. И даже когда автобус тронулся и поехал по улицам города, не теряя надежды, припав к окну, Саня жадно всматривался в лица прохожих. Но тщетно.

Он сильно разнервничался и распереживался. Всю дорогу до Амстердама он думал о Денисе и не мог успокоиться. Но встреча с братом и покупка автомобиля незаметно отвлекли его от дурных мыслей, и со временем он перестал даже вспоминать о Денисе.

В тот день, когда застрелили Дениса, по всем французским телеканалам в вечерних новостях сообщили об успешной спецоперации парижской полиции по задержанию преступной группировки украинских эмигрантов, долгое время занимавшихся вооружёнными грабежами и бандитизмом. По данному факту Парижской префектурой было возбуждено уголовное дело, о чём консульство Украины получило официальное уведомление.

О гибели своего сына тётя Маша узнала лишь спустя несколько месяцев. То, что ей сообщили о Денисе, не укладывалось в голове. Она не поверила. Слишком хорошо она знала своего любимого мальчика, чтобы верить в это. Она не смогла справиться с горем и пережить смерть единственного сына. Спустя год она умерла. Её похоронили на лучанском кладбище, неподалёку от могилы Николая Чехова.

АЙДА В АМЕРИКУ

11 марта 2000 года Максим Тимохин приехал в Лиссабон к своему старому закадычному другу Ярославу Шмакову. Шмак и Тимоха, так они называли друг друга по-свойски, были знакомы с самого детства. Жили в одном дворе, вместе учились в школе и в университете, долгие годы вместе занимались бизнесом и коммерцией.

Когда же их бизнес, как говорится, накрылся медным тазом, вместе решили уехать за границу. Но так получилось, что Ярослав уехал первым. Он уехал 7 июля 1999 года, а Максим приехал к нему лишь спустя восемь месяцев, а если быть точными, восемь месяцев и четыре дня.

У Максима были сдерживающие обстоятельства – его жена была беременна, на позднем сроке. Он не мог оставить её одну в таком положении. 19 августа 1999 года она родила сына,

которого они называли Максимом в честь отца. На день отъезда Максима за границу ему исполнилось полных шесть месяцев. И хоть он уже начал держать головку, ползать, сидеть, узнавать отца и мать, всё равно был ещё совсем несмышлёным и беспомощным. Таким он и останется в памяти Максима. А Маргарита, его жена, словно чувствовала что-то и не хотела его отпускать. Расставание было невыносимым и душераздирающим, как будто они прощались навсегда. Впоследствии Максим не раз вспомнит об этом и пожалеет, что не послушал жену, но будет уже поздно.

В Лиссабон Максим приехал поездом. Прямых поездов от Киева до Лиссабона не было, поэтому пришлось ехать с пересадками. Одну он сделал в Варшаве, другую – в Мадриде.

Ярослав встречал его на вокзале Санта-Аполония. Отпросившись в тот день с работы, приготовившись к встрече друга, он пораньше отправился на вокзал и проторчал там до самого вечера. В расписании произошли какие-то изменения, поэтому поезд сильно опаздывал.

В отличие от Максима восемь месяцев назад, когда он приехал в Лиссабон, его никто не встречал. В записной книжке был лишь номер мобильного телефона человека, занимавшегося трудоустройством. Этот номер Ярославу дали в туристическом агентстве, где готовили его выездные документы. Добирался он, как и Максим, на перекладных. От Киева поездом доехал до Будапешта, от Будапешта автобусом – до Рима, а от Рима до Лиссабона долетел самолётом.

За восемь месяцев жизни в Португалии он научился сносно объясняться на португальском, чтобы понимать и быть понятым, немного свыкся с местными нравами и традициями, обзавёлся множеством полезных и интересных знакомств как среди португальцев, так и в эмигрантской среде. Словом, к приезду друга он уже прочно укоренился и твёрдо стоял на ногах. Со своим патроном он был в отличных отношениях, тот доверял ему и со временем назначил его инкаригаду – главным приказчиком и распорядителем. Так что Ярославу ничего не стоило похлопотать перед патроном за друга. На стройках, где у патрона были подряды, всегда не хватало людей, поэтому недолго думая он согласился взять Максима на работу.

Ярослав жил на окраине Лиссабона, на другой стороне залива, в небольшом пригородном посёлке Пиньял ди Фрадиш. Место было чудесное. Окружённый сосновым бором посёлок круглый год утопал в зелени и цветах. До океана было рукой подать, каких-то семнадцать километров. Даже на таком расстоянии чувствовалось его мощное рокошущее дыхание.

Когда Максим вышел из вагона и увидел Ярослава, радостного, загорелого, одетого как иностранец, его поразила перемена во внешности друга. Так и было: за последние восемь месяцев Ярослав сильно изменился – он производил приятное впечатление.

С вокзала они направились на Кайш ду Содре, к ближайшей станции метро. По зелёной ветке доехали до Байша Шьяду, где пересели на голубую ветку. На площади Маркиза Помбала пересели на жёлтую ветку, и на Энтрекампуш – на линию Фертагуш, ведущую через залив прямо в Фугитэйру.

Когда они приехали в Фугитэйру, было уже совсем поздно. По дороге они зашли в «Континент» – Ярослав купил там кое-каких продуктов. И оттуда уже направились в Пиньял ди Фрадиш. Домой они дошли только к полуночи. Дома все уже спали.

- А вот и наши апартаменты, - сказал Ярослав, распахивая перед Максимом входную дверь в квартиру, где он жил.

Это была просторная трёхкомнатная квартира с широким кафельным коридором и большой кухней.

- Пойдём чем-нибудь перекусим с дороги, - предложил Ярослав. - В этой комнате живут Серёга с Машей. - Рассказывал он по пути на кухню. - Они муж и жена. В этой – Эдик, Саня и Федя. А это наша комната. С нами живут Гриша и Николай. Они двоюродные братья. Им лет по сорок. Все мужики работают на нашего патрона. Маша работает посудомойкой в ресторане.

Ярослав на скорую руку приготовил спагетти и омлет с жареными сосисками.

- За приезд, - сказал он, наливая в стаканы сухое вино из пакета.

После ужина Максим принял душ, и они завалились спать. Их комната, впрочем, как и все остальные, была меблирована в самом аскетическом духе – ничего лишнего. У одной стены на полу – два широких двухместных матраса, на одном из которых спали Гриша и Николай, на другом – Ярослав и Максим, напротив, у другой стены – тумбочка и телевизор, который включался, когда все съезжались с работы, и выключался только утром. Что-то не спалось. Они долго ещё смотрели телик и тихонько перешёптывались между собой.

На следующий день Максим вышел на работу. Патрон был жадноват и платил по самым низким расценкам – шестьсот эшкуду в час. Для начала Максима устраивали и такие заработки.

1 апреля 2000 года он получил свою первую зарплату – шестьдесят тысяч эшкуду, что в долларовом эквиваленте составило примерно триста долларов США. Десять тысяч он заплатил за квартиру, двадцать тысяч отложил на питание, за девять тысяч купил мобильный телефон и сразу же пополнил счёт на тысячу эшкуду, а оставшиеся двадцать тысяч отправил по Western Union жене на Украину. Из отложенных на питание денег он взял пять тысяч, в ближайшем супермаркете накупил закуски, фруктов, вина и закатил пир. Нужно же было обмыть зарплату.

С первых же дней Максим зарекомендовал себя ответственным и добросовестным работником, и уже через месяц патрон доверил ему один из своих рабочих автомобилей – Renault 5. Автомобиль был как нельзя кстати.

После работы они с Ярославом заезжали поужинать в «Пицца Хат» или в какое-нибудь другое приличное заведение. Но в «Пицца Хат» им нравилось больше всего. Там всегда подавали свежее пиво и отличную горячую пиццу.

Кстати, там они и познакомились с Антоном. Это был довольно-таки интересный и загадочный тип. С виду – истинный джентльмен и аристократ, на самом же деле – ужасный плут и пройдомец. В эмигрантских кругах он пользовался весьма сомнительной репутацией, чего только не рассказывали о нём. Его персона была окутана флёром таинственности и романтизма, именно это и притягивало к нему. Многие покупались на его показушную театральность. Максим с Ярославом тоже купились. И дёрнуло ж их связаться с ним.

Как-то, сидя за кружкой пива, Антон рассказал им об одном своём знакомом, который три месяца назад нелегально уехал в Штаты.

- И как же это ему удалось? - прихлёбывая пиво, не без интереса спросил Ярослав.

- Легко и просто, - не моргнув глазом ответил Антон. - В трюме контейнеровоза.

- Ловкач, - присвистнул изрядно захмелевший Максим.

- Только не он, - с видом знатока заметил Антон. - А те, кто его туда упаковал, как в посылку. В порту на этом деле ни один человек завязан. Очень прибыльный бизнес. Поговаривают, что даже директор порта свою долю с этого имеет, за молчание, разумеется. Если бы у меня были деньги, я бы уже давно в Штаты укатил. Вот где по-настоящему развернуться можно. А здесь что? Европа в сравнении со Штатами – глухомань, деревня.

- А сколько денег заплатить нужно? - спросил Ярослав.

- Пять штук зелени здесь - тем, кто из Лиссабона отправлять будет, и пять штук зелени там - тем, кто будет встречать в Нью-Йоркском порту. Правда, с американцами можно договориться в долг, в счёт будущей зарплаты.

- А если надуть американцев? - допытывался Ярослав.

- Не советую, - категорично отрезал Антон. - Там такие ребята – мафия настоящая. С ними лучше не шутить. Из-под земли достанут.

- Ты-то откуда знаешь? - усомнился Максим.

- Я знаю всё и всех – это мой хлеб, - авторитетно заявил Антон.

- Выходит, и ты имеешь на этом свой процент? - вдруг осенило Ярослава.

- Выходит, что так, - не стал темнить Антон.

- И свести нас с ними можешь?

- Могу. Только где вы такие деньги возьмёте?

- В этом-то вся и загвоздка.

- Кстати, если клиентов найдёте, и вы свой процент получите.

Больше на эту тему они не заговаривали. А когда Ярослав с Максимом вернулись домой и улеглись спать, уставившись в телевизор, Ярослав мечтательно произнёс:

- А здорово было бы в Штаты махнуть. Поехал бы со мной в Штаты? - тут же обратился он к Максиму.

- Ты это серьёзно? - покосился на него Максим.

- Конечно, серьёзно, - не унимался Ярослав.

- Даже не знаю, - призадумавшись, произнёс Максим. - Тебе легко, тебя ничего не связывает, а у меня семья на плечах: жена и сын, и мне их содержать нужно. А вдруг со мной что-то случится? Что тогда?

- Подумай сам, что с тобой может случиться?

- Не знаю.

- Ничего. А в Штатах заработки в два, а то и в три раза больше. Представляешь? Твоя семья вообще ни в чём нуждаться не будет.

- Оно-то так, - согласился Максим. - Только где мы деньги возьмём? Десять штук зелени на дороге не валяются.

- Займём у кого-нибудь, - оживился Ярослав.

- У кого? - скептически хмыкнул Максим.

- Да хотя бы у Феди, - тут же нашёлся Ярослав. - У него штук пятнадцать на банковском счету лежит, на депозите. Он же все свои деньги не домой отправляет, а на депозитный счёт складывает, чтобы процентки капали. Хитрый мужик. Если мы ему пообещаем бóльшие проценты, одолжит. Он и за копейку удавится.

- Да, здорово было бы в Штаты махнуть, - через некоторое время мечтательно произнёс Максим.

- Вот и я говорю, здорово, - обрадовался Ярослав. - Когда ещё будет такая возможность поездить везде, мир повидать? Плюс ко всему ещё и копеечку подзаработаем. И на старости лет будет о чём вспомнить и внукам рассказать. Айда в Америку, - продолжал уговаривать Ярослав.

- Айда, - недолго думая согласился Максим.

На следующий день они пошли к Феде. Часа три Ярослав распинался перед ним, но всё без толку. Федя не торопился расставаться со своими денежками. Он требовал надёжных гарантий, заверенных поручителями. В лице поручителей выступили Гриша и Николай, в качестве гарантий – лишь честное слово. Такие гарантии выглядели не слишком-то убедительно. Единственным, но достаточно весомым аргументом был невероятно высокий комиссионный процент, предложенный Феде. Это-то и удерживало Федю от решительного отказа, соблазняя и подкупая его лёгкой наживой. Переговоры затянулись на неделю. Торги шли за каждую копейку. Ставки росли, как грибы после дождя, пока не достигли своей максимальной отметки. И лишь тогда Федя сломался. Жадность взяла верх.

- Грабители, - всё, что смог сказать напоследок Федя.

- Это ты грабитель, - огрызнулся в сердцах Ярослав. - На чужой нужде наживаешься.

- Накинули бы ещё немного, - совсем уж потерял совесть Федя.

- Хватит с тебя, - бесцеремонно обрубил Ярослав. – И так три шкуры с нас содрал. Теперь только на одни твои проценты до конца жизни работать будем. А нам ещё и с американцами рассчитаться надо.

- Ваши американцы меня не волнуют. Главное, со мной рассчитайтесь.

- Рассчитаемся. Сполна всё получишь. Как договаривались.

Ну и жмотом же оказался этот Федя. Таких жмотов, как он, свет, наверное, ещё не видывал.

- А ты не еврей случайно? - с издёвкой спросил у него Максим.

- Сам ты еврей, - обиделся Федя.

- Уж больно ты деньги любишь, - язвительно уколол его Максим.

- Покажи мне того, кто их не любит, - блестяще парировал Федя. - Без денег ты ноль, а с деньгами – человек с большой буквы, - с ехидной улыбкой добавил он.

Ярослав с Максимом только поразились его простоте и непосредственности. Получив деньги, они сразу же связались с Антоном и договорились о встрече. Встречу назначили в «Пицца Хат».

- Мы едем в Америку, - сказал Ярослав Антону, положив на стол приличную пачку денег. - Здесь ровно десять тысяч американских долларов. Если не веришь, пересчитай.

Антон взял деньги, провёл большим пальцем по шершавой поверхности верхней купюры и с видимым безразличием положил их обратно на стол.

- Заберите ваши деньги, - спокойно сказал Антон. - Мне они не нужны. Деньги отдадите тем, кто будет вас отправлять. У меня с ними свои расчёты.

Не прошло и трёх дней, как он позвонил Ярославу на мобильный.

- Вы ещё не передумали? - избегая конкретики, завуалированно спросил в трубку Антон. - Тогда завтра в девять вечера на Авенида ди Бразилиа, возле памятника Первооткрывателям.

- Деньги брать?

- Пока не надо.

На следующий день ровно в девять вечера Максим припарковал хозяйский Renault 5 возле памятника Первооткрывателям. Ярослав вышел из машины и стал прохаживаться вдоль авениды туда-сюда, нервно поглядывая по сторонам. Из припаркованного на противоположной стороне джипа с тонированными стёклами выглянул Антон и, открыв заднюю дверь, жестом пригласил их сесть в джип.

За рулём сидел незнакомый португалец.

- Boa noite², - поздоровался он, даже не повернув головы.

В его произношении слышался явный бразильский акцент. За всё время разговора он ни разу не повернулся в их сторону, поэтому в сгустившихся сумерках, освещаемых лишь уличными фонарями и фарами проезжающих мимо автомобилей, сложно было разглядеть невыразительные черты его внешности.

- Итамар, - представился португалец.

- Максим, Ярослав, - по очереди представились ребята.

- Вчера в порт пришло американское грузовое судно «President Truman», - заговорил на пониженных тонах португалец. - Сейчас началась разгрузка. Разгрузка будет длиться дня три, не больше. Потом судно на недельку поставят для профилактики в док. После профилактики начнётся загрузка. Тоже будет длиться дня три, не больше. Когда закончат загрузку, судно отправится обратно в Штаты. До начала загрузки вы должны уже быть в контейнере. Контейнер

² Добрый вечер (порт.).

будет полупустой, заваленный всяким хламом для веса, чтобы никто ничего не заподозрил. Его поставят на самое дно грузового отсека, так что даже если кому-то вздумается проверять судно, до вас не доберутся. Около двух недель вам придётся болтаться в этом контейнере по волнам. Возьмите с собой побольше продуктов и воды – в расчёте на две недели. И тёплую одежду – по ночам может быть холодно. Да, и фонарь не забудьте на всякий случай, в контейнере освещения нет.

Антон нервно засмеялся. Ярославу с Максимом было не до смеха.

- Деньги отдадите при следующей встрече, - продолжал португалец. - Антон вам позвонит, через неделю примерно. Готовьтесь и будьте на связи. Иначе придётся ждать следующего судна. А это будет через месяц, не раньше. Ах да, чуть не забыл. В Нью-Йорке вас встретят и вывезут из порта. С ними рассчитаетесь отдельно.

- Мы хотим в долг, - сказал Ярослав.

- Будете договариваться на месте, - сказал португалец. - Кстати, они могут помочь с жильём и с работой. За дополнительную, разумеется, плату.

Как португалец и сказал, Антон позвонил ровно через неделю. Он был немногословен и краток.

- Готовы? - спросил он, даже не поприветствовав.

- Готовы, - решительно ответил Ярослав.

- Тогда завтра в то же время на том же месте, - понизив голос, сказал Антон. В его голосе чувствовалось скрытое напряжение.

Не теряя времени, Ярослав с Максимом поехали в «Континент», чтобы закупиться в дорогу. В продуктовом отделе они взяли сорок банок мясных и рыбных консервов, в расчёте по три банки на день, четырнадцать палок копчёной колбасы, четыре головки твёрдого сыра, десять буханок нарезного, упакованного в полиэтилен хлеба, шесть пятилитровых бутылок минеральной негазированной воды и две бутылки водки. В хозяйственном отделе выбрали большой аккумуляторный фонарь с диодной лампой и щелочной батареей ёмкостью 11 ампер-часов.

Продукты они упаковали в одну сумку. Воду – в другую. Фонарь и тёплые вещи – в третью. На место встречи их привёз Николай. По распоряжению патрона ключи от машины Максим отдал ему.

Итамар их уже ждал. Его джип с тонированными стёклами стоял на обочине Авенида ди Бразилиа, напротив памятника Первооткрывателям. После того как они рассчитались, он открыл дверцы огромного просторного багажника, в котором с лёгкостью поместились и сумки, и Ярослав, и Максим.

- Лежите и не шевелитесь, - сказал Итамар, накрывая их большим плотным покрывалом. - Если охрана что-то заподозрит, нам всем несдобровать.

По Авенида ди Бразилиа они поехали прямо в порт. В тот день на транспортной проходной дежурил старик Алваро.

- Что там у тебя стряслось? - сквозь зевоту проворчал старик Алваро, открывая ворота.

- Esqueci desligar o gerador³. Как бы не сгорел до утра, - ответил Итамар, проезжая через проходную.

Следуя вдоль бесконечных рядов цистерн и контейнеров, джип быстро стал углубляться в запутанный лабиринт портового терминала. Выключив фары, Итамар остановился в самом глухом закоулке.

³ Забыл выключить генератор (*порт.*).

- Sai⁴, - сказал он, открыв дверцы багажника. - Vamos comigo⁵.

Ярослав с Максимом взяли сумки и пошли за ним. Итамар остановился возле одного из контейнеров.

- А вот и ваш контейнер, - сказал он, открывая большую скрипучую дверь.

Из контейнера пахло теплом и затхлостью.

- Entra⁶, - сказал Итамар.

Ярослав с Максимом молча вошли в тёмный контейнер.

- Завтра начнётся загрузка, - сказал Итамар. - Сидите тихонько, как мышки в норке. Ваш контейнер один из первых поставят в грузовой отсек. Там можете хоть на головах ходить, хоть в рупор орать. Там вас уже никто не услышит. Ну, кажется, всё. Boa viagem e boa sorte⁷, - сказал он на прощанье и закрыл контейнер.

Опечатав замки заранее приготовленными пломбами, он сел в свой джип и укатил домой. Ярослав с Максимом остались одни. Контейнер за день хорошо прогрелся, поэтому внутри было жарко и душно. Первым делом Ярослав достал из сумки фонарь и включил свет. В дальнем углу до самого потолка были навалены картонные и деревянные ящики с соломой и упаковочной бумагой, из-под ящиков выглядывали базальтовые маты. Ярослав разбросал коробки и освободил маты. Сложив их друг на друга, он сделал импровизированное ложе.

- Вот здесь мы и будем спать, - удовлетворённо произнёс он. - А ящики заменят нам стол и стулья.

К затхлому запаху они быстро привыкли и скоро перестали его замечать. Ночью, когда контейнер остыл, им пришлось надеть свитера и куртки и укрыться матами.

Утром их разбудил шум портовой техники. Первая проблема, с которой они столкнулись, – отсутствие туалета. Итамар забыл поставить в контейнер герметичную десятилитровую бочку, служившую для этой цели. Пришлось опорожнить одну бутылку, просто вылив воду на пол, чтобы использовать её как ёмкость для экскрементов. Подхваченный портовым краном, их контейнер проделал головокружительное путешествие по воздуху, и был опущен на самое дно пятнадцатиметрового грузового отсека. Загрузка длилась три дня.

4 мая 2000 года, когда загрузка была завершена и были оформлены все таможенные и сопроводительные документы, транспортное грузовое судно «President Truman» водоизмещением 54 700 тонн с двумя нелегальными пассажирами на борту, о которых на судне никто даже не подозревал, вышло из Лиссабонского порта под флагом Соединённых Штатов Америки.

- Доставай водку и накрывай на стол, - закричал Ярослав Максиму.

Приходилось перекрикивать несмолкающий гул работающих двигателей. Судя по всему, машинное отделение было где-то поблизости.

- Нужно отметить это событие. Через две недели мы будем в Штатах, - радостно орал Ярослав.

Отмечали весь день и всю ночь, пока не допили обе бутылки водки. А утром началось страшное похмелье, которое плавно переросло в морскую болезнь.

Покинув территориальные воды, «President Truman» взял курс на Нью-Йорк. Океан был спокойный и тихий, ничто не предвещало плохой погоды. Покрывая милю за милей, делая

⁴ Выходите (порт.).

⁵ Пойдём со мной (порт.).

⁶ Входите (порт.).

⁷ Счастливого пути и удачи (порт.).

двадцать узлов, «President Truman» плыл в направлении восточного побережья Североамериканского континента.

На третий день путешествия произошла аварийная остановка второго двигателя. Командование судна приняло решение отклониться от курса и на малом ходу следовать в ближайший порт, который находился на Азорских островах, для ремонта.

Всё это время Ярослав с Максимом, не в силах подняться, одолеваемые то ознобом, то жаром, проваливались, мучаясь, страдая и изнемогая от ужасных головных болей, изжоги и тошноты. При одном только виде еды их выворачивало наизнанку. Шесть дней, вплоть до прибытия на Азорские острова, их рвало от невыносимой тошнотворной бесконечной качки. Продукты остались нетронутыми, зато запасы воды были практически исчерпаны. В контейнере стоял удушливый смрад рвоты, от которого снова тянуло блевать. Смрад не исчез и после уборки, непрестанно тревожа, раздражая и напоминая о себе.

Судно стояло на ремонте два дня. В течение сорока восьми часов поломка была устранена, и «President Truman» снова взял курс на Нью-Йорк. Когда пересекли 44°37' западной долготы, началась небывалая жара. Судно быстро прогрелось, и в контейнере стало невыносимо. Закончились остатки воды. Тёплый тяжёлый воздух, насыщенный неисчезающим удушливым смрадом, и ежеминутно донимающая жажда тлетворно действовали на сознание и весь организм. Кусок не лез в горло – консервы, мясо и колбаса были чересчур солёными и только усиливали жажду. Приподнятое оптимистическое настроение сменилось состоянием угнетённости и депрессии.

- Я уже больше не могу терпеть, - угрюмо произнёс Максим, лёжа на матах. - Если я сейчас не сделаю хотя бы глотка воды, я сдохну.

- Потерпи, - сказал Ярослав, облизывая пересохшие губы. Он лежал рядом. - Уже немного осталось. Ещё неделька - и мы будем в Штатах.

- Ещё неделя? - ужаснулся Максим. - Как долго. Я не выдержу.

- Выдержишь, куда ты денешься, - Ярослав до последнего не терял присутствия духа. - Когда нас отсюда достанут, я первым делом напьюсь.

Максим лишь глухо застонал.

- Я сейчас выпил бы бочку воды, - продолжал Ярослав.

- А я бы – целую цистерну, - сказал Максим.

Они лежали в крошечной темноте с закрытыми глазами, а перед глазами плескалась чистая, прозрачная, искрящаяся на солнце, холодная, обжигающая, вкусная вода. Все мысли были только об этом.

- Хотя бы один глоточек, - простонал Ярослав, переворачиваясь на бок.

Измученные жаждой и зловонием, они сильно ослабли, каждое движение доставляло мучительные боли. Они практически не покидали своего ложа, вставая лишь чтобы перекусить или опорожниться.

- А дома сейчас хорошо, весна, - мечтательно произнёс Максим. - Как там моя Маргарита? Как Максим? Хоть бы одним глазком взглянуть на них.

- Ещё насмотришься, целая жизнь впереди, - как мог, ободрил Ярослав.

- Она, как чувствовала, что мы больше не увидимся, - совсем уж раскис от нахлынувших чувств Максим.

Ему ужасно захотелось домой к жене и сыну. Он не выдержал и зарыдал.

- Эй, ты, - испугавшись упадка духа, спохватился Ярослав. - А ну, прекратить! Я кому сказал! Максим тут же затих.

- И что бы такого больше не было, - наставлял внушительным тоном Ярослав. - Понятно?

Московский BAZAR, № 1 (15) 2015 г.

- Понятно, - с трудом вытирая обезвоженной, одеревеневшей от бессилия рукой сухие слёзы, сказал Максим.

- Ты мужик или баба? - продолжал наставлять Ярослав. - Неделю потерпеть не можешь? Спустя некоторое время на Максима нахлынули воспоминания.

- Максиму уже восемь месяцев, - успокоившись, размышлял он вслух. - Наверное, уже первые слова говорит. И скоро пойдёт.

- Вот и молодец, - похвалил Ярослав. - Думай о чём-то хорошем. Ты когда из Штатов вернёшься, твой Максим уже пацаном взрослым будет. Скажет тебе: «Привет, батя».

Максим снова зарыдал. Так продолжалось до самого вечера. А вечером Максим потерял сознание и всю ночь пролежал в обморочном состоянии. На следующий день сознание потерял Ярослав. Из-за жары начали портиться продукты. Завонялась колбаса, остатки сыра, повздувались консервы. В контейнере нечем было дышать. Следующая неделя проплыла как в тумане.

25 мая 2000 года транспортное грузовое судно «President Truman» встало на рейд возле Нью-Йоркского порта. Максим на мгновение вынырнул из забытья и услышал, как где-то далеко-далеко остановились двигатели.

Приплыли, подумал он и снова погрузился в галлюцинаторный бред. В бреду он видел Маргариту и Максима. Они радостно улыбались ему и манили к себе. Заключив друг друга в объятия, оторвавшись от земли, они бесконечно, до сладостного головокружения, все вместе парили в безграничной голубой синеве.

Когда Максим опять пришёл в себя, его поразила непривычная тишина. С трудом шевеля губами, он тихо, совсем беззвучно позвал Ярослава. Но тот не откликнулся. Тогда, преодолевая чудовищную боль и слабость, он включил фонарь, направив его прямо на Ярослава. Ярослав лежал лицом к нему с широко раскрытыми глазами. Так они и лежали до тех пор, пока в фонаре не села батарея и не погас свет.

Кратковременные вспышки сознания ненадолго вырывали Максима из приятных обморочных видений, и тогда он сам закрывал глаза, чтобы побыстрее забыться в бреду, торопясь вернуться в тёплые и любимые объятия, к жене и сыну.

Выдержка из полицейского протокола

«...29 мая 2000 года в Нью-Йоркском порту во время разгрузки прибывшего из Лиссабона транспортного грузового судна «President Truman» в одном из контейнеров были обнаружены трупы двух молодых людей (приблизительный возраст 20-25 лет) без явных признаков насильственной смерти. Их личности установить не удалось, так как никаких документов, устанавливающих личность, при них не оказалось. Предполагаемые причины смерти – удушье и обезвоживание организма. Для выяснения истинных причин смерти трупы направлены на медицинскую экспертизу...»

Маргарита так никогда ничего и не узнала. Всю свою долгую жизнь, до последнего дня, она ждала Максима и верила, что он вернётся.

Сын рос озорным и жизнерадостным мальчуганом, таким же озорным и жизнерадостным, как его отец. Он был очень похож на Максима. Маргарита поражалась их сходству.

Порой при взгляде на сына ей казалось, что перед ней словно вернувшийся из далёкого прошлого её единственный, самый-самый любимый, вечно молодой и жизнерадостный Максим.

ПРОЗА

Виктор Федоров
(Находка)

ШАРИК

Они сразу, с первого взгляда, невзлюбили друг друга. Так бывает. Порой одного взгляда достаточно, чтобы понять это. Никто не видел, как произошла первая встреча старпома мощнейшего ледокола и безродного черно-серого пса по имени Шарик. Лохматый, совсем небольшой, явно не приученный к жизни в помещении, он неведь каким образом, оказался на борту.

Моряки - народ дисциплинированный, а потому обычно с трудом решаются принести на судно какую-нибудь живность, понимая свою ответственность и перед бессловесной тварью, и перед руководством. Животное же - оно и есть животное. Оно не понимает, что судно – это храм, средоточие чистоты и порядка, потому и живет так, как предписано ему природой.

Ледокол – это совершенно особое судно. Ледокол – это боец, делающий свою работу там, куда многие даже носа не сунут. Льды, морозы, долгие полярные дни Арктики и такие же долгие ночи Магадана - это и есть среда обитания ледоколов на Дальнем Востоке. Если терминология вокруг жизни обычных судов включает слова: рейсы, заходы, стоянки, встречи, погрузки-выгрузки, переходы, то терминология вокруг жизни ледоколов совсем иная. Такие слова, как навигация, разведка, тактика, караван, проводка, обход, сжатие, преодоление, форсирование и так далее, определяют ее суть.

Под стать задачам и люд, населяющий ледоколы, подбирается особый. Каждый из них мог бы работать на судах, бродящих между жаркими странами, на белоснежных лайнерах, но они, однажды попав на ледоколы, так к ним и прикипали. Не все. Те же, которые оставались, входили в особую, очень почетную среди моряков касту ледокольников навсегда, отдав этому делу свою жизнь и душу.

Именно таким был Василий Викторович - большой, суровый и требовательный старпом на этом красавце-ледоколе. Все здесь сверкало! Черный словно вороново крыло корпус, ярко-зеленая палуба, нарядно-желтая надстройка. Любовно выкрашенный, с *отбитыми* равнодушными руками матросов филенками и бордюрами, с отдраенной до солнечного блеска латунью и умело залакированным деревом ледокол был воплощением профессиональной любви и гордости экипажа, да и всего пароходства. Всё это было объектом ежедневных и ежеминутных забот старпома, душу вынимавшего из боцмана и палубной команды ради всей этой красоты и порядка.

И вот, с появлением на борту Шарика, вся эта красота оказалась под угрозой. Ну не был он виноват в том, что, согласно всем собачьим уставам, должен был... нет, он просто обязан был пометить все углы, объекты и предметы на своей территории! Кто мог посягнуть на его права в море? Никто! Вокруг - одни белые медведи да моржи с тюленями. Однако же с псом никто об этом не беседовал, никто ему не объяснил, что нет смысла делать это. Вот он и метил все вокруг, с задорным видом поднимая лапу и ни на секунду не сомневаясь в правильности и благодородности этого занятия.

Делая обходы, Василий Викторович с каждым днем мрачнел все больше и больше, невольно «читая» послания Шарика на свежевыкрашенных дверях, механизмах и углах.

Было и еще от чего мрачнеть. Шарик должен был куда-то ходить время от времени, чтобы сделать то, что делают все живые существа на этом свете. Конечно же, он ходил и исправно делал все, что положено природой. Следы и этой деятельности, которые не успевали вовремя убрать матросы, время от времени попадались на глаза старпому...

Шарик, появившись на судне, немедленно стал любимцем команды. Каждый считал своим долгом приберечь с обеда или ужина и, погладив пса, дать ему что-то вкусненькое. Истосковавшись по дому, по земле, по траве и лесу, в море люди становятся сентиментальными, и возможность прикоснуться к теплоте, отзывчивому существу не могла не вызвать волну интереса к псу. Это превратилось в ритуал. Все бы ничего, да экипаж ледокола – больше сотни человек, и Шарик стал заметно округляться, попутно наращивая масштабы своей деятельности на палубе.

Ходили старпом и Шарик разными бортами. При встречах старались быстрее свернуть куда-нибудь. Боцман, всегда бывший одним из лучших боцманов в пароходстве, теперь регулярно получал выволочки за очередные «гостинцы». Он почернел от переживаний и регулярно «отсыпался» на матросах...

Экипаж напрягался все больше и больше, нервничая и прекрасно понимая, что долго так продолжаться не может. С одной стороны, все прекрасно понимали старпома и боцмана, а с другой – все боялись даже подумать, что может произойти дальше. Ситуация медленно, но верно приближалась к кризису. Напряжение достигло апогея, когда случилось то, что случилось.

Ледокол с натугой, содрогаясь и скрипя бортами по тяжелому арктическому льду, шел в сплошных ледяных полях, пробивая канал каравану из трех сухогрузов. Лето, солнце и мороз. Обычная работа в Арктике. Большие и малые льдины, недоперемолотые мощными винтами, выворачивались из-под кормы пенными бурунами взбаламученной ледяной воды. Суда, идущие за ледоколом, старались держаться ближе, чтобы не зажало затягивающимся каналом. Двести–триста метров от кормы ледокола, не более. На мостиках – напряженная тишина. Только гудение приборов. Рулевым не нужно команд, они точно знали, что и как делать в плавании за ледоколом в караване. Лишь изредка раздавались короткие фразы с ледокола по каравану. Чуть с хрипотцой голос Василия Викторовича в эфире звучал спокойно и уверенно.

- По каравану, дистанцию держите, не отставайте. Будет очень трудно – скажите, сбавим немного...

Все было как всегда, когда на мостике ледокола вдруг, словно выстрел, прозвучало:

- Шарик за бортом!

Старпом глянул на капитана и тот немедленно кивнул утвердительно.

Никто еще не успел еще осмыслить как следует случившееся, когда раздалась четкая команда старпома:

- Стоп машины! Вахтенный помощник, движение по инерции. Боцмана, крановщика и матросов срочно на корму. Каравану – стоп машины!

Пока вахтенный помощник приказывал каравану застопорить двигатели, старпом добежал до кормовой палубы. Там же были уже боцман и матрос.

- Боцман, на кран! Ледянку – за борт.

Ледянка – это небольшая алюминиевая шлюпка на корме, которой в случае аварийной необходимости пользуются во льдах. Старпом и матрос с ходу прыгнули в нее и подцепили стропы к поданному уже крюку крана. Ледянка взмыла над палубой и быстро опустилась в канал, заполненный битым льдом и ледяной кашей.

Шарик из последних сил держался передними лапами за кромку канала. Ни скулить, ни выпрыгнуть на лед сил у него уже не было. Сухогруз неотвратимо приближался. Остановиться в ледяном канале караван не мог.

Мощные взмахи веслами, и старпом, свесившись с носа шлюпки, практически под носом движущегося по инерции сухогруза, выхватил несчастного пса и, мокрого, сунул себе за пазуху.

Мало кто видел все происходящее на корме – уж больно все быстро произошло. Караван даже не успел полностью остановиться, когда машинные телеграфы снова легли на «Полный вперед!». Новость, однако, распространилась мгновенно. Весь экипаж вздохнул в восторге от услышанного, но в горестном ожидании развязки.

Шарик был обречен... Мало кто верил в то, что после такой купели можно выжить. Арктика – место суровое. Даже люди, в одежде падавшие в ледяную воду и пробывшие там пять минут, далеко не все выживали, не перенеся холодовой шок.

- Ничего, - сказал доктор, принимая у старпома пса, - постараюсь вытащить собаку. Я знаю, как их нужно лечить – как грудных детей. Я постараюсь.

Несколько суток, днем и ночью, каждые три часа доктор делал уколы, какие-то только ему известные процедуры. Экипаж замер... Болен, очень болен был общий друг и любимец. Не было смеха, не было обычных, с азартом и громким стуком, «козла» и нардов по вечерам. Все посматривали на доктора, не решаясь спросить, как он?

То ли это всеобщая энергия любви экипажа, то ли опыт и старание доктора сработали, но Шарик, парализованный и почти неживой, ожил. Поговорка «Зажило как на собаке» оказалась вполне справедливой, и вскоре он уже весело бегал по палубам и принимал любовь, которая в избытке предлагалась ему со всех сторон.

Многое на ледоколе изменилось с тех пор. Совсем по-иному взглянули люди друг на друга. Кто-то что-то переоценил, кто-то в чем-то убедился в очередной раз, но никто не остался равнодушным к случившемуся. Изменились и наши герои. Нужно было видеть, с каким радостным лаем и отчаянным вилянием куцего хвоста Шарик летел навстречу улыбающемуся старпому, когда они случайно, а может быть и не совсем, встречались на палубе!

Только вот доктора с тех пор Шарик невзлюбил, однако некоторые вещи нельзя объяснить даже людям, а не то что собакам!

ЖИЗНЕННАЯ СИЛА

Интересное словосочетание! Увидишь весной, как травка пробивается через асфальт, и диву даешься – такая тоненькая, такая нежная, а какую силу показывает! Ученые посчитали и выяснили, что для того, чтобы проломить асфальт, травинке нужно развить на кончике этого росточка давление в семь атмосфер. Однако нас мало интересует физика. Главное, что нас поражает, это то, что заставляет эту травинку малую становиться сильной, - она, жизненная сила. Так и человек, порой довольно слабый физически, незаметный, попадает в сложную жизненную ситуацию и вдруг оказывается таким мощным, смелым, целеустремленным, что никакие преграды не останавливают его.

Экипаж дноуглубительного судна - или, как говорят моряки, земснаряда - «А. М. Vella» обычно комплектовался в Находке, поскольку именно здесь была база дноуглубительного флота и, естественно, прекрасные специалисты. Далеко не каждый желающий мог туда попасть, поскольку был тот земснаряд иностранным, работал в Гонконге, да и деньги на нем платили очень приличные.

Капитан был хорошо знаком старшему механику Виктору Ларину по предыдущей совместной работе на этом же судне, да и с некоторыми другими членами экипажа он тоже работал. Именно поэтому старший механик был спокоен – контракт обещал быть хорошим, без нервов. Ни к чему были ему все эти нервытрепки, поскольку опыта много, знаний достаточно, команда хорошая – работай себе и работай. И вообще Виктор отличался спокойным, тихим характером, да и по внешнему виду соответствовал – не был он громкоголосым выдающимся атлетом высокого роста. И так, все было хорошо. С тем и полетел в Гонконг.

Дела принимал в процессе работы. Задача земснаряда состояла в том, чтобы пробивать среди мелей новые и поддерживать уже действующие фарватеры чистыми, не заиленными и достаточно глубокими для тех малых, больших и огромных морских судов, что проносились мимо, один за другим, словно автомобили на автострадах в час пик. Кроме того, работали и в портах, чистя и углубляя дно у причалов.

Подходил земснаряд к месту работы и опускал на дно большую, широкую трубу, через которую мощнейшими насосами засасывал в себя пульпу, то есть смесь грунта с водой. Наполнив свои трюмы илом и песком, земснаряд шел к специальному месту свалки грунта в море или к месту намывания новых площадей. В первом случае он просто открывал большие створки в днище корпуса, и грунт из трюмов падал на дно. Во втором земснаряд подходил к концевому устройству – длинной, порой в несколько километров, трубе, и подсоединялся к ней. Своими мощными насосами он перекачивал пульпу туда, где постепенно нарастали все новые и новые участки суши.

И действительно, месяц за месяцем, работа шла нормально, размеренно, без взлетов и падений. Работали на совесть, буквально вылизывая механизмы и вкладывая душу во все, что есть на этом большом и очень сложном судне. За то и приглашали их на работу, что знали эту особенность русских моряков.

В тот вечер все было как всегда. Громко, наотмашь стукнув костяшкой домино по столу в кают-компанию, стармех победно закончил очередную партию «козла» в бесконечном судовом чемпионате и поднялся на мостик. Судно шло в Гонконг, чтобы вылить грунт на интенсивно намываемые Новые Территории. На мостике находились капитан и вахтенный – молоденький третий помощник. Несмотря на поздний вечер, было светло, словно в центре города, от снующих вокруг в почти что броуновском движении судов.

Капитан пытался по радиотелефону позвонить домой, в Находку. Связавшись наконец, стал увлеченно разговаривать с ней. Сказывалось, что шел уже шестой месяц, как он был в рейсе. Третий помощник доложил, что судно справа идет слишком близко и нужно подвернуть. Капитан махнул рукой – делай, мол, чего тревожишь? Не видишь, что капитан занят?

Постояв несколько минут, стармех пожелал третьему спокойной вахты и спустился в каюту, чтобы почитать немного на ночь. Быстро приняв душ, с удовольствием лег на чистые, сухие простыни. Да, в тропиках это совсем не пустяк. Исправный кондиционер – это настроение, работоспособность и вообще великое дело, когда снаружи в это время – влажный, нездоровый, раскаленный воздух. Почитав немного, положил книгу на тумбочку, глянул на показывавшие ровно 22:00 часы, висевшие на переборке, после чего щелкнул выключателем ночника над головой.

То, что произошло дальше, не укладывалось ни в одно, даже самое фантастическое, объяснение. Раздался невообразимо мощный удар, который так резко накренил судно, что Виктор врезался в переборку. Пытаясь встать, упал с койки на палубу, поскольку судно резко вернулось в первоначальное положение. Одновременно раздался отвратительный треск и скрежет рвущегося металла. Здравый смысл говорил о том, что выключатель здесь ни при чем,

но мозг еще не успел придумать другое объяснение. Вскочив, в полной темноте, Виктор нащупал брюки, натянул их и на ощупь бросился к выходу из каюты. Судно к этому моменту выпрямилось.

Здесь нужно сказать, что каюты капитана и старшего механика располагались на одной палубе, прямо под ходовым мостиком. Капитана – на правом борту, а стармеха – на левом. Трап на ходовой мостик находился рядом с каютой капитана. Туда Виктор и направился, хватаясь в темноте за поручни, идущие вдоль коридора. Вновь появившийся крен и странный, зловещий шум, усиливающийся на фоне молчащих двигателей и насосов, очень тревожили стармеха.

До проема у трапа на мостик оставалось не более метра, когда с сильным грохотом вылетела тяжелая дубовая дверь в конце коридора, и следом возник мощный рев воды, сильно ударивший по ушам воздушной волной.

Словно плюшевого мишку, поток схватил Виктора и понес, сильно ударяя об углы. Очнувшись, он, больно стукнувшись обо что-то, не видное в темноте. И сразу же почувствовал, как вода накрыла его с головой. Оттолкнулся ногами и вынырнул.

«Дышать есть чем, – подумал Виктор, – пока и это неплохо!»

Шум, так беспокоивший его, прекратился, но это не обрадовало. Зловещее подозрение подтвердилось. Вскоре он ощутил один сильный, отчетливый толчок, за ним – второй, после чего судно легло на борт.

«Приехали... Мы легли на дно. Вот и пришел мне конец!» – подумал Виктор, и его охватил такой смертельный ужас, какого он не испытывал никогда.

«Стоп! Прекратить!» – мысленно приказал он себе и постарался унять нервную дрожь. Внезапно вспомнились прочитанные когда-то слова: «При кораблекрушениях люди обычно быстро гибнут из-за паники и переохлаждения...»

С переохлаждением проблемы не было, поскольку вода здесь, в тропиках, двадцать семь градусов. Как стармех он знал это точно. С паникой было сложнее. Она рождалась в нем сама, и каждый раз требовалось очень большое усилие, чтобы не поддаться ей. Это было похоже на накат тошноты – непонятно, откуда она появлялась, и почти невозможно было сдержать ее. Каждый раз на то, чтобы успокоиться, уходило все больше времени.

И тогда Виктор понял, что ему нужно что-то делать, чем-то занять себя, пока не придет помощь. Думать о том, имеет ли смысл ждать ее и придет ли она когда-нибудь, у него не хватило смелости, поскольку оснований для утешительного ответа не было. Все яснее и яснее он начал понимать, что если какая-то помощь и будет, то она может быть очень нескоро, а это означает одно – он ее не дожидается. Все четче становилось понимание того, что если путь к спасению и есть, то он зависит от него самого. Но как, как он может помочь себе в такой ситуации?!

Хватаясь за что-то, Виктор удерживался на поверхности воды, расталкивая мелкие плавающие предметы и стараясь на ощупь, трогая все вокруг, понять, где он находится. Совершенно неожиданно он увидел, что внизу, в воде что-то светится. Собрался, набрал воздуха в легкие и нырнул. Вынырнув, стал в ярком свете маленькой лампочки в герметичном пластиковом плафончике рассматривать то, что достал. Это была связка запасных аварийных батареек с лампочками на проводке, предназначенных для спасательных жилетов! Тех самых, которые начинают работать после выдергивания шнурком маленьких пластиковых пробок. Вода заполняет батарейку, и в ней начинается реакция. Лампочка может долго гореть, часов шесть. К счастью, в одной из батареек шнурок оказался выдернутым, потому батарейка и заполнилась водой. Связка лежала в прикроватном ящике. Не откройся он от удара и крена, не увидел бы Виктор света от лампочки. Это был и дар, и знак, что не все еще кончено.

Свет немного успокоил Виктора. Стало уютнее, и со светом жить в этом мешке было уже не так страшно, как в полной темноте. Теперь можно было спокойно осмотреться. Виктору не понадобилось много времени, чтобы понять, где он оказался. Поток воды его забило в

спальню капитана. Судя по воздушному мешку, судно лежало на левом борту. В спальне капитана было два иллюминатора. Один, неоткрываемый, смотрел вперед, а задраенный на барашки второй выходил на правый борт. Тот, что смотрел вперед, был ниже уровня воды в помещении. Второй иллюминатор был выше уровня. Виктор попробовал один, второй барашек, но они были зажаты намертво.

«Глубина в этом месте примерно тридцать метров, - рассуждал Виктор, - а это значит, что над судном метров двенадцать-пятнадцать воды. С такой глубины всплыть можно. Вопрос заключается в том, как выбраться и оказаться в свободной воде, имея при этом запас воздуха в легких для всплытия? Преодолеть стальные переборки? Это несерьезно. Проплыть через каюту и далее - к выходу в конце коридора, и оттуда всплыть? Тоже несерьезно. Воздуха в легких не хватит. А если открыть иллюминатор и быстро выплыть?»

«Стоять! Это ловушка!» – тут же подумал Виктор и поежился.

Он вспомнил давнишний случай в Дальневосточном пароходстве, когда перевернулся барже-буксирный состав. Сама перевернутая огромная баржа с лесом осталась на плаву. Буксир, также перевернутый, был в сцепке с баржей при помощи выдвижных зацепов и потому, как на шарнире, держался вместе с ней. Когда прибыло спасательное судно, к ужасу всех, кто был причастен к этому или кто слушал ту эпопею у судовых приемников, он оказался совершенно не готовым к спасению.

Как выяснилось при простукивании, живых в буксире не осталось. В конце концов, к радости всех, все же отозвался один, оказавшийся в воздушном мешке в машинном отделении. Это был вахтенный третий механик. Пока работал фонарик, он описал карандашом все, что происходило и что он чувствовал при этом, на страницах вахтенного машинного журнала. Спасатель начал операцию, которую смело можно назвать медленным убийством. Вместо того, чтобы послать водолаза со вторым аквалангом и забрать механика из плена, они стали резать корпус в районе, где стуком отвечал механик. Резали не автогенном. Он не работал. Резали электросваркой, электродами, что в несколько раз медленнее.

При этом рядом стоял подошедший сразу, полностью оснащенный японский морской спасатель, на борту которого было все для быстрого и надежного спасения людей с аварийных судов. От его помощи отказались...

Моряки с судов, слушавшие все радиопереговоры спасателей, кричали в эфир, что это гибельный путь, что нельзя этого делать, но их не слушали. Корпус медленно резали, и из прорези с сильным шипением выходил воздух. Последние сантиметры уже не дорезали – подошла вода.

Выдернули подрезанный люк лебедкой. Воздух одним выдохом вышел из буксира, и в отверстие хлынула вода, отбросившая механика от прорези. Он успел лишь выбросить в вырез машинный журнал. Буксир повис на зацепах. Пришедший вскоре шторм доделал «работу». Буксир оторвался от баржи и нашел покой на глубине пять километров.

Все это пронеслось в мыслях, и Виктор отплыл от иллюминатора, серьезно опасаясь, что в припадке паники может не выдержать и кинуться к барашкам, чтобы отдать их.

Мысли теснились, наслаиваясь одна на другую. Идеи, одна безумнее другой, приходили в голову. Мозг работал четко, мощно. Места для страха, паники и отчаяния не оставалось. Все подчинилось одному – найти решение, причем сделать это как можно скорее, пока не кончился кислород в воздушной подушке. Найти предстояло единственный, безошибочный и максимально реалистичный способ спасения. Сомнений в том, что второй попытки у него не будет, не возникало.

Методично, предмет за предметом, он обследовал спальню в надежде, что что-нибудь даст намек на решение. Такой намек он получил. В дальнем углу, почти невидимая на

поверхности, плавала небольшая, но тяжелая резная скамейка, сделанная из какого-то массивного дерева.

Виктору пришла в голову идея, и он понял полезность скамеечки при ее исполнении. Он должен разбить тот иллюминатор, что был под водой! При этом воздушная подушка сохранится, и у него будет время для спокойной подготовки к всплытию! Идея так понравилась, что он не стал искать другие варианты. Этот, в случае его исполнения, давал ответы на все вопросы, в том числе и на основной – останется ли он жив!

То, что это будет не очень просто, он убедился сразу. Размах скамейкой оказался почти невозможным делом. Удар под водой почти не получался, однако оно бил и всплывал, снова бил и снова всплывал, стараясь поймать положение, при котором удар получался сильнее. Время от времени его охватывало отчаяние, и он подумывал даже о том, чтобы открыть тот иллюминатор, который открыть было бы легче... Сознание услужливо нашептывало: «А попробуй, может быть, и получится?»

- Нет, нельзя! – вслух кричал он и снова, чуть отдышавшись, нырял и бил.

Не существовало для него ни времени, ни голода, ни мыслей о том, что делается там, наверху, и что творится дома... Ничего не было, кроме этих ныряний и ударов. Он понимал одно – скоро силы иссякнут, и если он не сумеет разбить это толстое стекло, то жизнь его здесь и закончится. Сил становилось все меньше. Кислорода в воздухе – тоже. Отдыхать теперь приходилось подолгу.

- Господи! Да помоги же мне! – неожиданно для самого себя, закричал он громко, отчаянно. - Ты пойми, ведь я почему не верил в тебя? Не научили меня вере! Откуда я мог взять эту веру? Я и сейчас не знаю, есть ли ты, но я так хочу, чтобы ты был, что даже и не сомневаюсь в этом! Помоги же мне, прошу тебя! Я ведь и грешил-то совсем мало. Так, по мелочам...

Успокоившись, Виктор собрался с силами и нырнул. После несильного очередного удара он вдруг очень, очень разозлился, напряжился и, почти теряя сознание, ударил углом скамейки в стекло.

Вынырнул и почти сразу, не дожидаясь восстановления дыхания, нырнул, чтобы проверить свое подозрение: ему показалось, что последний удар произошел с каким-то другим звуком.

- Господи, я знал! Я знал, что ты поможешь мне! – вынырнув, закричал он, и слезы полились из глаз. - Спасибо тебе!

Стекло покрылось трещинами. Оставалось только выбить его. Прошло не менее часа, прежде чем он сумел выбить крупные обломки стекла по краям иллюминатора. Теперь можно было выбраться через него без риска получить очень сильные порезы.

Самым трудным было сдерживать себя. Он должен был быть совершенно спокойным, чтобы выдержать то, что ему предстояло. Любая спешка означала смерть.

Сердце же рвалось на волю и поэтому не хотело успокаиваться. Требуя немедленно нырять, оно колотилось в груди, отдаваясь глухими, частыми ударами в висках. Виктор не поддавался провокации, но ему стало очень страшно от понимания, что реализовать полученный успех будет не менее трудно и опасно.

В этот момент оно пришло. Само, он даже не думал об этом. То ли нехватка кислорода сказала, то ли еще что. Виктор вспомнил вдруг то, что с ним было и что часто вспоминалось к концу долгих рейсов – свою дачу, ласковое солнышко, шелест листьев, чирикание воробьев, звон тарелок и вилок, которые жена мыла в тазике. Картина была настолько реальная, живая, родная, что он почувствовал, как душу его наполняют радость и покой. Постепенно вспоминая те ощущения, он всем сердцем захотел туда, к солнцу, к родным людям, но это желание было другим, не совсем обычным. Оно вызывало такое всеобъемлющее, спокойное и ровное ощущение близкого счастья и уверенности в себе, что Виктор понял: именно сейчас, в эту самую

минуту, он спокойно наберет воздуха в легкие и так же спокойно, осторожно нырнет и пройдет через иллюминатор, чтобы всплыть.

Глубоко вдохнув и выдохнув пару раз спертый, полупустой уже воздух, он нырнул. Найдя руками край иллюминатора, подтянулся и выплыл через него. Встав на борт, глубоко присел, поднял руки вверх и резко выпрямился, отталкиваясь от судна. Движения он не чувствовал и потому не понимал, всплывает или нет. Боялся одного – может не хватить воздуха. Промелькнула мысль, что глупо вот так, в каких-то метрах до солнца, погибнуть. Больше он не мог думать. Он просто слушал то, что было слышно, какие-то странные, булькающие звуки. В эту самую минуту вынырнул, однако за мгновение до этого, ощутив резкое потепление воды, он уже знал, что все удалось.

Мир ударил его по глазам ярчайшим, почти полуденным солнечным светом, и Виктор, тщетно пытаясь отдышаться, потерял способность что-либо видеть. Слезы от солнечного света, смешанные с соленой морской водой, залили воспаленные глаза. Следующим, что он ощутил, стал резкий запах и отвратительный вкус солянки...

Сил держаться на поверхности уже не было, как не было и понимания разницы между воздухом и водой. Он медленно затих, не думая уже ни о чем, и не почувствовал, как его подхватили чьи-то сильные руки.

Спасение Виктора стало большой радостью для всех моряков с судов, которые находились там, в месте кораблекрушения, надеясь спасти кого-нибудь. Он был седьмым поднятым из воды. Именно столько и спаслось из пятнадцати человек – тринадцати членов экипажа и двух представителей фирмы. При обследовании лежащего на дне судна с целью обнаружения живых людей чуть не погиб китайский водолаз.

После множества допросов в присутствии адвокатов и представителей Генконсульства России все семь моряков вернулись домой. Шесть в Находку, а один – во Владивосток.

Отпуск у Виктора был недолгим. Он отоспался, оттаял, успокоился и... явился в агентство, чтобы получить назначение на судно. И получил его. Это мало кого удивило, потому что работа у него такая – в море ходить.

* * *

Земснаряд «А. М. Vella» подняли быстро, потому что затонул он на самом фарватере с очень интенсивным движением. Эксперты сразу сошлись во мнении о том, как все произошло.

Земснаряд шел с полным грузом, то есть с тремя тысячами тонн грунта в трюме. Капитан на мостике увлеченно разговаривал по радиотелефону с женой. Управлял движением неопытный третий помощник, не сумевший оценить окружающую навигационную обстановку в ночное время. Представитель фирмы, имевший квалификацию лоцмана на местных судоходных путях, на мостик не поднимался. Когда наступил момент поворота в нужном земснаряде направлении, капитан все еще продолжал разговор. Третий помощник ответил на вызов по радиостанции контейнеровозу «Kota Hadiah», обгонявшему земснаряд близко справа.

Договорились о взаимных действиях, чтобы не мешать друг другу.

После этого третий помощник спросил разрешения у капитана на маневр, и тот согласно кивнул, продолжая разговаривать по радиотелефону. Третий резко переложил руль на авторулевом, и судно пошло на поворот. Как оказалось, совсем в другую сторону. Не так, как договорился с контейнеровозом.

Учитывая очень малую дистанцию между судами и большую инерцию, контейнеровоз не сумел сманеврировать и с полного хода ударил в борт земснаряда. Удар тяжелого скоростного судна с большим, далеко выступающим бульбом – каплеобразным утолщением в подводной

Московский BAZAR, № 1 (15) 2015 г.

носовой части, служащим для уменьшения сопротивления воды, пришлось на машинное отделение. В огромный пролом хлынула вода. Резко потеряв и без того минимальную плавучесть, земснаряд сильно накренился и за две минуты затонул.

Разбирательство шло очень долго. Судебное же дело по этой катастрофе так и не было завершено. По крайней мере, информации об этом так и не появилось.

Александр Белугин. День четвертый, 2014

ПРОЗА

Элеонора Кременская
(Ярославль)

БОБЫЛЬ

Звали его Андрюшенькой за светлый, незлобивый нрав, кроткий взгляд и улыбку, полную сочувствия и тепла.

Жил он на отшибе села и, подвязав поутру наушники своей облезлой меховой шапки, натягивал рукавицы на рыбьем меху, проверял, есть ли на валенках калоши, и выходил из своей избушки на холодный прозрачный от мороза воздух.

Жизнь его была простой, без скачков и потрясений. Жена лет так пятьдесят назад ушла к другому, и Андрюшенька прокричал ей вслед:

- Куда ты?

- А куда ветер несет! – зло ответила она. – Обед в печи, в доме прибрано, знай себе сиди-отдыхай!

- Что же я, сиротой должен остаться? – жалобно простонал Андрюшенька, глядя, как пыль завивается у ее быстрых ног.

Больше он не женился, а оставшись один, быстро зарос грязью, и соседские старухи взяли над ним шефство, принялись наведываться к нему в избушку прибираться, стирать да готовить. Так и повелось в этом селе. Уход за Андрюшенькой был постоянен. В ответ он улыбался и робил на тяжелых огородных работах у своих благодетельниц.

Изредка общество вспоминало недобрым словом мать Андрюшеньки, но и то вскользь, потому как - что же тут поделаешь? Уж таким он на свет уродился, и воспитанием, примером, возможно, ничего поделать было нельзя. Мужики села угрюмо молчали, потому как сами любили попользоваться услугами своих трудолюбивых жен и матерей.

Между тем наступила весна, еще одна весна в жизни бобыля. Андрюшенька смотрел, как солнце обрызгало желтизной цветов мать-и-мачехи серые от прошедшей зимы поля и придорожные канавы. Как березы подернулись зеленым туманом молодой листвы. Слушал, как зачирикали, засвистали оживившиеся под действием тепла и света, льющихся щедрыми волнами с неба, веселые пичужки, но в душе у него не дрогнула ни одна струна.

«Наверное, это смерть!» - думал Андрюшенька, равнодушно обозревая залитый весенним половодьем луг.

Работал по саду тупо, запрограммированным роботом выполняя то, что делал каждую весну в течение многих лет.

А после пошел робить к соседке, что частенько забирала в стирку его носильные вещи. У соседки было горе – сын без ног, дурачок Васятка.

Андрюшенька вскопал уже половину огорода, когда юродивый проснулся, выполз на руках на крыльцо, беззубо улыбнулся:

- Папаня, весна! – захохотал. – Дожили до дней светлых!

И зацокал, затрещал, задиристо передразнивая разных птиц. С дуба на кладбище ему ответил ворон.

- Жив, курилка! – Васятка помахал шапкой далекому ворону.

Соседка выглянула, пригласила обоих позавтракать чем бог послал.

Андрюшенька вошел, перекрестился на иконы в красном углу, умылся с мылом и, стараясь занять как можно меньше места, уселся на краешек табуретки. В единственной комнате стоял круглый стол, покрытый новенькой тефлоновой скатертью, на дверях висели вишневые плюшевые портьеры. На стене виднелся старинный коврик «Мишки в лесу», а на добротной тумбе стоял цветной телевизор, и высоко под потолком висели большие сохатинные рога, покрытые темным лаком.

Андрюшенька знал, конечно, что все это великолепие заработал отец Васятки, ныне покойный. Квадратный, сильный мужик с волосатыми руками, он в минуту управлялся с домашним хозяйством, копал, косил, сворачивал головы курицам голыми руками. Звероподобный и злой, пьяным он подбивал других выпивох на селе драться и они, вооружившись дубинами, шли за три километра бить соседей. Вот в такой драке голову ему и проломили.

Андрюшенька вздохнул о соседе, глупость и безрассудство которого заставили остаться сиротами двух человек: жену и сына.

Васятка подполз к Андрюшеньке, улыбаясь, положил голову ему на колени. Андрюшенька не возражал, только достал расческу из нагрудного кармана куртки. Причесал малого.

Между тем соседка накрыла на стол. Была соседка еще молодой, здоровой бабой, как говорят, кровь с молоком. Но любила сына и чуралась женихов, что изредка нехитрыми экивоками пытались привлечь ее внимание.

- Сколько тебе лет? – спросила она у Андрюшеньки.

Он вздрогнул, будто она его ударила:

- Восемьдесят в этом году стукнет!

- А не дашь! – рассмеялась она, и Васятка ей вторил.

Жирно намазала маслом кусок белого хлеба, подала ему. Андрюшенька взял. С удовольствием потянулся к тарелке с горячей жидкой пшенной кашей.

- Папаня! – дернул его за рукав Васятка. – Грачей картошкой кормить пойдем?

- Обязательно, - кивнул Андрюшенька, - только сами поедем.

- Сварим картохи-то? – у Васятки блестели глаза.

- Сварим, - подтвердил Андрюшенька, - целое ведро сварим.

- А сколько птишек к нам слетится! – смеялся, предвкушая забаву, Васятка. – И ворон прилетит!

- Кушай, сыночка! – уговаривала его мать, заботливо придвигая к Васятке тарелку с кашей.

Васятка ел, весело взглядывая на Андрюшеньку. Он уже давно повадился называть соседа папаней. Своего настоящего отца подзабыл. Андрюшенька не возражал, мальчику нужен был взрослый мужчина рядом, хоть какой, даже такой, как сосед-бобыль, очень нужен, и он возился с убогим, но не так чтобы в тягость, а даже с наслаждением.

Васятка вызывал у него двойственное чувство: вроде как сын и в то же время не сын.

Часто Васятка спрашивал у Андрюшеньки:

- А что было после войны?

И Андрюшенька не задумываясь отвечал, глядя в точку:

- Огромное чистое небо, разбомбленные дома, коммуналки с примусами, редкое возвращение солдат с фронта и радостные песни о мире.

- Сколько тебе тогда было? – спрашивал Васятка, заглядывая ему в глаза.

- Двенадцать лет, совсем как тебе! – улыбался Андрюшенька.

- А фашистов ты видел?

Московский BAZAR, № 1 (15) 2015 г.

- Пленных, - кивал Андрюшенька, - здоровенные они были, рослые очень, на гармошках губных играли.

- Злые?

- Нет! – качал головой Андрюшенька. – Добрые. Мы тогда с матерью в городе жили, часто их видели. Они город отстраивали.

- Почему они?

- То, что разрушили, восстанавливали, - пояснил Андрюшенька, - ну и скучали по своим семьям. Нам, русским детям, улыбались.

- И вы их не боялись? – замирая от ужаса, спрашивал Васятка.

- А чего бояться? Война кончилась. Ну а солдаты что же? Люди подневольные, одним словом, человеки. А человеки, Васятка, завсегда к теплу тянутся, им родной дом милее всех домов на свете.

- Это правда, - соглашался Васятка.

Они часто что-то обсуждали. И Андрюшенька удивлялся, как много он может дать мальчику, вроде и не жил совсем, вроде и на селе его считают глупым и пустым человеком, а на-ко, Васятка слушает его раскрыв рот и предпочитает общество «папани» телевизионным американским боевикам да диснеевским мультикам.

У каждого человека есть своя мечта. Редко мечта сбывается, правда, редко, но, если сбывается, без подлога, без воровства, без убийства со стороны мечтателя... наступает безмерное счастье.

Все жители села были потрясены новостью, что бобыль женился. Произошло это так скоро и незаметно, что долго еще набегали соседи, вертели недоверчиво паспорта молодоженов в руках и ворчали о свадьбе, которой не было. Все-таки обществу села надо отдать должное, молодых поздравили и наделили подарками.

И Андрюшенька впервые в жизни позволил себе назвать Васятку так, как и хотел: «Сынок!»

Александр Белугин. Воскресение, 2015

ЭССЕ-МИНИАТЮРЫ

Наталья Букан

(Санкт-Петербург)

ГРИБНАЯ ПОЭМА

*Счастливой жизни нет,
есть только счастливые дни.
Андре Терье*

Есть, есть на свете среди прочих и такое счастье – бродить по лесу в поисках грибов! Душа и тело при этом переживают преобразование необыкновенное: усталость исчезает совершенно, глаза становятся зорче, и даже слух обостряется, хоть грибы того и не требуют. Болотины, канавы, буреломы – всё преодолевается ради тех лесов и перелесков, в которых растут грибы!

Но, отправляясь в путешествие, помни о многообразии грибной палитры, а то настроишься, скажем, на боровики – другие грибы могут остаться незамеченными... Конечно, трудно пропустить колонии рыжих лисичек или букеты осенних опят с толстенькими ножками и кокетливыми юбочками; да и огненное сияние иных подосиновиков не даст равнодушно пройти мимо.

И всё же большинство лесных обитателей старается укрыться от человека, слиться с опавшей листвой, древесной корой, схорониться за причудливо изогнувшейся корягой... Потому не сразу разглядишь, к примеру, по краям болот черноголовки, или чёрные грузди цвета земли, или те же моховики, неотличимые от поржавевшего мха.

А жёлтый груздь, затаившийся в рослой траве? И вовсе с ходу проскочишь, если не знаешь, что, лишь раздвинув зелёные заросли, можно обнаружить его ядрёную, маслянистую головку на крепкой полой ножке. Никогда-то он не бывает в одиночестве, и ты прочёсываешь и прочёсываешь вдоль и поперёк травянистую полянку, отыскивая дружные, ладные семейки... А ноги уже несут тебя в высокий папоротник на опушке, за ним – в еловый лес. Не в плотный мелковатый ельник, где, как это ни удивительно, водятся загорелые подосиновики, нет! В тот, в котором огромные ели, смыкаясь лапами, тенистыми шатрами нависают над землёй, сплошь усыпанной старыми иглами и шелухой от шишек. Тут пахнет хвоей, прелью, влажным лесом.

Это – грибное нетронутое царство! Здесь поджидают тебя боровые красавцы, особенно в урожайный год да во время слоя. Тогда тебе выпадает неописуемое наслаждение – увидеть, как щедра бывает грибница, как отдаёт себя сполна! Сколько усилий и ухищрений требуется иному грибу, чтобы выбраться на белый свет из подземелья, минуя придавившую его корягу! Но всё преодолевает могучий слой, всякий раз воспринимаемый как чудо. И каждый грибник в это время спешит проверить своё заветное местечко, которое никогда его не подводит.

А случалось ли вам ходить по грибы в дождь, мелкий, морозящий, непреходящий? Удовольствие при этом получается тоже необычайное, ибо грибы становятся совсем другими – восхитительно яркими, издали заметными... Так, привлекая тебя россыпь золотых монет на поверку оказывается едва проклюнувшимися белыми, что произрастают в лиственном лесу!

Московский BAZAR, № 1 (15) 2015 г.

Отяжелевший от нескончаемой небесной влаги, осевший мох являет новорожденных в первозданной красе. Перевалившись через толстый обомшелый ствол давно упавшей берёзы, ты обнаруживаешь такие же россыпи, а там ещё... и ещё... Сердце начинает учащённо биться – ты понимаешь, что присутствуешь при рождении слоя. И к восторгу примешиваются благодарность и нежность к выглядывающим из мха мордашкам! Ты даже не сразу соображаешь, что делать со всем этим богатством. Когда же приходишь в себя, оно, богатство, перекочёвывает в ёмкую корзинку вместе с прилипшими мокрыми иголками, листьями и мхом.

Поймав блаженство единения с природой, уж не слишком удивляешься, когда большущая лесная жаба (не Царевна-лягушка ль?) тебе подсказывает, прыгнув в сторону гриба; когда прямо на твоих глазах проворная белка ловко снимает с ножки коричневую шляпку и подвешивает её на сук для просушки. И ты кричишь своей собаке, как тебе кажется, бездумно носящейся по лесу: «Джек! Ищи грибы!» И Джек воодушевляется, как будто заражаясь твоим грибным азартом...

О этот грибной азарт! Лишь истинному грибнику, ранним утром окунувшемуся в озоновую свежесть леса, ведомо особое состояние нетерпения и счастливого предвкушения грибных приключений!

Александр Белугин. Листок эвкалипта с горы Зигуан, 2015 оргалит, масло, 80 x 60 см

ЭССЕ-МИНИАТЮРЫ

Николай Зубец

(Воронеж)

СОЛНЦЕ НА СПИЦАХ

Разгон берётся прямо от подъезда, и нет проблемы пробок. Через дворы, через любые щели и калитки, по тротуарам, скверам и бульварам, не замечая никаких ГАИ, летит себе лихой велосипед.

Отец мне в своё время «Юный техник» выписал – такой журнал прекрасный, где куча интересного. Как самому собрать, к примеру, мобильный телефон. Представьте: самому! А только середина шла ещё пятидесятых! Там старший Акопян про фокусы рассказывал. И в этом вот журнале меня однажды поразила статья большая. Помню заголовок: «Твоя машина». Я и подумал поначалу, что это про автомобиль. Но начиналось примерно так: «Вот он стоит, блестя призывно хромировкой, в твоей прихожей». И дальше очень уважительно про наш обычный «велик»! Даже сходил в прихожую и впрямь полюбовался таким «машинным», серьёзным блеском элегантного руля с загибами, ведущими к рифлёным рукояткам. Впервые я прочувствовал эстетику машин. И как стихи читал со вкусом ту статью. Всё повторял: «Блестя призывно хромировкой...»

Да я и без статьи любил велосипед, но уважать стал больше. Купил его мой старший брат на первые стипендии. А я лишь в первый класс тогда пошёл и мог на взрослом велике «под рамку» только ездить. Но как это прекрасно! Сначала оттолкнёшься от земли как будто на обычном самокате, ещё толчок, ещё, а руки где-то в вышине приятно ощущают рифлёность рукояток настоящих и как-то сами по себе рулят, ещё один толчок изо всех сил, и очень быстро ногу съешь под раму, вернее, в треугольник рамы, и ставишь на педаль. Уж закрутились! Ты вертишь их, вихляясь и мотаясь. А сам велосипед – твоя машина – огромный, словно каравелла, качаясь в такт твоим вихляньям, легко пошёл вперёд и вроде полетел. Твоя солидная машина – корабль, локомотив – порхает словно птица.

Наш первый взрослый велик назывался «ЗиС-Прогресс», их производил в Москве «ЗиС» («Завод имени Сталина»). Ещё была в разгаре эпоха культа – год пятьдесят второй. А самый первый мой велосипед был из Америки – послевоенная помощь. Маленький, синий, трёхколёсный. У родителей на работе эту помощь распределяли. Там и одежда была детская, подержанная. Вместе с велосипедом мне досталось короткое красное велюровое пальтишко с очень большими перламутровыми пуговицами и застёжкой на девчачью сторону. Меня всё убеждали, что пальто мужское, но я особо и не расстроился – велосипед очаровал да и отвлёк. Эту помощь собирали простые люди, как у нас могут собирать вещи для детских домов, для погорельцев. Какой американец ездил до меня на этом трёхколёснике? Принёс на сборный пункт, конечно же, с душой – с тех пор с велосипедами не расстаюсь. Хотелось бы обнять того американца!

Потом купили у знакомых двухколёсный, ещё маленький, с детскими шинами из сплошной резины. Бывший хозяин, который перерос уже его масштаб, при продаже легко и резво гонял по дорожкам их огорода, а у меня совсем не получалось. Пока мы с матерью к себе его катили, я тщетно пытался покорить потёртое седло, и лишь придя домой - а мы при школе жили, - прорвавшись незаметно в длинный коридор, я вдруг поймал такой волнующий и радостный баланс – как будто благодать какая снизошла – и ощутил полёт. Как здорово нестись над гладким школьным полом! Заезды эти сразу пресекли, но я уже умел. Умел везде!

А тот большущий «ЗиС–Прогресс» чуть позже появился. Да, старший брат купил. Единственный его велосипед. До этого мечтал. Ему ведь стукнуло всего шесть лет, как началась война. Какие тут велосипеды, когда бомбят, когда эвакуация? Мать вспоминала, что он тогда нашёл звонок велосипедный. Прикрутит к спинке стула, усядется, как будто бы в седло, и дзинькает. А сразу же после войны велосипед был роскошью. Вот только став студентом, на собственные деньги. Ну и меня, конечно, осчастливил.

Брат разрешал кататься, но надо было спрашивать всегда. Тайком любил я что-то отвинтить, проверить смазку, подшипники подрегулировать. Я даже разбираю педали! Знал всё до винтика, как должен знать оружие солдат. Инструкцию читал, заботливо перебирал ключи в особой треугольной твёрдой сумке.

Куда брат разъезжал на нём? Наверное, на речку в основном. Поездил он немного, пока студентом был. Затем распределение, практически уехал навсегда. И «ЗиС–Прогресс» моим стал. Он и сейчас ещё вполне исправен – лишь шины накачать, хранится в гараже. И марка золотом на чёрной раме ещё горит. А перевалило ему уже за шесть десятков лет! Сейчас я езжу на другом, но ветеран практически в строю.

На всех велосипедах монтировал я фару, задний свет и зеркало. Ну и гудок потом стал ставить, такую дудку с грушей. Звонок – он слабый, лишь пешеходу посигналить. А дудка действует универсально. От дилетантов можно часто слышать, зачем мне фара, ночью я не езжу. Кто знает, как придётся?

В пятидесятые велосипеды стали популярны. Забавно, что милиция их не любила. На главной улице велосипед был под запретом. Ловили, спускали колесо, а то и оба. Ну и конечно, юные ковбои, все поголовно пионеры, комсомольцы, стремились пронестись по главному проспекту. Такой был вроде спорт, аттракцион. Потом велосипедной стаей любили подъезжать к конфетной фабрике, «кондитерке», и нюхать сладкий аромат. Стояли и вдыхали.

Да, ещё надо было в те времена поставить велик на учёт, как и печатную машинку, кстати, и номер получить. Конечно, уклонялось большинство. Брат номер приобрел. Железочка такая голубая, чуть больше пачки сигарет. Болталась сзади под седлом. С ней, говорят, и на проспект пускали, но точно вот не помню, поскольку вскоре эта глупость прошла сама собой. Борьба стала с мотоциклами, которых делалось всё больше, а велосипеды перестали замечать. Да их всё меньше становилось в городах, а прибавлялось в сёлах.

Да, есть, конечно, прелесть в мотоциклах, есть и в машинах, безусловно. Я понимаю это всё отлично, прочувствовал вполне, но всё же кайф езды велосипедной ничто затмить не может. На чём бы ещё я ни ездил, велосипеду верность сохранял всегда.

Не перечислить все достоинства его. Вот если вам подальше надо в лес за ягодами, грибами. Сядься в поезд прямо с ним, а там уж мчишься по лесной дорожке.

Я, например, и на работу езжу.

А покатать сынишку!

А прокатить девчонок, даже дам! Остерегусь, пожалуй, описывать все плюсы в этом плане, боясь навлечь гнев моралистов. А плюсы несомненны: даже в очень комфортабельной машине не ощутить всей гаммы женских чар в динамике упругих колебаний!

Московский BAZAR, № 1 (15) 2015 г.

Однако же с доступностью машин всё меньше делалось велосипедов на дорогах. Опасней стало – факт, но и в престижности дело, конечно. Казалось одно время, что чуть ли не в одиночестве катаюсь, коллег по велику почти не встретишь в городе. По телевизору покажут за границу – велосипедов масса, не только в Китае и Вьетнаме, но и в Европе. А у нас... Наметился особый путь?

К счастью, нет, задержка просто. В двадцать первом веке картина начала меняться. Сначала робко, а потом лавиной. Велосипедный бум. Не в цене бензина дело, к тому же вёлики стали круче и дороже. Нет, просто понемногу умнеют люди, я считаю. Всё больше молодёжь, как и должно быть, но и своих ровесников нередко встречаю седовласых. Приятно наблюдать.

Машина времени – в седле не замечаешь возраста.

Вот снова спицы ожили - в них сверкнуло солнце. И он, блестя призывно хромировкой, опять легко пошёл!

Александр Белугин. Заборные надписи, 2015, оргалит, масло, 87 х 57 см

ЭССЕ-МИНИАТЮРЫ

Людмила Роскошная

(Таганрог)

ВСЕ В САД!!!

Проснулась рано – настроение дрянь. Лежу и думаю: «Что ж всё так плохо! И главное – почему? На дворе весна! Все цветет. Витамины пропила курсом! Вчера ничем не злоупотребляла...»

Нехотя встала. Накинула халат. Вышла во двор...

Люблю по утрам бродить по нашему саду. Смотрю, первая розочка расцвела, пахнет! Прошлой осенью высадила на грядке несколько кустов. Удобряла, укрывала. И вот дождалась. Улыбнулась! Настроение поднялось. Прошла по тропинке к огороду. Поесть бы чего-нибудь.

Так, посмотрим, что у нас тут выросло? Помидорчиков еще нет. Огурчики только завязались. Зато листья салата зеленые, сочные. Ведь я их каждый вечер поливаю. Вот укропчик растет – обожаю. Молоденькая петрушечка. Элитная руккола. Кинзочка воню... ой, пахучая. Сейчас мы все это нарежем, покрошим перышки молоденького чеснока, заправим оливковым маслом, добавим несколько капель лимонного сока. Да с черным хлебушком и с отварной курочкой – вкусно!

А что же на десерт? Задумчиво посмотрела по сторонам. Клубники много, но не поспела. Про фрукты вообще молчу, рано еще. Заварю-ка я себе зеленого чайку, добавлю в него листочки мяты, веточки мятты и цветки ромашки. Ведь все растет под рукой. Чай получится ароматный, а с шоколадкой – просто супер!

В конце сада куст жасмина расцвел. Наломала веточек, зашла в дом, поставила в вазу. Залюбовалась и подумала: «Как же прекрасна наша земля! Скольких людей она кормит! Бесплатно! А если ты приложил к этому свои руки – одарит щедро!»

Люди-и-и! Если у вас плохое настроение – *идите в сад!!!*

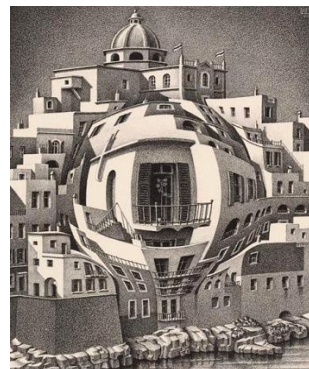

Александр Белугин. Цветы зла, 2005, холст, масло, 70 x 60 см

АРТ-КАФЕ

В этой рубрике мы знакомим читателей с творчеством современных художников: здесь мы пьем кофе и разговариваем о живописи, графике, рисунке и художественных перспективах.

ИННА МЕНЬ: «А ПОКА У МЕНЯ ЖИВОПИСНЫЙ ПЕРИОД...»

Родилась 24 августа 1962 года в Москве, где и сейчас проживает. В прошлом вокалистка групп «При.М.адонна», «Золотая середина», трио «Колорит», «Проба 1000». В составе этих коллективов завоевала гран-при на всесоюзном конкурсе «Мисс Рок-88», стала лауреатом фестиваля «Ритмы Юрмалы-86», лауреатом премии конкурса молодых исполнителей «Золотой камертон-87», по опросу газеты «Московский комсомолец», вошла в десятку лучших певиц 1988 года. Восемь лет пела в церковном хоре храма Преподобного Сергия Радонежского. Сотрудничала с известными поэтами-песенниками Михаилом Таничем и Александром Елиным, композиторами Сашей Виста и Ирсеном Хваном. С композиторами Сергеем Воробьевым, Александром Текутовым, Михаилом Соколовым, Алексеем Говердовским и Андреем Косинским написано около тридцати песен. В 2004 году вышел её сольный альбом «Вновь это я».

Автор поэтических сборников стихов «В озерах отражались облака...» (2004), «Тоска по солнцу, мыслей суета...» (2005) и «Если наступит завтра...» (2007).

МВ: Инна, ваша «краткая справка» очень внушительна. Давайте сразу – есть что-то еще добавить?

И. М. (смущенно): Еще... Еще у меня две замечательные дочери, Алена и Катюшка, и приемный сын Артур. Увлекаюсь иконописью, рисунком, живописью, фотографией, мелодекламацией, дизайном интерьера и одежды, кулинарией. Люблю людей и верю им.

МВ: Ясно. Имеем дело с серьезным и многогранным мастером! Вот и поговорим об этом. (Смеемся.) Инна, многие знают вас как певицу, поэта, литератора, мелодекламатора, бывали на концертах с вашим участием. А недавно мы узнали, что вы еще и художник, причем художник серьезный! Скажите, сложно ли сочетать в себе разные творческие направления?

Инна Мень с дочерьми Катей и Алёной

Московский BAZAR, № 1 (15) 2015 г.

И. М.: Никакой сложности нет, потому что все эти направления имеют довольно тесную взаимосвязь. Цвет, слово и звук рожают образ, а образ воплощается в слове, звуке и цвете. Это неразрывно и естественно.

Инна Мень с мамой Ираидой Ивановой

МВ: Расскажите о себе. Например, не являетесь ли вы родственницей Александра Менья? Поведайте, чем живете, чем дышите.

И. М.: Чем живу и дышу? На первом месте, конечно, моя семья, мама и дети. И, поскольку я человек очень эмоциональный и не умею «пропускать все мимо себя», а, наоборот, все пропускаю через себя, творчество для меня это своеобразный «выпуск пара» (смеется) и огромное счастье! Выбирайте, что больше нравится! По моим работам можно определить мое настроение, внутреннее состояние. Я бы сказала так: мои работы - я сама. И неважно, это песни, стихи, мелодекламация или художественные работы.

А Александр Владимирович Мень - мой тесть. Фамилия Мень приобретена в браке. С мужем мы давно расстались, а фамилия осталась. Рождена же я Петровой.

МВ: Живопись и поэзия, говорят, две родные сестры. У вас замечательные стихи, глубокие, с открытым нервом, искренние.

Ваша поэзия тесно переплетается с живописью:

*Дни, наполненные акварелями,
Ночи, окружённые воздушностью,
Мысли соловьев июньских трелями,
И мечты с послушной добродушностью
Расцветают дивными пастелями...*

Так чем же эти «сестры» так похожи?

Инна Мень. Венеция, март 2013

И. М.: Достаточно заглянуть в различные словари и прочитав значение слова «поэт». Например, в словаре Ушакова поэт - это писатель-художник, создающий поэтические произведения или писатель, пишущий стихами, стихотворец. В словаре иностранных слов русского языка поэт (греч. *poietes*) - это художник, одаренный творчеством и чувством изящного. То есть поэт - это художник, использующий вместо кисти слово. Смотрим дальше в словаре синонимов русского языка: *поэт, бард, баян, лирик, певец, стихотворец*. Вот и получаем вполне логическую цепочку. Поэт, художник и певец. И никакого разделения на жанры здесь нет. Это одно целое. Так что тут уже не две родные сестры, а три. Музыка, поэзия и живопись. И для меня никаких трудностей нет абсолютно. Но есть в моем творчестве цикличность.

МВ: Когда началась «живописная» сторона вашей жизни. Что было сначала?

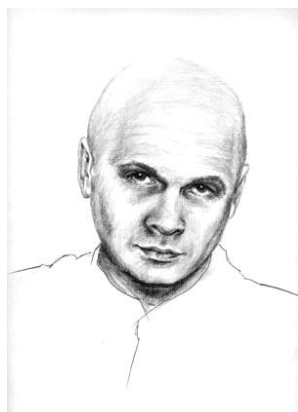

Рис. И. Мень.
Актер, режиссер Павел
Морозов, 2004, карандаш

Рис. И. Мень.
Актриса, поэт, режиссер
Ксения Энтелис, 2004,
карандаш

Рис. И. Мень.
Режиссер Владимир
Нахабцев, 2004, карандаш

И. М.: Рисовать я любила с раннего детства, равно как и петь. Но у меня нет художественного образования. После окончания школы два года подряд поступала в Московский технологический институт и мечтала стать художником-модельером, но, увы, два года подряд не хватало полбалла, несмотря на то, что на вступительных экзаменах по спецпредметам (рисунок, живопись и композиция) у меня были пятерки. И так случилось, что мой жизненный вектор изменил направление с художественного на музыкальное. Возвращение к рисунку было в начале двухтысячных. Почему? Не знаю. Просто потянуло рисовать. Родилась серия карандашных портретов моих друзей. Масляной живописи я всегда опасалась, но и она меня догнала. В 2013 году наступил момент преодоления страха перед масляными красками и холстом. Вообще я бы разделила мою жизнь на периоды. Музыкальный, иконописный, поэтический, мелодекламационный. Сейчас живописный период в моей жизни. И все они переплетаются между собой.

МВ: Ваша живопись очень многоплановая - и по темам, и по исполнению. Здесь и крупные полотна маслом, и камерные портреты карандашом, и графика, и роспись по дереву. Вы отдаете предпочтение кокой-то одной теме или форме или для вас все дорого и равнозначно?

И. М.: Предпочтений у меня нет. Да и планировать в творчестве (в моем случае) невозможно. Когда сажусь писать картину, не знаю, что в результате получится. Честное слово! Это совершенно непредсказуемо. Но очень интересно! (Смеется.)

МВ: У вас много портретов. Что в портрете для вас главное? Иными словами: что должно, с вашей точки зрения, получиться, чтобы считать портрет удачным?

И. М.: Портрет для меня это не просто изображение внешности человека, это больше изображение его внутреннего «я». Стараюсь вытащить наружу человеческую сущность. Не знаю, насколько хорошо это у меня получается, судить не мне, но я стараюсь.

МВ: Красочной и яркой у вас выступает итальянская тема. Говоря о ней, почему-то вспоминаются такие ваши строки:

*...осколком янтаря в туманном молоке
мерцало солнце... вечерело...
и теплый ветерок несмело
играл с беспечной чайкой вдалеке...
а солнечные слезы, осыпаясь
с небесной тверди в соль морских глубин,
под волн бегущих тихий клавесин,
в прекрасный нежный жемчуг превращались...*

Что значат для вас эти картины и что несут они – свою историю? Мечту? Настроение?

И. Мень. Итальянская улочка, 2012, холст, масло

И. М.: Италия - моя любовь с первого взгляда. Удивительная, солнечная, теплая - не только по климату, но по ощущению, с удивительной архитектурой, природой. Каждый, даже самый маленький городок, имеет свое лицо и свою историю, бережно охраняемую и людьми, и государством. Мне там нравится все, начиная с кухни и заканчивая абсолютно музыкальным, певучим языком. Италия дарит бесконечное вдохновение, что для творческого человека является основополагающим. Поэтому-то итальянские нотки периодически проскальзывают и в моих работах, которые становятся своеобразным признанием в любви к этой чудной стране.

МВ: У вас присутствуют работы маслом пространственные, или «стихийные», где отражены стихии. Что побудило вас к их созданию?

И. М.: Вы помните фильм 1939 года «Золотой ключик»? Там звучала замечательная песня Леонида Шварца на слова Михаила Фромана.

*Далёко-далёко, за морем,
Стоит золотая стена.
В стене той заветная дверца,
За дверцей большая страна.
Ключом золотым отпирают
Заветную дверцу в стене,
Но где отыскать этот ключик,
Никто не рассказывал мне.
В стране той - пойдешь ли на север,
На запад, восток или юг -*

Московский BAZAR, № 1 (15) 2015 г.

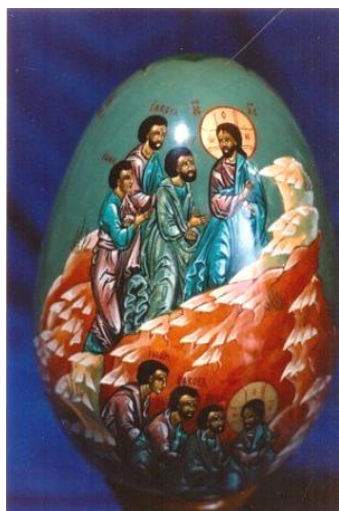
*Везде человек человеку
Надежный товарищ и друг.
Прекрасны там горы и доли,
И реки, как степь, широки.
Все дети там учатся в школах,
И славно живут старики.*

Какие прекрасные слова! Это мечта, не знаю, золотая, розовая или голубая... разноцветная... Вы можете считать меня утописткой, но очень хочется верить, что такая страна будет создана. А пока есть только картина «Мечта», написанная под впечатлением от этой песни.

Кстати, вот и прямая связь. То, о чем я говорила выше. Музыка - текст - картина. Еще сюда можно добавить чувства, эмоции, которые также воплощаются в звуке, слове, цвете. Так родились картины «Поиск равновесия», «Возрождение» и «Солнечное равновесие». В них первичной была эмоциональная составляющая. «Поиск равновесия» - это внутренняя борьба разума и чувства. Когда в голове звучит Шостакович, а цвет перемешивается, вырывается, захлестывает. Наверняка, каждый переживал нечто подобное. Картину «Возрождение» я начала на следующий день после возвращения из больницы после инсульта. Тут объяснения, думаю, лишние. «Солнечное равновесие» - это состояние nirваны, когда внутри тепло и солнечно. Как-то так... А цветы... это просто цветы...

МВ: В вашем творчестве находит отражение и библейская тема – это иконопись и роспись пасхальных яиц. Расскажите об этом.

И. М.: Иконописью я занималась в начале девяностых годов. Немного училась у иконописца Елены Мень, потом самостоятельно. Расписывала пасхальные яйца и писала иконы. По благословению митрополита Коломенского и Крутицкого Ювеналия написала клейма для царских врат храма Космы и Домиана. На данный момент у меня осталось только три иконы и одно пасхальное яйцо. Сапожник без сапог (*смеется*). К сожалению, после рождения младшей дочери я перестала этим заниматься и переключилась полностью на заботу о ребенке, доме и саде-огороде - мы тогда жили в поселке Семхоз Московской области. Но, кто знает... может, я когда-нибудь снова вернусь к иконописи...

Пасхальные яйца «Преображение Господне», 1991. Роспись вкруговую. Дерево, темпера

МВ: Говорят, с творческим человеком сложно жить – он в вечном поиске. А как ваши близкие относятся к вашему многостороннему творчеству?

И. М.: С творческим человеком жить совсем не сложно. Нужно только понимать, когда его не нужно дергать по бытовым вопросам, и все (*смеется*). Мои домашние знают, что если мама что-то творит (неважно что, пишет ли, рисует ли), лучше ее не трогать... Чревато! А вообще я человек мирный и терпеливый, если не доводить до точки кипения (а это можно делать бесконечно долго). Но если терпение лопнуло, тогда прячьтесь все! (*Смеется.*)

МВ: И традиционно: ваши планы на будущее?

И. М.: Определенных планов нет. Вернее, их много, но куда меня повернет, знает только Бог. В Мире столько интересного! Того, чего я еще не пробовала делать. А попробовать хочется. Может, это будет коллекция одежды (с недавних пор ощущаю зуд в ладонях и желание подойти к швейной машинке), может, это будет роспись по стеклу, реставрация мебели, не знаю... Поживем - увидим, какая сложится картинка в моем жизненном калейдоскопе. А пока у меня живописный период...

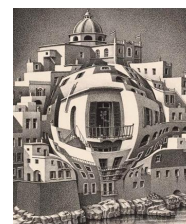

Инна Мень. Восход, 2015, холст, масло

АРТ-КАФЕ

Игорь Бурдонов

(МОССАЛИТ, Москва)

ЗРИТЕЛЬ

Вместо вступления⁸

Чтобы написать картину, нужен художник.

Тут он главный.

А потом открывается выставка

и приходит другой человек.

И смотрит на картину.

«ЗРИТЕЛЬ».

Это такой текст-бродилка по картинам Инны Мень.

*Я буду читать, а вы можете поглядывать на стену,
чтобы не только услышать, но и увидеть то, о чём пойдёт речь.*

1.

Как получилось, что он купил эту картину?

Зачем она ему?

Даже вешать некуда – на стенах нет свободного места.

Какое-то помутнение рассудка, гипноз, что ли?

Он поставил картину в конце стола и с укоризной взглянул на неё.

Из стеклянной вазы выползали бело-розовые цветы.

И что?

Это вообще не ваза, а какая-то колба пузатая, химическая.

И всё будто в дыму, будто не цветы выползают, а клубы дыма, как и положено из химических колб.

Лепестки шевелятся, цветы клубятся, алхимия, трансмутация.

И в голове будто что-то превращается, туман бело-розовый клубится, волнуется.

И. Мень. Пионы, 2014, холст, масло

⁸ Выступление Игоря Бурдонова на открытии выставки Инны Мень «Палитра чувств границ не знает...», библиотека им. А. Платонова, Москва, 8 февраля 2015.

И. Мень. Поиск равновесия, 2013, холст, масло

2.

Вон волны какие заворачиваются.
Зелёные, с белыми наконечниками.
И в небе что-то горит, молнии
сверкают.
При чём тут волны?
При чём тут небо?
Только что же цветы были.
А теперь вот волны закручиваются в
какой-то туннель, уводящий вглубь, в
малиновое сияние.
Он почувствовал, как его тянет в это
сияние.
«Я же не умею плавать, – подумал он, –
сейчас захлебнусь».
Он зажмурился и взмахнул рукой.

3.

Рука нащупала другую руку.
«Слишком маленькая, не моя», – подумал он.
«Дяденька, дяденька вы чего тут делаете?»
«Чего-чего, тону я», – хотел он сказать и открыл
глаза.
Он не тонул, он стоял на земле, а за руку его
держал маленький мальчик.
Мальчик глядел испуганно, но, видно, не за себя,
а за него, взрослого дядьку.
«Я заблудился», – сказал он.
«Так я вас выведу, тут рядом», –
мальчик поправил на голове бархатный
малиновый берет, крепче ухватился за руку и
повёл его к мосту.

И. Мень. Мальчик в берете,
2013, холст, масло

*И. Мень. Верона. Мост Скалигеров,
2013, холст, масло*

4.

Уже стемнело, но на мосту горели фонари, освещая зубчатые стены и башни и посылая по тёмной спокойной воде дрожащие светящиеся дорожки.

«Сейчас у нас зима, – говорил мальчик, закутываясь в большой синий шарф, – но всё равно теплее, чем у вас, вода в реке не замерзает.

А снег у нас тоже бывает».

«А ты чего по-итальянски-то говоришь?» –

хотел он спросить мальчика, но с удивлением обнаружил, что всё понимает.

Они вошли в ворота замка и оказались на площади.

5.

И тут как раз пошёл снег, правда, лёгкий и чуть ли не тающий на лету.

Снежинки кружились и сверкали в свете уличных фонарей.

«Вот мы и пришли», – крикнул мальчик и исчез в ближайшем переулке.

Он остался один на площади.

Впрочем, нет, не один – впереди стояла девушка, похожая на снегурочку.

Только повзрослевшую и погрузневшую.

«Сейчас зима, – повторила она слова мальчика. – А вам нужно...»

И всё потонуло в снежном вихре, он едва разобрал её последние слова: «...в обратную сторону, через Альпы».

И. Мень. Зима, 2012, холст, масло

И. Мень. Равновесие, 2014, холст, масло

6.

Как ни странно, лететь над Альпами было даже приятно.

Красные горы тянули свои усталые члены к широкому ущелью, заполненному желтеющим на солнце снегом.

А может быть, это был туман.

«И всё же – куда это меня несёт?» – подумал он и забеспокоился:

– Я же высоты боюсь, совсем забыл».

7.

«Не беспокойтесь, – услышал он тонкий голосок, – я отведу вас в деревню».

Маленькая девочка смотрела на него чуть искоса большими глазами и улыбалась едва заметно.

На голове у неё красовался шляпка, похожая на усечённый бургундский эннен, только без вуали.

«Маленькая, а уже носит серёжки», – подумал он, ничуть не удивившись, что к нему обратились на старофранцузском.

«Меня за вами мама послала», – сказала девочка.

Они пошли по тропинке, а девочка продолжала весело болтать:

«Мама говорит, так Иисус велел

– встречать всех заблудившихся путешественников.

А вот и наша деревня – видите, там, внизу».

И. Мень. Портрет дочери фотохудожника Билла Гекаса, 2013, холст, масло

И. Мень. Холмы Тосканы, 2013, холст масло

8.

Они спускались с гор, но деревня была не на самом дне долины, а над ней, на холме.

Солнечные лучи весело высветляли стены и крыши домиков.

Они спускались через жёлтые луга с уже скошенной травой, через перелески, горящие красной листвой.

«Оказывается, уже осень, – подумал он, – а до этого была зима.

Я движусь во времени в обратную сторону?»

9.

Он зашёл вслед за девочкой в дом и увидел молодую женщину, сидевшую у окна с закрытыми глазами.

Её волосы украшали бутоны роз, уже слегка увядающих.

Казалось, она просто отдыхает, но почему-то уголки её губ были чуть-чуть опущены, будто ей грустно, как и снегурочке.

Не поднимая глаз, она тихо сказала:

«Здравствуйте, путешественник.

В это время года у нас ещё тепло и очень красиво».

И добавила, распахнув глаза:

«Но я знаю, вы все торопитесь дальше».

И он утонул в её глазах.

И. Мень. Диптих «Любовь и разлука», 2014, холст, масло

И. Мень. Возрождение, 2014, холст масло

10.

«Опять тону», – подумал он с некоторым раздражением.

Вокруг него вращалось тёмно-синее небо с белыми барашками перистых облаков, впереди горел жёлтый огонь солнца, и от него красной спиралью струился жар.

«Или горю», – уточнил он свои ощущения. – Чёрт, а ведь и правда сгореть можно!

Кто меня спасёт на этот раз?»

Он зажмурился от яркого света.

11.

«Я спасу», – услышал он чей-то голос, и на голову ему полилась струя прохладной воды.

«Красная шапочка», – подумал он, протирая глаза и глядя на девочку с медным кувшином в руках.

«Не красная, а белая!» – засмеялась девочка.

Оказывается, он сказал это вслух.

На девочке действительно был белый провансальский чепец и белое платье.

«Осторожно, здесь много камней попадало с крыши», – говорила девочка, подводя его к арочному входу.

Это был вход в туннель под холмом.

Приятная прохлада разливалась под его сводами.

«А снаружи ведь жарко, как летом, – подумал он, – да и травы летние, буйные».

Сверху свисали гроздьи сине-белого колокольчика.

Он услышал тихий звон, медленно нарастающий.

Только звенели не колокольчики, звук доносился с конца туннеля.

Там в солнечной дымке виднелась ещё одна арка.

«Это мама на флейте играет», – сказала девочка.

И. Мень. Девочка с кувшином, 2013, холст, масло

*И. Мень. Диптих «Любовь и разлука»,
2014, холст, масло*

12.

«Забавно, – подумал он, – огонь и воду я уже прошёл. Что теперь?»

Молодая женщина казалась копией той, из деревни на холме.

Её волосы тоже украшали бутоны роз, только не увядающих, а свежих и ярких.

И она не грустила: отложив флейту, женщина подняла голову и запела какую-то старинную песню.

«Наверное, так прекрасные дамы отвечали песням трубадуров», –

почему-то подумал он и вдруг прислушался к словам песни.

«Мой друг, свидание приятно, но вам пора идти обратно.

Под арку-радугу вперёд, я знаю, вас мечта зовёт».

13.

Он оказался на вершине холма, и перед ним открылась бесконечная даль.

На горизонте будто парили над землёй снежные горы.

А внизу утренний туман окрасился розовым в лучах восходящего весеннего солнца.

«Почему весеннего?» – подумал он.

Почему, он и сам не знал.

Он уже привык, что его встречают, но никого рядом не было.

Он стал озиаться по сторонам, поднялся из-за стола и подошёл к окну.

И. Мень. Мечта, 2014, холст, масло

И. Мень. Натюрморт с яблоком, 2015, холст, масло

14.

На подоконнике лежало яблоко.
В лучах солнца оно так и
сочилось красным и жёлтым.
У него потекли слюнки, и он
протянул руку.

15.

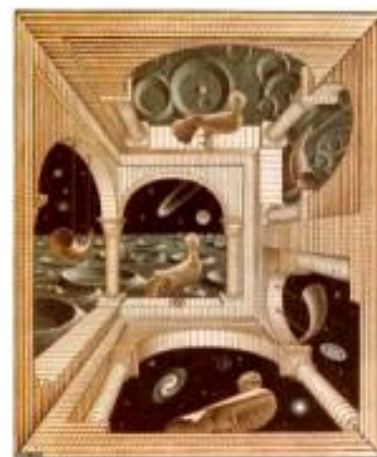
«Это моё яблоко, – услышал он голос за спиной. –
Нужно спросить разрешения».
За столом сидела женщина, подперев рукой
подбородок и смотрела на него.
Она казалась родной сестрой тех трёх, что уже
встречались на его пути.
«А где же цветы в колбе?» – подумал он.
«Да вы берите яблоко, я пошутила».
Он посмотрел в окно: там была зима.
Круг замкнулся.
Он снова повернулся к столу, чтобы что-то сказать.
Но говорить было некому.
Он даже не удивился.
С яблоком в руке он сидел в одиночестве за своим
столом.
Пожал плечами, вздохнул и откусил от яблока.

И. Мень. Автопортрет, 2015, холст, масло

ПОЭЗИЯ

Людмила Кленова (Лютель)
(Ашкелон, Израиль)

Я спешу...

Я спешу к тебе в сон...
Ты откроешь мне тайную дверцу.
Ты ведь ждёшь каждый раз,
Для полёта готова крыла.
И тогда в унисон
Зазвучит, как обычно: «Доверься...»
И простелет для нас
Млечный Путь отступившая мгла.

А внизу, далеко,
Там, где спит загрустившее лето,
Отводящее взгляд
От мгновений, где нам не везло,
Нежных пять лепестков
Раскрывает сирень на рассвете –
Как всегда, невпопад,
Как всегда, невозможно светло.

И весны аромат
В наши шальные сны достучится,
И сентябрьским ветрам
Будет снится апрель по ночам...
Твой ласкающий взгляд
Облетает меня, словно птица,
Уплывая с утра
В бесконечность, где тонет печаль.

Там, где миг невесом,
Два родных неприкаянных сердца
Продолжают рассказ
Друг для друга - так карта легла.
Я приду к тебе в сон –
Приласкать и любовью согреться,
Ты ведь ждёшь каждый раз,
Для полёта готова крыла...

Дерево

И дом уже сгорел, в котором было лето;
И пепел от надежд развеян в синеве,
А дерево растёт – и к небу тянет ветви,
И снова птицы выют гнездо в его листе...

Нам прошлые пути вернуть не удаётся,
И пламенем судьбы горит костёр иной...
А дерево растёт – и тянет ветви к солнцу,
Опять зазеленев пришедшею весной...

И жизни ураган сметает километры,
От давешних обид – до стылой тишины...
А дерево растёт – и выстоит под ветром,
Наверно, потому, что корни в нём сильны...

У светлого окна отстроенного дома
Крылом помашет сон...
И яблоня твоя
Раскинется шатром, тебе давно знакомым –
И снова зацветёт у края бытия...

Я уйду в эту осень

Осень – птица с глазами медового цвета,
Твой полёт величав – но всегда неожидан.
Ты взлетаешь с платформы по имени Лето,
Оставляя подарки, прощая обиды.

Под твоими крылами сужаются дали,
Свет дневной сокращая до сумерек зимних,
И зелёные листья медовыми стали –
В цвет загадочных глаз... Ты колдунья, скажи мне?

Да, конечно, колдунья... Тебе ведь подвластно
Изменение времени, цвета и мыслей,
Ты касаешься неба и ливневых фраз... Но
Золочёной струною молчанье повисло

Между двух берегов, между двух полушарий,
Между летним теплом и зимы белоснежьем,
Между тем, что решать и нельзя - но решали,
Между счастьем и болью, и между... и между...

И когда потеряюсь в слепых многоточьях,
А в душе всё сильнее разгорается пламя,
Я возьму карандаш – как кленовый листочек,
Я уйду в эту Осень...
И выльюсь стихами...

Криница

Есть на свете далёко-далече
С ключевой водою колодец.
Тихо плещется ночью луна в нём,
Да звезда оmyвает лучи;
Он усталость и горести лечит
Тихим плеском целебных мелодий,
Что родились давно – и недавно,
Ибо он от рождения чист.

Ты их выпьешь, мелодии эти.
Ты их выпьешь - впитаешь и примешь.
Ты их позже засветишь-услышишь
Светлым пламенем тонкой свечи.

И в далёком и жарком рассвете,
Там, где ветра пустынного примесь,
На высокой и солнечной крыше
Твой весенний напев зазвучит...

Я в ладони его принимаю,
Пью неспешно и нежность, и ласку,
Ощущая губами прохладу
Невозможной бездонности дней,
Осторожно ступая по краю
Нашей тайны, запрятанной в сказку...
Мне другого питья и не надо –
Кроме песен криницы твоей...

Втроём... Баллада

Они втроём сидели у окошка:
Луна, собака чёрная и кошка,
Вдыхали дым от трубки из самшита.
Скрипело кресло, и была укрыта
Мохнатым пледом давняя потеря
Морского волка. За открытой дверью
Дышала ночь, бессонница вздыхала...
А для него и ночи было мало,
Чтоб подойти вплотную к той, с которой
Они делили множество историй,
Шторма и штиль, и в отдели далёкой
Из губ и рук сложившиеся строки...

К рассвету сон бывал помилосердней,
И билось тише и спокойней сердце.
Собака с кошкой спали в уголке.
Луна, в себя ушедшая до точки,
Чуть-чуть погладив сонные ресницы,
Спешила с небом высветленным слиться...

Но как-то ночью кресло замолчало,
И вспыхнул свет у звёздного причала,
И отмель стала ближе и светлее...
Две тени – видишь? – кружатся над нею...

Собака с кошкой ждут, и в лунном свете
Спит тишина. И сон шагами метит
Колечки дыма над забытой где-то
Той, из самшита, зябкою планетой,
Где пульса нет в рассветном свете утра...
...А кажется - всё прежнее как будто...

В полушаге

В полушаге от края бессонницы,
Где раскрытое в небо окно,
Обернёшься назад – и не вспомнится,
Что там было... И кем суждено
То, что нынче вплетается травами
В гомон утра, в рассудочность дня...
Мы в любви своей правы, не правы ли –
Только душу уже не отнять
У родившейся звёздной феерии,
Что мостом через зиму легла...
Мы в неё почему-то поверили –
И она появиться смогла...

Мне не спится. И в небе сиреновом
Ближе к утру плывут облака,
И тревожит вселенским прозрением
Неба взгляд, отражаясь в веках...
Где-то катится солнца горошина,
В первозданность рассвета маня...
А на пирсе бессонниц непрощенных
Ты, как прежде, встречаешь меня...

Александр Белугин. Суббота, 2014,
проект «Душа на рубашку»

Она и Он

Она умела по ночам
Луны касаться,
Ходить по звёздам и в луче
Росой светиться...
А Он её не замечал.
Казалось, снятся
И лунный промельк на плече,
И песня птицы...

Она умела по утрам
Листа ладонью
К его щеке прильнуть слегка,
Как будто ветер...
А Он подумал, что, мол, сам
В небес бездонье
Легко развеял облака
И солнце встретил...

Она искала столько лет
Возможной встречи.
Она звала его к себе,
А Он не слышал.
А Он молчал всегда в ответ
И думал: лечат
Терпенье долгое в судьбе
Приказы свыше...

Он дружелюбен был всегда –
Неколебимо.
А как Она тепла ждала
В бессонном Вальсе...
Но, как мелодии, года
Скользили мимо...
Она устала – и ушла...
А Он – остался...

Встреча мимолётная

Встреча мимолётная...
Нет ни слов, ни нот... Но я
Знаю, как тепла
Та ладонь, что бережно,
Молча греет: «Верись мне?»
Старые дела...

Суть прикосновения –
Вспышка внутривенная,
Только вот – кольцо...
Муза шестиструнная,
Тень на стенке – рунами,
Голос с хрипотцой...

Ночь взмахнула крыльями...
Ну скажи мне, были ли:
Говор алых струй,
Два стакана винные,
Шумный спор за спинами,
Лёгкий поцелуй?

А наутро дружески
(Голова не кружится?)
Светлое: «Пока...»
И улыбка-скромница...
Отчего же помнится
Тёплая рука?

Александр Белугин. Католический букет, 2000,
холст, масло, 100 х 80 см

ПОЭЗИЯ

Аркадий Лиховецкий
(Кобленц, Германия)

Шесть часов по Москве

Ровно шесть по Москве. Город выгнул шершавые крыши,
Отраженный в каналах, собора вознес вертикаль.
Солнце красило в колер июльских мерцающих вишен,
В цвет заката дома, обходя за кварталом квартал.
Шесть часов по Москве - позабытая точка отсчета.
Время разных столиц холл гостиничный вместе смешал.
В шесть утра надрывался будильник и звал на работу.
- Раз, два, три...Раз, два, три, - спортиструктор эфир сотрясал.
Заполняло пространство крещендо державного гимна,
Фейерверками нот салютуя рождению дня.
Мы любили страну, свято веря, что это взаимно,
И в газетных столбцах этот факт отражался сполна.
Или только казалось? Копились грехи и кручины,
Зачерстевший пирог нарезался на шатком столе.
И не слышал никто тихий плач Ярославны-княгини
На кремлевской щербатой стене по российской земле!
Жизнь, качнувшись, сместилась, как древние оси земные.
Слепо бьемся в тенетах – кругах часовых поясов.
Ровно шесть по Москве. Что-то в сердце кольнуло, заныло...
Вечер. Страсбург. Кафе. Счет оплачен. Спасибо, гарсон!

Синяя птица

Бьет птица клювом за окном в стекло:
Тире и точки – азбука вибраций.
Быть может, ищет пищу и тепло,
А может быть, контакт цивилизаций?
Я ей отсыплю крошек и пшена,
Фрамугу приоткрыв на зимней раме.
И взглядом прослежу, когда она
Уйдет в полет широкими кругами.
Накину куртку, выйду за порог.

Охапку дров смолистых и холодных
Внесу и оторву листок,
В который календарь вместил сегодня.
Бесчисленная вереница дней.
И в каждом свой особый дар хранится:
Твое письмо, вечерний свет в окне
И вещий зов волшебной синей птицы.

Нотная тетрадь

Перелистаю нотную тетрадь
 В картонном потемневшем переплете.
 За тактом такт стараясь разобрать,
 Соединить разрозненные ноты.
 Их начертала женская рука.
 Мелодии утерянной звучанье
 Из дальнего вернется далека,
 То ласковым укором, то рыданием.
 Линованные ветхие листы,
 Фабричный знак, в себя вобравший «яти».
 Вновь музыка, пронзив столетий стык,
 По временным струится перекатам.
 Романс старинный: счастье и печаль,
 Страданье, тройка, шорох кринолинов...
 Играла женщина в гостиной при свечах,
 Поставленных на крышку пианино.
 В саду курил путейский инженер,
 Пытаясь тщетно совладать с волнением.
 Ложился мелкий дождик на шинель,
 Негромко шелестел листвою осенней.
 Еще минута - он сейчас войдет!
 Он ждет решенья, он молчать не сможет!
 А за окном – девятисотый год,
 Который до конца еще не прожит.
 Перелистаю нотную тетрадь.
 В ней, чудом уцелевшей в преисподней,
 Разбуженное музыкой вчера,
 Почти неотличимо от сегодня.

Молодые

За все заплатят молодые.
 Клубится жертвенников дым.
 Опять в разоры мировые
 Назначено вступаться им.
 Гуляки, книжники, задиры
 В одной уравнены судьбе:
 Их полковые командиры
 Обучат строю и стрельбе.
 Подстриженные аккуратно,
 Носки – вразлет и пятки – внутрь,
 Они стране на подвиг ратный,
 Срывая голос, присягнут.
 Во имя потаенных целей,
 Карьерных встрясок и высот
 Бойцов поднимут офицеры
 В лихой отчаянный бросок.
 Поставив точку в политесе,
 По взмаху маршальской руки,
 Париж, который «стоит мессы»,
 Возьмут усталые полки.
 На мониторах и трехверстках
 В штабах воюющих сторон
 Не различить солдат-подростков
 В рядах штурмующих колонн.
 В тиши военных бухгалтерий,
 Сводя баланс, окончив труд,
 Все невозвратные потери
 Овалом жирным обведут.

Солнышко-небушко

Детская песенка, присказка-речевка
 Отчего вдруг вспомнилась не возьму я в
 толк:
 «Солнышко – небушко, божия коровка,
 Улетай на небушко, в золотой чертог!»
 Вдоль по алой спинке, точно крытой лаком,
 Крапинки проставлены, как на домино.
 Звездная туманность, план чужой галактики,
 Тайное послание сферы неземной?
 Веером трепетным распускались крылья,
 Шел, никем не слышимый, времени отсчет.
 Затаишь дыхание - и в момент отрыва
 Легкое жужжание, вертикальный взлет.

Пролетели годы, и в селенье горном
 Вынесли «вертушки» наш взвод из-под огня.
 Не забыл про ребят Николай Угодник,
 От убойной стали злой сберегла броня.
 Все вернулись домой, отмечалось в сводке:
 «Боестолкновение... Помощь не нужна...»
 Не хмелило только от стакана водки,
 Той, что выдал к ужину добрый старшина.
 Ночью снилось: летит, вновь спасая души,
 Поднимаясь высоко в белый край снегов,
 Винтовой машиной ловко обернувшись,
 «Солнышко-небушко» из детства моего.

Сибирь

Известный всем испанец Писарро
 Взял целую империю на приступ.
 Но у России собственный герой,
 Возглавивший сибирскую конкисту.
 Кому судьба - сума или тюрьма,
 Кому – хоромы с шапкою собольей.
 А казаку по прозвищу Ермак:
 Пищаль, да огневой запас, да воля!
 Лес корчевал и ставил городки,
 Ясак шерстил по станам и улусам.
 Меха копил... Как будто не с руки
 Его примером выставлять для руссов?
 Землепроходец (кто ему судья?)
 Не досыпал, терпел нужду и хвори.
 Шел напролом и даже, слышал я,
 Слыл на Дону разбойником и вором.
 Ни школ, ни академий не кончал,
 До баб охоч, любитель доброй чарки.
 И нерадивых часто привечал
 Куда ни попадя плетеною свинчаткой.
 В истории далекой той поры
 Его фигура саженого роста
 Не только потому, что покорила,
 Привел к присяге царской инородцев.
 Он не считал раскосость за порок
 И не крестил огнем народ негодный.
 Да, землю брал, взамен вводя налог,
 Как говорят сегодня, подходящий.
 России стать сильнее подсобил,
 Ее полпредом был, лихим солдатом.
 Но на плечах своих принес в Сибирь
 И дух колониального захвата.
 Не стоит нам его искать вины,
 Так выпало: судьбу не выбирают.
 Рождения ребенка и страны
 Без крови и страданий не бывает.
 Каленая стрела, последний бой,
 Сибирские полки, Москва, салюты...
 Как странно связаны между собой
 Легенды, быль, события и люди.

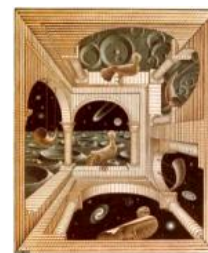
Восточный экспресс

Итак, опять в две дырочки сопеть,
 Копить взрывную ярость в нервных клетках
 И клясть судьбу на русском языке,
 На всех его сладчайших диалектах.
 Была зима. Расшатанный вагон,
 Промерзший насквозь, заходился в крике.
 Шли на Восток, и каждый перегон
 Астматик-поезд брал с натужным хрипом.
 Катилось время в прорву, в никуда,
 В топь полудремы, не дающей отдых.
 Тянулась ночь, бугрился нарост льда
 На тамбурных гремящих переходах.
 Колесных пар визгливый мерный гул
 Выстукивал одно: «Ты болен, болен...»
 До ломоты, до онеменья губ
 Сквозь ткань одежды пробирался холод.
 И наконец затоптанный перрон,
 Ангар вокзала гулкий, стооконный.
 Лежалый общепитовский пирог
 И чай спитой в буфете станционном.
 Круговорот раздоров и лукавств
 Нелепой событийной карусели;
 Тот поезд, девяностые, Луганск
 Полубылились, в памяти осели,
 Казалось, навсегда, но вышел срок,
 Вновь наши скорби вписываем в святцы.
 Ни от сумы, ни от больших тревог,
 Как ни печально, поздно зарекаться.
 Горит Луганск, взаправду, не в кино,
 Разодраны истории страницы.
 На картах стран, размеченных давно,
 Ползут и растворяются границы.
 Глаза прикрою (боже борони...),
 Льет тусклый свет кошачий глаз плафона.
 В обратный рейс, в безумие войны
 Отходит поезд-призрак от платформы.
 Мы – пассажиры! Рельсовая сталь
 Прогнула, оголив разрыва грани...
 И некому остановить состав,
 В отчаянии рванув рычаг стоп-крана.

ПОЭЗИЯ

Светлана Моисеева

(Волхов, Ленинградская обл.)

Свобода от возраста

В прихожей звонок пропоёт упоительным гимном –
И возраст, как жёлтые листья, осыплется долу:
Я буду давнишней девчонкой, немного наивной,
Сумбурной в движеньях, лохматой и звонко-весёлой.

Недавно серьёзная дама тушила индейку,
Тихонько ворча про ползущую в небо квартплату,
Но вечер вдруг севшую сменит во мне батарейку –
Я стану такой, как была в девяностых когда-то.

Я к двери поющей рванусь по квартире вприпрыжку,
Глаза распахнув, с изумленьем замру у порога:
Стоит за дверями до боли любимый мальчишка,
Слегка поседевший, небритый, усталый немного...

Мальчишку втяну за рукав в пяточок коридора
И розы сожму, чуть скуля от восторга, в охапке!
Он станет руками отыскивать точку опоры,
Пытаясь ногами попасть в усколавшие тапки...

И точкой опоры мои вдруг окажутся плечи...
Потянет дымком от индейки, горящей в духовке, –
Метнёмся к плите и уверимся: ужинать нечем.
...А счастье всё будет звенеть золотистой подковкой!

От счастья захочется шума и выходки дерзкой!
Раз двадцать чихнув, перерою шкафы и комоды –
И галстук мальчишке, смеясь, повяжу пионерский
Как символ свободы от возраста – нашей свободы!

Юсе

В тот день, когда ты молча умирала,
Февральская метель ломилась в дом.
Нам воздуха обеим не хватало -
А воздух бесновался за окном,

Потоки снега скручивал в спирали,
Вертел свои кривые зеркала...
Я плакала: мы обе - умирали,
Но я осталась здесь. А ты - ушла.

Уже весна. И воздух тёплым морем
Спешит восполнить зимний дефицит -
Моя душа живёт с февральским горем
И от нехватки воздуха скулит...

Скорее нырнуть бы в весну...

Резинка от шляпки в кудрях рыжеватых запуталась,
И тёплую шаль, как назло, не найти ни за что –
Торопит девчонку на улицу прихоть минутная:
Скорее нырнуть бы в весну, просто так, без пальто!

Не справиться ей с бестолковою этой сумятицей,
Коль манит из дома волшебный весенний напев,
Приподнят подол кружевного воскресного платица:
Шажок на крыльцо так же важен, как шаг королев!

Легко разметались по худеньким плечикам локоны,
Апрельское солнце, осыпав веснушками нос,
Настоем тепла поливает лужайку под окнами,
А ветер танцует мазурку со стайкой берёз.

Горят на щеках поцелуи апреля воздушные,
Раскрыты объятья навстречу лучистой весне,
И ленты на шляпке, доселе такие послушные,
Гуляют по ветру – да так, что щекотно спине.

Захлопали в доме дверями: беглянку-проказницу,
Знать, матушка ищет – к обедне воскресной пора!
А солнце целует девчонку и весело дразнится –
И ей, хоть умри, невозможно уйти со двора!

Рисунок

Достать чернил и плакать!
Б. Пастернак

Истёк слезами день. Достать карандаши
И ватмана рулон, пылящийся в кладовке.
Порывшись в тайниках заплаканной души,
Найти там первый штрих, неровный и неловкий,
И положить его на лист наискосок,
Перечеркнув тот день движением знакомым.
Потом завить в спираль растрёпанный дымок,
Летающий над трубой придуманного дома.
Нарисовать цветы, не клумбой, а вразброс,
На ровненьком крыльце – двух человечков милых.
Склонившись над листом, смешно наморщив нос,
Водить карандашом. Забыть о том, что было.
Прихлёбывая чай, остывший век назад,
Представив прошлый рай, счастливой показаться...
...На карандашный мир случайно бросив взгляд,
Увидеть на крыльце несчастнейших пяцев,
И солнце, что скользит по мятому листу, –
Нелепый грязный след растаявшей конфеты,
И дом... Уже – не дом, а просто пустоту –
Картинку без души, героев и сюжета...
Истёк слезами день. Достать карандаши?

Белой ночью

Колдунья-ночь сплетает нити улиц
В клубок из серебристых паутин,
Чтоб мы опять, как встарь, не
разминулись.
Но я – пока одна. И ты – один.
Размыты лица. И условны тени
Для белых полудней – полуночей.
Тревожит полулетнее томленье.
Но я – пока ничья. И ты – ничей.
Полузакат, сродни полувосходу,
Топлёным молоком стекает с крыш,

Сусальной позолотой мутит воду.
Но я – пока не сплю. И ты – не спишь.
Небесный перламутр течёт в Фонтанку,
Слегка подкрасив клодтовых коней,
И будит их, строптивых, спозаранку.
Но я – уже не с ним. И ты – не с ней.
Нетронутым холстом белеют стены.
Осталась нерасправленной кровать.
А белой ночи нужно непременно,
Чтоб мы друг друга бросились искать...

Девяносто вторая весна

Задев за перила тяжёлой неструганой палкой,
Он будит подъезд, утонувший в предутреннем сне:
Он рано встаёт и торопится – времени жалко! –
Во двор, на свиданье к последней, быть может, весне.

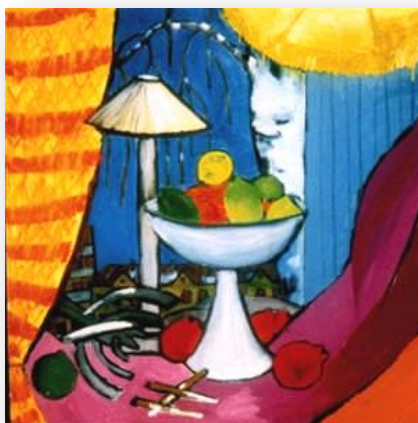
Тихонько бредёт по двору от скамейки к скамейке –
Качается тень, зацепившись за чёрный газон...
И утренний холод ползёт под его телогрейку:
Для ранних прогулок не слишком удачен сезон!

Он старый солдат – и ему ли бояться прохлады:
Не тают на сердце залитые кровью снега,
И, в сны залетая, всё рвутся и рвутся снаряды,
И ноет под утро пробитая пулей нога...

Он дышит весной – значит рано солдату сдаваться!
Зима – позади, позади – табурет у окна:
Всю зиму болел, обессилел – не мог одеваться...
Он так тебя ждал, девяносто вторая весна!

Одно за другим загораются окна, как свечи,
И небо светлеет высоким своим полотном.
С трудом разогнулась спина и расправились плечи:
На время душа забывает о теле больном.

При виде соседа светлеют угрюмые лица:
- Держись, ветеран, День Победы отметим с тобой!
...А он уже понял, что вышел сегодня проститься
С последней своей, девяносто второю весной...

Александр Белугин. Из серии «Разные работы», 2013

ПОЭЗИЯ

Вероника Сенькина (Москва)

* * *

Вот оно, счастье, черпай его ковшом,
Пей, упивайся, лей его мимо губ!
Счастье стирает прошлое в порошок,
Завтра согнет сегодняшнее в дугу.

Прожитых весен, осеней, лет и зим
Явится обратная сторона:
Кто он тебе, который необходим?
Кто он тебе, которому ты – нужна?

Там, далеко, заброшенное гнездо...
В новом гнезде поется тебе ровней?
Кем тебе был изученный от и до?
Кто он тебе, который в сто раз родней?

Перемололось. Выдох. Жизнь удалась.
Стынет на кухне кофе, дымится «Kent».
Девичий голос в трубке (плохая связь):
«Мамочка, слышишь, счастья на свете нет!»

* * *

Окна закрыты – тихо по всем фронтам...
Кактус на подоконнике еле дышит.
Хочется Кафку переводить с листа,
Что-нибудь открутить и напассатигить.

В сердце живет предчувствие, предвесна,
Это такое время, когда прекрасно
Спится и просыпается по утрам,
Пишется амфибрахией или маслом.

Лестница, дверь парадного. Ну держись!
Я выхожу присутствовать повсеместно.
Я выхожу влюбляться в другую жизнь,
Прежней – меня удерживать бесполезно.

* * *

Утро бестактно в окно стучится,
К жизни моей подбирает ключик,
Крестики-нолики... единицы...
Думаешь, вместе нам будет лучше?

Хочешь заставить меня поверить
В животворительность марта, мая?
Я не открою тебе америк,
Если скажу, что не понимаю

В этом ни чёрта, ни малой капли,
Мне – что весна, что зима – до фени.
Я – всесезонно - на те же грабли,
Я же упряма, как птица феникс...

Утро лучом раскаленной стали
Лижет подушку, злословит, злится.
Если будильник к виску приставить,
Может, получится застрелиться? ...

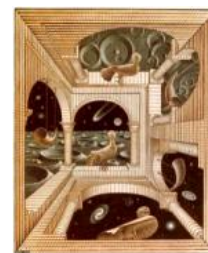
ей

Закрывай глаза и лети в огонь,
Не прошла по кастингу, чтоб в окно,
Ты сама, как пламя, тебя лишь тронь,
И - накроет вмиг ледяной волной.

Не трепли мне нервы, зарой топор,
Будь хорошей девочкой, не кричи.
Ну какой у нас с тобой разговор
Может быть, раз нет никаких причин...

Принимай меня безо всяких «но»,
Я такая вот, что куда уж там...
Просто нет мотива шагать в окно
И тем паче - ссориться по утрам.

Если ты - не бог, если я - не я,
Если нас придумали, чтобы петь,
Дай найти в тебе хоть один изъян,
Чтоб тобою более не болеть...

* * *

Пустое небо: ничто не светит, деревья в рыжем.
Конечно, прелесть, конечно, всяко имеет право
Дышать дождями, там, в междуречье посреди-книжном,
На чердаках ли, где луговые томятся травы.

Пустое дело: в ладоши хлопать, не испугаешь,
Давно границы преодолели своих пернатых.
Остались волны толкаться с долгими берегами.
И темнота затаивших день проходных парадных.

И стоны стен, кирпичами трущихся о рассветы,
И взгляд в упор, что похлеще выстрела, смертоносен.
И шлейфы улиц, упорно тянущиеся следом
За мной, за нами. Такой октябрь. Такая осень.

* * *

Таает который полдень в глазах огонь,
Взгляд каменеет, не проникает в суть
Более... нет решительно – ни-ко-го,
Кто бы сказал: сейчас я тебя спасу.

Таает огонь, решительно холодна
Зимняя суть – куда там её верстать...
Пляшут в камине мысли, горит O₂:
Нечем дышать. Ни ластика, ни листа...

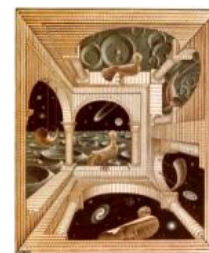
Маясь опять о том же который круг,
Хоть на челе пиши: так и так, беда.
С дерева научиться сдирать кору
Смогут ли пальцы, не причинив вреда

Оному. Хоть клеймом выжигай на лбу
«Дурочка» и кори себя за изъян -
А все равно впрягаешься в кабалу:
Молча смотреть, как стрелки по дну скользят.

Молча, сто лет - ни грифеля, ни мелка,
Ветер костру ерошить вихры горазд -
Искры летят и, глядя издалека,
Можно считать, что счастлива: три, два, раз...

ПОЭЗИЯ

Галина Дмитриева
(Калининград)

Счастье – это снегопад

- Что такое счастье, расскажи.
- Разве ты не знаешь? Снегопад.
Ты в ладонь снежинку положи
И взгляни на этот бриллиант.

- Ну и что? Растаяла, смотри.
Ведь красива лишь на краткий миг.
- Мы с тобой о счастье говорим,
Ты еще одну в ладонь возьми.

- Не хочу. Зачем? Растает вновь.
Мы с тобой ее не сбережем.
Не подарим ей свою любовь.
Объясни, а счастье-то причем?

- Потому что счастье – тот же снег.
Так легко спускается с небес.
И уже живет в тебе, во мне,
Хоть не осязаемое на вес.

Ты ему ладони протяни,
Ты ему объятия раскрой,
Слейся в бесконечном танце с ним -
И забудь, что маялась хандрой.

Счастье – это чудо из чудес.
Сердце открывая для любви,
Щедрым снегом упадет с небес.
Ведь не сложно. Ты его лови.

Посмотри на кружевной наряд,
На ладонь снежинку положив.
Понимаешь, счастье – снегопад.
- Но когда?
- Ну, как когда? Всю жизнь.

Море

Тогда был теплый майский день,
И я, расставшись с каблуками,
Стремглав бежала по воде
И волны трогала руками.

Смеясь, чертила на песке
Чудные буквы-закорючки,
Довольна тем, что вдалеке
Нигде ни облачка, ни тучки.

А море на закате дня
Янтарные дарило крошки,
С весельем брызгалось в меня
И изгибалось, словно кошка.

А море! Нет, не передать –
Такая чувствовалась сила:
Романтику руками взять,
Мечту вдруг ухватить за крылья,

За горизонты поглядеть
Сквозь волн веселую погоню
И даль немножечко задеть,
Пригоршню моря взяв в ладони.

Я осень не люблю

Я осень не люблю... И в золотом наряде
Она мне не мила, а если дождь весь день,
И тучи в небесах как танки на параде,
И из-под одеял высовываться лень...

Я осень не люблю... Когда задира-ветер
Опавшую листву кружит над головой,
И ветки на кустах свисают, словно плети,
И вдоль дорог стоят деревья как конвой...

Я осень не люблю... Она зимы предвестье,
И серость за окном, и холод по утру,
Взывает к жизни дождь ростки шальных депрессий,
И привлекает хмарь осеннюю хандру...

Я осень не люблю... Сумбурна и капризна,
Об этой нелюбви сказать не премину.
Но буду гнать тоску и радоваться жизни,
Хоть осень не люблю. Я подожду весну...

Дождливое

Мерно стучит безудержный дождь,
Я наблюдаю за ним сквозь окна.
Душно. А мне лучше в холод – дрожь
И под дождем этим летним мокнуть,
Бисером мелким за воротник
Чтоб меж лопаток приятной негой
Дождь – словно чистой воды родник –
Мягкой прохладой своей побегал.
Я бы шагала совсем одна,
Обувь – подальше, по теплым лужам
В мокрое дождичье никуда...
Дождик сильнее, сильнее! Ну же!
Зонтик не нужен! И плащ – долой!
Здорово так под дождем промокнуть,
Вымыться чистой водой дождевой.
Жаль, он не брызнет за эти окна...

Если ты счастья уже не ждешь,
Если неверие вновь ужалил,
Знаешь, беги в этот летний дождь –
Он все поймет, рассосет печали,
Вымоет, выскоблит – и держись!
Станешь ты снова босой девчонкой,
Молодость песней дождливой, звонкой
Снова заставит поверить в жизнь,
Если ты сможешь вот так, одна,
Смело шагать босиком по лужам
В мокрое дождичье никуда.
Зонтик – долой! Да и плащ не нужен!
Только тогда ты меня поймешь,
Как я врываюсь к тебе со счастьем.
И никогда не зови ненастьем
Мокрый веселый июньский дождь!

Забвенье

Так много жизней, тусклых или ярких -
Все вычистит забвения метла.
Ну, кто б была Лаура без Петрарки
И без Дали прекрасная Галá?

Наступит время, и придет забвенье,
В веках не вспомнят, кто когда-то жил.
Забыли б Керн без «Чудного мгновенья»,
Оленину без строк «Я вас любил».

У временной реки свои пороги,
И память – не гранитная скала.
Меня забудут, как забыли многих, –
Я для великих Музой не была.

Радуга

Весна погодою не радует,
Но в дождь ворвался солнца луч,
И в небе появилась радуга,
Чуть-чуть раздвинув серость туч,

Казалось, вот она – так близенько,
Достать рукой – проблемы нет,
Не верилось, что это физика
Так преломила белый цвет.

И над рекой, и над корабликом
Красиво выгнулась дуга
И разноцветною параболой
Соединила берега.

Дождь, солнце – что еще желаннее
Для редкой госты с вышины.
Быть может, радуга – послание
От потерявшейся весны?

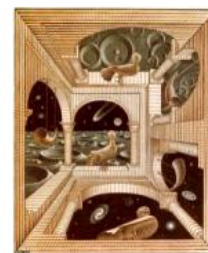
По автобану

Я несусь по автобану,
И мне все по барабану.
За окном леса и реки, города и ветра вой,
Лишь мелькают километры,
Унося с попутным ветром
И бескрылые надежды, и дожди над головой.

Я несусь по автобану,
Как судьбу держу баранку,
Под колесами дорога, жму на газ - сто пятьдесят,
Надо же, какое дело,
Жизнь по трассе пролетела -
Невозможно развернуться и никак не сдать назад.

ПОЭЗИЯ

Сергей Гамаюнов (Черкесский)
(Кисловодск)

Я подводная лодка...

Я лежу.
Леера напряглись вдоль спины.
Я - подводная лодка минувшей войны.
Все задраены люки и слеп перископ,
И надстройка угрюмо нахмурила лоб...
Жаль, всего только раз на коротком веку
Мне сразиться пришлось.
Я с дырою в боку...
Но поодаль, в тени под клыкастой скалой,
Распластался в песке мой противник былой.
Он уйти не успел от торпедной стрелы,
В нём изорванный шрам от кормы до скулы.
На постах боевых вечно мой экипаж,
Занесённый в реестры безвестных пропаж.
Широты с долготой в ваших лоциях нет:
Я в режиме молчания семьдесят лет.
Стаи рыб да песок - злая стынь глубины.
Я подводная лодка ушедшей страны...

Я забрёл в свою давнюю осень

Я забрёл в свою давнюю осень,
В старый парк, где все тропки милы.
Где остывшее солнце наносит
Свой прощальный узор на стволы.

Где от вечера и до рассвета -
Всё брожу, словно старый сатир...
Всё ищу безнадежно ответы
На вопросы, что вечны как мир.

Ореол миражей и обмана
Замерцал в огоньках фонарей.
Это ночь под покровом тумана

Провожает меня до дверей...

Драпированы листьями клёна
Очертанья заветной скамьи.
Целовал здесь когда-то влюблённо
Я озябшие пальцы твои...

Обречённо поникли берёзы
Под незримую тяжестью лет.
Я бреду.

То ли дождь, то ли слёзы
На щеках осушает рассвет...

Заснул я с книжкой в обнимку...

Заснул я с книжкой в обнимку,
И снится мне престранный сон:
Купил я шапку-невидимку
В ларьке для сказочных персон.
Примерил - знатная вещица:
Пошита, словно на заказ...
И я, забыв, что это снится –
Прошёлся в шапке напоказ.

Вот и знакомая сторонка.
(Волнуюсь я, не без того...)
Хвостом вильнула собачонка,
Учуяв рядом своего.
Морозно скрипнуло крылечко,
Пахнула дверь парным теплом,
Сырым углём стрельнула печка...
Семья вся в сборе за столом.
Вот чудеса: я – в нашей хате,
Лет пятьдесят тому назад...
Подушки горкой на кровати,
Диван, с лампадой образа,
Комод с салфетками из кружев,
Машинка «Зингер», круглый стол,
А в сковородке – скромный ужин,
В стакане водка – граммов сто...
В кисейных юбочках оконца,
До искр плита раскалена,
И, словно маленькое солнце,
Её чугунная спина.
Гудит огонь в печном застенке,
А дед, смешно ерша усы,
Качает внука на коленке...
Ах, счастья детского часы -
Неповторимо безмятежны!
И всё как будто бы вчера.
Коснусь усов колючих нежно,
Тайком.
Пожалуй, мне пора...
А дед, внучка схватив в охапку,
Прижал, усами щекоча.
И я, в порыве сдёрнув шапку,
Проснулся.
Ночь.
Луны свеча...

Я однажды уже умирал...

Я однажды уже умирал
В сорок три
Безвозвратно,
Фатально.
И останется, видимо, тайной -
Почему меня
Чёрт
Не забрал...

Почему, всем смертям вопреки,
Я воскрес
В безнадёге
Больничной,
Побывав самозванно и лично
У хароновой
Мёртвой
Реки.

Возвращалась по капельке жизнь
Покатетерно
И подключично.
Потолок белизны необычной
Кинолентой
Крутил
Миражи.

Обновлённую плоть взволновал
Санитарки
Короткий
Халатик...
Я в постылой больничной палате
Вкус желаний
Былых
Познавал.

От уверенных рук медсестры
Исходило тепло.
И реальность
Возвращалась, тесня инфернальность
За предел,
В забытьё,
За костры.

Отогрелась бродяга-душа,
И под сердцем
Растаяли
Льдинки.
Был апрель. Залетали дождинки
В приоткрытые
Окна,
Шурша...

Осенний сплин

Есть лист сухой, горит как порох –
Лишь только спичку поднеси,
И жаркой топкой вспыхнет ворох,
И отразится этот всполох
Аж где-то там, на небеси...

Деревья в парке пахнут мёдом
И терпкой горечью утрат.
А под печальным небосводом
Кружат прощальным хороводом
Две стаи птичьи, и кричат,

Кричат, зовут меня сорваться
С креста, на коем я распят...
Зовут крылатые собратья,
Встать на крыло. Но плен распятья
Сильней их зова во сто крат!

А крест – семья, дела, квартира,
Где нет тепла который год...
Осенний сплин царит над миром.
И липнут листья старым сыром
К подошвам.
Вот, так бутерброд...

Александр Белугин. Демон Шакти, 2013,
холст, масло, 62 x 65 см

Кузнец

Святы в кузне «три руки»*,
Бьют с оттягом молотки:
«Динь - динь - дан», да «динь – динь –
дан»...
Дар сварожий свыше дан.
Фартук с парой рукавиц,
Бликов пляс на коже лиц.
От хвороб кузнец заклят:
Жар и холод закалят.
«Бом – бом – так», да «бом – бом – так»...
Крепко сбит, широк верстак.
Всё что нужно – под рукой.
Подмастерью не легко:
Гонят воздух в горн меха –
Отвернись-ка от греха,
От малиновых углей
Искры влёт, коль пламя злей.
Крепок жар да солон пот,
Чужакам заказан вход:
Кузня – храм, священ огонь!
Выйди к ветру, охолонь.
Тяжко кровь стучит в висках,
А в глазах сквозит тоска.
В сердце - словно сталь ножа...
Не покрыла душу ржа.
Не заказ кузнец ковал –
Два цветка с огня сорвал.
Долог век железных роз,
Крепче сталь от соли слёз.
На погост пошёл кузнец –
Маме нёс цветы отец**...

* У многих народов священными являются
важнейшие инструменты, используемые в кузне.
Это - наковальня, клещи и молот. Они именуются
«три руки».

** «Маме нёс цветы отец...» - так было на самом
деле...

Я хотел бы вернуться...

Я хотел бы вернуться из небытия,
 Что для жизни - извечный финал, к сожаленью.
 Тело бренное будет подвергнуто тленью
 Либо пеплом в печи, как простые поленья,
 Опадёт.
 Но душа не исчезнет моя!

Я хотел бы увидеть друзей и детей:
 Как живётся им там, в суете и заботах?
 Вдосталь хлеба и денег, и есть ли работа,
 Не остался забытым иль брошенным кто-то?..
 В иномирье, увы, не приходит вестей.

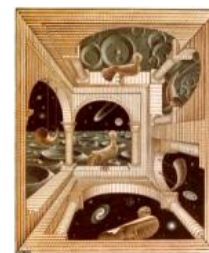
Я хотел бы любимой коснуться рукой,
 Заглянуть ей в глаза, поиграть волосами,
 И на замки взглянуть, те, что строили сами.
 Как измерить утрату, какими весами?
 Жаль, что годы текут безвозвратно рекой!

Я хотел бы узнать, есть ли мир на Земле,
 И жива ли она – колыбель человечья?
 Мы конечно не боги, мы смертны, не вечны.
 И минуты, и годы мы тратим беспечно,
 Всеми силами тщась удержаться в седле.

Я хотел бы, хотел...
 А пока - я живу!
 Пусть от мыслей порою и веет печалью,
 Я не чувствую прожитых лет за плечами,
 Только крылья, что так мне мешали вначале...
 И траву под ногами, живую траву.

ПОЭЗИЯ

Александр Граков (Лекса) (Краснодар)

Ирония

Свечи, стол, бутылка «Плиски»,
Незаметно, по-английски
В ночь стекают сумерки с окна,
На часах – без встречи Вечность,
Ожиданья бесконечность,
В доме только я и тишина.

За окошком шепчет вечер:
- Время лечит...
Нет, не лечит!
Если друга нет и я одна.
Сиротливо стынет ужин...
Видно, ты кому-то нужен
Более, чем я тебе нужна.

На стене размытый профиль,
Знать, фотограф был не профи –
Щелкнул эфемерную мечту.
Ведь душа моя, как птица,
К теплоте всегда стремится,
А встречает злую пустоту.

Боже, пусть хотя бы сниться:
Тихо скрипнет половица,
Друг войдет и...
Все старо, как мир:
На щеке немой досадой
Легкий след губной помады –
Чей-то мимолетный сувенир.

И с порога лейтмотивом:
- Извини, корпоративы...
Только что мне до каких-то слов:
- Поцелуй меня!
И ужин
Нам нисколько не нужен...
И плевать, где стрелки у часов.

На двоих одно признание
Я твержу, как заклинание:
- Нет, тебя из сна не отпущу.
Будь всегда со мною рядом.
...А карминный след помады
Я прощу.
Поплачу и прощу...

Ваше величество Осень

Осень вновь – позолота в бархате,
Из рябинности кисея...
Я шепну ей чуть слышно: - Здравствуйте!
Вы не помните? Это я...

В зарифмованном слов количестве,
Как гербарием в дневнике,
Ваше Красочное Величество -
Наваждением в любой строке.

Беспорядочный смысл каракулей:
Парк... аллея... чего-то ждём...
Мы ведь обе тогда заплакали,
Я – о прошлом... а вы дождём.

У меня не сошлось в свидании...
Ваше время – в календаре.
И конечно же, ожидание,
И прощание - в декабре...

Вы, Величество, снова в бархате,
Да и я – повзрослевшая.
Что?
Вы Новая Осень?
Ну, здравствуйте!
Познакомимся?
Это – я!

Телефонный звонок

Зайдёте в гости? Буду очень рад.
Моя квартира, правильно, не офис,
Но мне презентовали аппарат,
Который для двоих готовит кофе-с.

И что с того, что веских нет причин?
Есть капучино, мокко и робуста,
И, как у всех породистых мужчин,
Любви неиссякаемые чувства.

Ну что вы! Я совсем не то хотел -
Без всяких пошлых жизненных намеков,
У чувств – любых – имеется предел,
Пусть даже подогретый славным мокко.

Ни слова вы... и я о *том* – молчок!
Тем более по сексу всё ж не профи.
Лишь бра, камин, французский коньячок...
Что - кофе?
В перерывах можно кофе.

Любовнику

Сумасшедшей силы ветер, разметав по се ля ви,
Перепутал все на свете постулаты о любви.
Мне бросаешь среди ночи: - Будь здорова! – невзначай.
Я в ответ, промежду прочим: - Будь здоров! - тебе «на чай».
Нет, ты не был груб и резок. Но уже порос быльём
Тот запутанный отрезок с перекомканным бельём,
Под лоскутным одеялом, где фальшив финальный стон,
А любовь – минутным налом, без кредита на потом.
Торопливый путь к рассвету... где-то в нём твоя семья,
А моя квартира, это – одиночество и я,
Да ещё букет ажурный – случки низменной холуй,
Не вписавшийся в дежурный не прощальный поцелуй...
Уходи!
Больнее сабли бьёт сознание плеча,
Что опять на те же грабли наступила сгоряча,
Всё копила чувства – бездну (только с принцем не судьба) –
Раздала их безвозмездно, как Христос раздал хлеба.
Только, знаешь, я свободна! Без оглядок на потом,
А вот ты, с букетом-сводней, драным мартовским котом
Припадая, как к причастью –
первый тать среди воров,
ты крадёшь... своё же счастье...
Я здорова!
Ты – здоров?

Голуби

Ко мне сегодня за окно не прилетели голуби,
Голубка и её, видать, супруг.
Всё потому, что выходной - я где-то там, за городом.
С коллегами пикник, спонтанный, то есть всё из первых рук.

Я не успел сыпнуть зерна в кормушку за фрамугою.
Меня звала весёлая толпа.
Там за спиной подъезд, стена и лавка со старухой...
Кого она ждала с пакетиком «Перловая крупа»?

А поздно ночью выпал снег на город и озимые,
И утро вновь – к десятке туз бубей!
Снаружи смех. Там звездный мех пал на деревья инеем...
Но за моим окном нет пары белокрылых голубей.

Полураздет – как бог подаст, бегу в зарю морозную.
Скамья. Крупа вокруг рассыпана.
И капельки замёрзшие, сквозь наст - цветами, розово.
Любовь к еде слепа.
У бабки – запах супа из окна.

... Не прилетели голуби.

Я слышал

Промелькнувшая мысль –
Молний отблеск вдали,
Как еще не пришедшее завтра.
А затем, в потемневшее небо, внезапно –
Журавли,
К горизонту и ввысь...

Не дождя полоса
И не колокола –
Звоном струн городского фонтана
В детство память меня, совершенно спонтанно,
Позвала
Вдруг на все голоса.

....Тот же день – красота!
Без дождя и забот,
Перед летним кафе - на полвека моложе,
Босиком я стою... вдруг морозом по коже,
Тот фагот
И мелодия та.

Как началом начал:
Кудри, фрак и пенал...
Мой ровесник мелодию дарит прохожим.
Онемев, я вникал в этот мир непохожий.
Я не знал...
Так Чайковский звучал*.

* Шестая симфония П. И. Чайковского для фагота (соло).

Я приеду

Я на нём ни разу не был, маяком издалика –
Опрокинутое небо между замков из песка,
Где с бескрайней водной гладью и сегодня, как вчера,
Вечно штормами не ладят переменные ветра...

Где монетки слёз прощальных под причалами на дне,
На закате солнце – шаром в раскалённой пятерне,
Горизонт в туманной ломке – пластилиновой чертой,
Пляж, Снегурочка в шезлонге – нерастающей мечтой,
А вокруг кариатиды, под одеждами и без,
А в пучине – Атлантида как хранилище чудес.

Но не в поисках сокровищ... мне сбежать бы в этот рай
От бензиновых чудовищ, технологий через край,
Ипотеки, всяких санкций, автопробок и забот,
От недельных промоакций в ожидании суббот.

За красотами магнолий – ароматный моря приз,
Лаской волн, песком в ладонях,
А в окошко – летний бриз.
За прилипчивым загаром, за идиллией простой.
Мне сокровища – и даром...
Я приеду за мечтой.

...Оттолкнуться бы, забыться да в мечту свою нырнуть,
Только как от дел отбиться –
Жду девятую волну.

Падает небо

...Всё так же небо падало на Землю расплывшимся синдромом мокроты,
А под раскисшей хлябью Черноземья тоннели –
К свету
Строили
Кроты.

Оставь толпе надежду приключений,
Мздоимство, зависть, скупость и галдёж,
Во тьме сплошных пустых нравоучений
Ты истины, уверен, не найдёшь.

Минуты у любви хитрее стервы,
А заповедь Истории проста:

Московский BAZAR, № 1 (15) 2015 г.

Никто не видел плачущей Минервы,
А я не зрел распятого Христа.

Мы въём на платья памятникам гарус –
Словами клятвы вечной говорим,
Когда б на бриг повесить алый парус,
Как это сотворил бродяга Грин...

Нет в современной карте Зурбагана,
Давненько размагнитилась буссоль,
Но, зренье гробя в дымке океана,
Всё так же жаждет принца пра-Ассоль,
Да совесть – полновесная монета
Разменяна на рыльца пяточков,
А все мы ухитряемся на это
Смотреть сквозь стёкла розовых очков...

И лишь поэт, прозрев, рулит по встрече,
Вложив местоименья между строк,
Не слыша, как на дальней Чёрной речке
Хрустит в столетья взведенный курок.

...И снова небо падает на землю всё в тот же мутно-серый окоём,
А мы, никак Истории не внемля, друг другу –
Совесть
Оптом
Продаём.

Александр Белугин. На окраине города, 2001, холст, масло, 80 х 100 см

Памяти В. Высоцкого

Не стелюсь под года –
Я не верю в дурные приметы,
И за это кликуши
Мне когда-то вердикт огласят...
Почему же тогда
Так любимые нами поэты
Отдают Богу души,
Не пройдя Рубикон – пятьдесят?

Злые лица врагов
Мельтешат в отношении скотском,
Не пришёлся Есенин,
Да и Пушкин стал не ко двору.
Сколько ж ада кругов
Испытала Судьба на Высоцком,
Чтоб рассветы над Сеной
Стали «Утром в сосновом бору»?

Он всё пел, с хрипотцой,
Ритмо-пульсом частила гитара...
Заглушаемый лаем
Попсовитых эрзац-королей.
Мчались кони рысцой
По дороге, ведущей к Тартару,
Ведь его место в рае
Кто-то перекупил на Земле.

...День рожденья и смерть –
Обе цифры - в воронку бессмертья,
Красно-чёрною датой
Роковое число – двадцать пять.
Мне не хочется верить!
Не по совести это, ребята:
Им бы мчать сквозь столетья,
Нам бы слышать,
Как кони хрипят...

Реквием

То не дождь
многопочиём
шарит по рамам,
И не шёпот-капель
протекающих крыш –
Плачет девочка...
девушка...
женщина...
мама...

Наклонясь над кроваткой,
в которой – малыш.

То не рёв
штормового
безумного моря
и не грохот катящихся
с гор валунов –
вертолетный косяк
в бирюзовом просторе
из Афгана уносит
тела пацанов.

Им не строить
уже
дерзких жизненных
планов.

И не петь
у костров
по своим лагерям –
Мчит смертельным
букетом
из «чёрных тюльпанов»
от войны подношение
их матерям...

То не ливни секут
по домам и сараям.
Не венки на погостах -
в душе, как стерня...
Это Родина-мать, сыновей поминая,
вновь готовит повестки со штампом
«Чечня»!

Ветераны

Сколько вас полегло на кровавом ристалище брани,
Не успев додружить,
Долюбить
И дожить...
Умных книг до изнанки прочесть.

Ветераны войны...
Дорогие мои ветераны,
Этот праздничный тост -
В вашу честь!

Отбесились ветра и запутались в соснах метели,
А весна
Разрывными слезами мне - очередь снов,
Будто вновь –
Перекур прерывает война...
Не сегодня – давно. Мы её никогда не хотели,
А она, не спросив, постучалась повесткой в окно.

Сорок пять, шестьдесят... и ещё хоть немножечко дальше,
Первомай!
Унеси мою память назад,
Где глаза:
Убиенных глядятся в бескрай
А в живых - только месть за сожжённую молодость нашу,
За пропавших друзей, Бабий Яр и «Освенцима» ад.

Мне б Серёгу найти, другана по фамилии Клюев,
В тот канун
Первомайского марша Побед,
Что от бед,
Слёз и горя избавил страну...
- Будем живы, браток - значит точно еще повоюем,-
Повторял мне Сергей под креплённый, из фляги, глоток.

... Тонкой желтой свечой тает век, не помянутый всеу,
На столе –
Память дат под краюхой ржаной...
А динамик дверной
Словно пуля в стволе:
- Открывай, рядовой, мы с тобою ещё повоюем!-
Открываю – Сергей. Поседевший.
Живой...

ГОРОДСКОЙ АЛЬБОМ

Виктор Готов

(Санкт-Петербург)

МОЯ ФОНТАНКА

1.

Наб. реки Фонтанки, д.д. 125-131. Фото 2008⁹.

«Я Витя Готов, живу: Фонтанка, дом 129, квартира 37». Здесь я родился.

Адрес надлежало заучить с малолетства и отчетливо выговаривать именно в данной редакции на случай, если вдруг потеряюсь. В детском саду этот элемент ОБЖ образца 50-х отрабатывался до совершенства. Пригодилось лишь однажды.

Мне три года. Юсуповский сад. Здоровенная тетка-дворник в белом фартуке, туго надувая пунцовые щеки, истерически свистит в похожий на железную улитку свисток. Ей вторят свистки милицейские. Суета и бурное движение тел. Дядьки в красных

нарукавных повязках, затянутый в португальскую мундире. Его фуражка, вихляя, катится по аллее. Фетровая шляпа дяди Бори пляшет в волнах пруда. Волнует пруд сам дядя Боря, в попытках выбраться на берег. Он в распахнутом пальто, при костюме и галстучке. Лысый. Из рукавов ручьями льет зеленая вода.

Дядя Боря наш сосед и инженер. Уважаемый, спокойный мужчина. В пруд его уронили во время драки, которую он пытался предотвратить.

Рычание отца: «Вы, ..., меня, боевого офицера...» Милиционер и три-четыре штатских под нестихающий дворничий свист крутят ему руки. Не сразу, но у них получилось.

Отца и дядю Борю уводят в толпе. Становится тихо.

Остаемся лишь я и тетка-дворник. Моя голова едва выше ее колена. На прозвучавшее чуть не с небес «Где живешь, адрес?», тихо, но внятно произношу на всю жизнь отчеканенные в память слова: «Я Витя Готов, живу...» и т. д. Совсем как пароль и отзыв у наших героев пограничников. Фильм о них нам в садике показывают раз в неделю на прикрепленной к стене

⁹ <http://history.gradpetra.net/naberejnaya/18/4240-129.html>

простыне. Гаснет верхний свет, и на пирамиду из детского стола и здоровенных, масляной краской крашенных фанерных кубиков водружается волшебный одноглазый аппарат – фильмоскоп. Воспитательница медленно крутит черное колесико сбоку аппарата, поштучно перемещая тусклые кадры пленки и выразительно читая вслух относящиеся к меняющимся на простыне изображениям титры. Мы, сидя гурьбой на крохотных белых стульчиках, затаив дыхание и задрав головенки вверх, внимаем ее словам, вбирая через них понятия Родины, долга и героизма.

Отец не ведал забот детсада. Он из семьи сибирского охотника и ссыльной полячки. В его тайге и адреса-то путного не было. Оттуда был призван и прошел войну до Берлина. Остался в армии. Учился в институте военных переводчиков в Москве. И капитаном, вместе с парой миллионов еще таких же бывалых, выдавших всякое мужиков, по сокращению вооруженных сил ввергнут был все той же Родиной в безработицу и абсолютную нищету.

Ни детство, ни война, ни армия, ни военный институт, ни Хрущев не привили ему специального уважения к милиционерам, дружинникам и дворникам. Он их от прочего люда никак не отделял. Ни по форме, ни по содержанию деятельности. Хотя нет, род их деятельности ему, скажем так, не импонировал.

Услышав в 1975-м, что по окончании вуза я распределен на работу в МВД, он покривился и резко заявил, что дело это ему не по нутру. Позднее, уже по ходу службы, мне приходилось в чем-то с ним по этой части соглашаться.

А тогда батя с дядей Борей, имея меня, мелкого, в поводу на гулянии, тихо праздновали у пруда счастливое отцовское трудоустройство преподавателем на кафедру иностранных языков. Куда и должно ему было явиться утром следующего дня. До того же подвизался он на случайных заработках. В основном грузчиком. Летом еще и лыко в лесах с деревенскими мужиками заготавливал. Жили перебиваясь с хлеба на воду.

В те годы никто за трезвый образ жизни ретиво не боролся. Репрессий такой направленности в местах массового отдыха трудящихся не планировали и не проводили.

Вот и расположились мужики в тених Юсуповского сообразно погоде и поводу.

Дворник привела меня домой согласно полученному от меня отзыву. Мать сокрушенно приняла. Уточнила, куда увели отца. Тотчас сдала меня на руки соседкам и побежала на Садовую. Во 2-е отделение милиции. Благо рядом.

Потом, уже взрослому, рассказала мне, что начальник отделения оказался мужчиной правильным и с понятием. Принимать отца на 15 суток не стал. За мордобой укорил. Выписал фронтовику посильный штраф.

Повернись иначе – не бывать бы отцу ни преподавателем, ни заведующим кафедрой, ни потом экспертом в ООН.

Узнал я, повзрослев, и нелепую причину того запавшего в детскую память скандала, что мог изменить всю жизнь отца, мою и матери.

Пока отец с соседом тихо ликовали на скамье в аллее под нехитрую снедь, разложенную на газете, кто-то расколол в местном туалете что-то фаянсовое.

Дворник обязан бдеть и не допускать. Что и исполнилось в меру доступного разума и возможностей. За неимением иного та тетка-дворник решила вменить крамолу первым подвернувшимся ей территориально близким. Тем более мужчинам выпивающим. С чего, собственно, все и пошло. Свист, активисты, милиция, драка.

Дворники тех лет – это была каста. И случались среди них люди разные. В том числе и необыкновенно добрые.

2. Двор и дворники

Двор наш большой. По детским представлениям – практически бескрайний. Это не просто ограниченное стенами пространство типичного питерского «колодца», лишенное солнца, травы и деревьев. Это целый мир, образованный высокими, остро пахнущими древесными грибами поленницами, холодными гулками парадными, темными бесконечными лабиринтами полузатопленных подвалов, чердаками и сараями с разнообразнейшим, притягательным для детского глаза содержимым, ржавыми, громящими под ногами крышами, задним двором, или «помойкой», как все его именовали, что на месте бывшей конюшни, и всегда открытой домовой прачечной с громадными деревянными корытами для стирки и множеством кранов, где в любой час можно набрать воды попить, помыться или просто кого-то облить забавы ради.

Об асфальте нет и речи. Простая, черная, утоптанная земля. Местами с включениями случайных камней. Где угодно можно кривовато расчертить круг и устроить игру «в ножички». Да и откуда быть асфальту, если еще сама набережная Фонтанки булыжная, как и мостовые Большой Подъяческой, Никольского переулка.

Теплоцентр за висячим замком, куда, однако, можно проникнуть в неприкрытую обычно форточку, протолкнув туда, предварительно сняв пальто, самого мелкого из нас за жгущим руки пахучим карбидом, которого там целая бочка. Карбид – это богатство. Почти местная валюта. Дороже только капсулы и порох. Мы обожаем огонь и громкие звуки. Оттого жжем и взрываем все, что только можем.

При сильных спадах воды в Фонтанке бежим на спуск и из донного песка под парапетом, словно червей для рыбалки, копаем патроны. После войны, как наступили строгости с оружием, многие ленились его сдавать и просто бросали в реку. Туда же и патроны. Их было много. А вот оружие досталось нам лишь дважды – здоровенный американский кольт с желтоватой костяной рукояткой и еще какой-то неизвестной марки пистолет. Очевидно, редкость последних - лишь

из-за того, что бросали те трофеи бывшие обладатели и подальше, и поглубже. Что, в конце концов, сделал и мой отец, обнаружив и отобрав у нас от греха подальше тот самый кольт. Нам же в возмещение утраты вручен был барабан и ось-шомпол того прекрасного револьвера. При наступлении осложнений с пиротехникой организуется концерт сводного дворового ансамбля ударных инструментов. В качестве последних выступает все, что может звучать из найденного на помойке и добытого на чердаках и в сараях. Дырявый барабан, щербатый старый таз и мандолина без колков здесь равнозначны в применении, силе и нюансах звучания.

В роли ведущей ударной установки — опрокинутая на бок газовая плита с распахнутой духовкой. На крышку духовки водружаются настоящие ноты неизвестного классического произведения, щедро выброшенные нам из окна Маринкой. Ее родители «водят на музыку». Мы дружим с ней, но играть вместе доводится нечасто.

Концерт не долгов. Он прерывается жильцами. Особую весомость музыкальной критике придают мужские брючные ремни, привычно высвобождаемые по ходу приближения их владельцев к исполнителям.

Но чаще, чтобы не сказать всегда, порядок здесь наводит дворник.

У нас их двое. Тетя Маруся и дядя Ваня. Оба – очень спокойные, несуетные. Они не строгие. Но мы их слушаемся. В основном. Потому, что они – старшие. И еще понимаем, что за ними именно та простая, житейская, пусть нам не нужная, но правда, что принимается без обид и разумно сдерживает нашу хулиганскую сущность. Хотя и любим иной раз подразнить их неподчинением. Почетно было быть преследуемым, но счастливо избежать поимки и расправы, ускользнув сквозь узкую щель в дощатой стене сарая или метнувшись в верха шаткой дровяной поленницы, куда ни один нормальный взрослый карабкаться за тобой не станет.

Кстати, никакой расправы ни дядя Ваня, ни тетя Маруся сами над нами никогда и не чинили. Если кому и случалось быть пойманным за очевидные безобразия, провинившихся отдавали в порку непосредственно домочадцам с перечислением оснований к экзекуции.

Больше того, дворники, весь день радея о чистоте и порядке, по просьбам родителей наших, а то и вовсе без особых просьб, всегда присматривали за детворой, по тем временам свободно выпускаемой во двор на вольный выгул.

Мой брат младше меня на три с половиной года. Когда отец привез мать из роддома, я метался по двору со сверстниками и узнал об этом от тети Маруси. Помню, как запрокинув голову, ору, обратившись к нашему окну: «Ма, кого купили?!» Мать - через форточку - мне отвечает: «Мальчика».

Тогда общение детей с родителями, да и между собой, с голоса, через окна и форточки было совершенно обычным делом. Постоянно слышалось «Валера (Юра, Слава, и т.д.), домой. Домой, кому сказала! А то ремня дам!» или хоровое снизу вверх «Юрка, вы-хо-ди!» И то сказать, покричать куда как легче, чем на пятый этаж старого фонда без лифта сбегать. О мобильниках тогда и в фантастических романах еще только грезить начали. Так что функции средств коммуникации и контроля в большой мере принимали на себя выходящие во двор окна.

Кстати, окно комнаты тети Маруси приходилось аккурат вровень с раскатанным ледовым языком катальной горки. Ту горку нам каждую зиму строили плотники из ЖЭКа, который в те времена именовался ЖАКТОМ. Раза три в сезон кто-то, растопырив ноги да так и не затормозив, въезжал к тете Марусе на фанерке или санках, подчас пробивая сразу обе рамы. Стекла каждый раз вставлял дядя Ваня. Он умел делать все. У него был ящик с инструментом, стекла и замазка, которую мы воровали, пробовали жевать, использовали вместо пластилина и порой вдавливали в замочные скважины дверей наших взрослых недоброжелателей. Родители причинителей стекольного ущерба платили дяде Ване небольшие деньги, и тот привычно и быстро приводил все в порядок.

В те годы деньги и окна связывала и еще одна особенность.

Во двор нет-нет да и забредали военные калеки. На костылях, низеньких деревянных тележках, колесами которым служили подшипники. Кто-то с гармонью, аккордеоном. Кто-то безо всего. Играли и пели как могли. Просили помощи. Взрослые, завидев инвалидов, отправляли нас вниз, во двор, передать мелкие деньги и самую простую еду. Но чаще, собрав и плотно завернув в клочок газеты медные монетки, чтобы те не рассыпались, бросали их прямо в окна. Иногда, если несли одежду, взрослые спускались и сами. Но это редко. С гражданской одеждой было плохо.

Мужикам износившиеся пиджаки перелицовывали. Изнаночная их часть становилась лицевой и таким путем обретала вид новой. Обманчивость новизны выдавал нагрудный

карман, что по ходу «обновления» перекачывал на правую сторону. Пальто после войны еще долго покупали в кредит. Ну а шуба в нашем дворе тогда могла быть только довоенной.

На ночь ворота во двор запирались. Попастъ внутрь можно было лишь вызвав специальным звонком дворника. Тот, заспанный, выходил и открывал своим, за что и получал всегда небогатые чаевые. Ночью чужому в дом не попасть, если только его там не ждали. Да и днем, завидев незнакомца, дворники дотошно выясняли кто он, зачем и к кому идет. При сомнении – требовали документы и, если в том была нужда, действовали сами, прибегали к помощи мужчин – жильцов, а то и «квартильного», как именовался участковый.

Фото Витольда Муратова. Фонтанка, 1990

Нас не пугали педофилами. Да и слова такого в обиходе не было. Но вырастающих в условиях двора предостерегали о наличии злодеев и разумном недоверии незнакомцам, при этом более полагаясь не так на восприятие мелюзгой увещеваний, как на присмотр и заботу соседей и, конечно же, тети Маруси и дяди Вани, что всегда рядом.

Покормить соседского ребенка вместе со своим, в обещанное сыну выездное гуляние в ЦПКиО отправиться с гурьбой его друзей или прихватить соседского мальчишку-безотцовщину на субботнюю помывку в Усачевские бани было делом обыденным.

Оттого с малолетства и был двор нашей безопасной, считай, домашней территорией, продолжением коммунальной квартиры, где все давно и прочно друг друга знают, готовы поделиться и помочь, устроить общий праздник, но иногда и поссориться.

Коммунальная квартира, или коммуналка. Сам дух ее и те особенные отношения, что слагались меж поселенцами, есть одна из величайших особенностей даже не быта, а самой сути жизни ушедшего СССР. Об этом тоже не скажешь вскользь. Потому, что именно коммуналка в огромной мере формировала мироощущение тех, кому там довелось родиться и вырасти. Попробую подробнее рассказать об этой стороне малоизвестной теперь жизни. Хотя о коммуналке давно, много и порой замечательно уже написано. Но написано, в основном, по восприятию людей взрослых и оттого, по большей части, негативному. Детский же взгляд имеет ряд особенностей, превращающих очевидные материальные недостатки явления в восхитительные для ребенка достоинства, не поддающиеся меркантильной оценке.

3. Коммуналка

Среди дворовой нашей братии выходцев из отдельных квартир не было. Да и квартир таких мы знали только две.

В одной, о шести окнах, выходящих на Фонтанку, жил композитор Соловьев-Седой. самого советского композитора увидеть нам так и не довелось. Очевидно, потому, что вход в его подъезд был не со двора, а с Фонтанки. Зато его торжественно-черный ЗИМ — предел амбиций номенклатурного автомобилестроения, что частенько стоял на набережной, был предметом нашего восторга. Нами исследованы были - насколько возможно извне - все подробности великолепия этого недоступного, как самолет, изделия. Иных машин тогда с ним не соседствовало. По причине почти полного их отсутствия в частном владении.

В другой отдельной квартире, но куда как меньше, проще и с окнами во двор, жила всеми любимая собака по кличке Дарда. Рыжая, доброжелательная и очень темпераментная боксерша. Хозяева нам позволяли ее выгуливать. Гордо вести большую, сильную Дарду на поводке, как свою собственную собаку, любимицу и защитницу, под завистливые взгляды мальчишек соседних кварталов почиталось за радость.

Именно возможность завести «настоящую собаку» - лучше всего, конечно, немецкую овчарку - вот что, на наш взгляд, радикально отличало тогда квартиру отдельную от коммунальной. Иные различия не представлялись принципиальными. Все потому, что иметь своих собак мы не могли. Не позволяли «Правила социалистического общежития». Даже не столько его правила, как сама скудость допускаемых им возможностей. И то сказать, какая собака в квартире, где живут пять-шесть семей, среди которых всегда есть как сторонники, так и противники братьев наших меньших. Максимум, на что мы могли рассчитывать, так это на общего коммунального кота, с которым многие взрослые просто вынуждены мириться как с неизбежностью. Хотя бы потому, что в доме водятся крысы.

О благотворном влиянии животного на воспитание ребенка особенно не беспокоились. Других забот хватало. Коты и дети и так соседствовали не только в домашнем обиходе, но и во дворе, где гуляли на равных правах.

Кличка и квартирная принадлежность всякого кота была известна. Преимущественно то были Барсики или Мурки. Наш Барсик был толст, полосат и проказлив, за что, случалось, ему и попадало от квартирантов. Сырой котлетный фарш, треску и прочие продукты, что хранились на кухне в прохладе между рамами, он со всей очевидностью предпочитал крысам. Оттого непримиримую борьбу с последними вести приходилось мне и соседу — однокласснику Славке.

В тупике коридора, в углу, где смыкаются плинтусы, крыса прогрызла вход в нору. Мы выживали ее, хитро оснащая края входа особым, опасным для крысы образом острыми гвоздями и проталкивая внутрь куски битого стекла. Крысе все было нипочем. Периодически ее, вполне беспечную и невинную, видел кто-нибудь из жильцов, о чем потом рассказывал остальным на кухне. На ухищрения к ее поимке крыса не велась и в какой-то момент просто ушла сама. Победу над ней мы со Славкой официально оставили за собой.

Коридор нашей квартиры, если смотреть на него вдоль (а поперек там и смотреть-то было не на что), походил на убегающие вдаль железнодорожные рельсы, сходясь темно-зелеными стенами и линиями коричневых половых досок едва ли не в точку в приближенном к горизонту конце. По нему можно было гонять на трехколесных велосипедах, пинать мяч в оба конца. В нем хорошо было стрелять из лука на дальность, пока стрела не угодит в живот кому-нибудь из взрослых, неосмотрительно шагнувших из комнаты с кастрюлей щей в руках.

Под потолком коридора - у каждой семьи свои - обустроены рукотворные антресоли, глубины которых прикрывают разномастные ситцевые занавески. В их недрах до снега хранятся наши валенки, коньки, санки, елочные игрушки и еще много иного добра, до поры прибранного туда взрослыми из соображений тесноты жилища.

Едва только присыплет первым снегом двор, мы со Славкой канючим свои санки. Родители противятся. Мол, не зима и завтра все растает, а ваши санки опять наверх заталкивать - возня одна...

На общей кухне мужики сообща курили. Здесь обсуждали новости.

В выходной, а был он тогда один в неделе, напив и наколов дров под окном во дворе, взопревшие мужчины поднимались наверх и, фыркая, ополоснувшись до пояса под единственным медным краном, рассаживались здесь же на кухне по массивным выщербленным табуретам, не торопясь выпивали и степенно беседовали. Соседки тут же, на

пяти столах, готовили что-нибудь вкусное, и нам, малышне, всегда перепало от каждого попробовать.

В прихожей у громадного общественного сундука, служившего всем по мере надобности еще и верстаком, частенько располагался дядя Зося – Захар Семенович, самый умелый мужик в квартире, слесарь шестого разряда, и чинил себе и соседям обувь. Зажав меж колен сапожную лапу и набрав в рот мелких дубовых гвоздиков, подбивал каблук и подошвы. Ставил набойки. Точил нам со Славкой коньки.

По праздникам вскладчину устраивались общие застолья. А когда моей тетке дали участок в поселке Грузино и выстроился там домишко, выезжали туда всей квартирой на Новый год.

Теснота обитания приводила к единственно верной мысли о необходимости дружного сосуществования и взаимопомощи. Что, собственно, и преобладало в отношениях. Меня, например, родители могли запросто передать на временное попечение Славкиной родни, и наоборот. Могли и вовсе уехать в отпуск на пару недель, оставив под присмотром дяди Зоси и его жены.

Но порой идиллия рушилась. Случалось, в дни получки пьяный дядя Зося, потрясая сапожной лапой и здоровенным кулаком, мог начать требовать справедливости. Безадресно и грозно. Не выбирая выражений и без оглядки на упрёки и общие безуспешные попытки его как-либо усмирить. На глянцевої стене прихожей осталась от буйства его вмятина, продолженная длинной, извилистой трещиной, какие бывают при землетрясениях. Мы со Славкой демонстрировали ее сверстникам, когда заходил спор о том, кто во дворе всех сильнее.

Бывали незначительные разногласия на предмет продолжительности и качества поочередной коммунальной уборки. Но они как-то быстро и просто разрешались на кухне общим мнением.

Из запомнившихся коммунальных вердиктов – единогласное решение о необходимости порки моего младшего брата. Тот, уклучив редкую минуту одиночества на кухне, тренировался в отстреливании от коробка зажженных спичек, подражая мальчишкам постарше, и угодил одной из них в ажурную бумажную скатерку, традиционно для тех лет покрывавшую кухонную полку. Бумага загорелась. Братишка, осознав беду и неспособность ей противиться, шмыгнул в испуге в туалет, где заперся и затих.

Была та полка над столом рукодельного Захара, и потому, помимо растительного масла, уксуса и соли, стояла там еще и бутылка с ацетоном.

Все чудом обошлось. А может, и не чудом, когда в квартире проживает одновременно шестнадцать человек. Гасил пожар все тот же крутой дядя Зося.

Приговор пятилетнему лиходею не оспаривался и был им принят с мужеством неизбежности.

Я любил и сейчас люблю в своей памяти эту квартиру и ее людей. Спустя много лет, когда родители наконец смогли перебраться в ЖСК, я еще долго приезжал сюда к друзьям, оставался ночевать у соседей, а соседи приезжали отмечать праздники к нам, на новое место.

4. Собственно река

В те годы Фонтанка именно как река нами не воспринималась. Совсем. Не помню случая, чтобы хоть кто-то из нас назвал ее речкой. Для городского мальчишки река – понятие почти пасторальное, подразумевающее деревенскую тишь живой, со стрекозами и прочей живностью воды в обрамлении зеленых ландшафтов. Воды, пригодной уж если не для питья, так для купания.

Во всем Ленинграде такой реки не было, да и быть не могло. Было иное. Заведенные в грязно-серый гранит мутные, жирные нефтью стоки большого города служили нам чем угодно, но только не рекой.

Фонтанка давала путь буксирам с тяжелыми ржавыми баржами в поводу и еще многим неприятным в красоте и скорости движения мелким разномастным суденышкам с кургузыми фанерными кабинками. Прикованные цепями к массивным стальным кольцам, вмурованным в гранит, а чаще прямо к чугунной решетке, в тесноте своего множества качались эти кустарные катерки на волнах от более крупных судов, натирая борта о кранцы из старых покрышек.

Типичный клич тех лет: «Айда на Фонтанку, буксир идет!». Едва слышав его, вся мелкая шпана подрывалась со двора и, набивая карманы подвернувшимися по ходу камнями, во весь дух летела на мост. Подхваченные «снаряды» надо было успеть метнуть в проходящую под мостом баржу. «Накрыть» сам буксир обычно не удавалось. Тот уходил из-под обстрела прежде, чем мы выбегали на «позицию». Буксир давал сердитый гудок, густо и черно дымил трубой, которую ему каждый раз приходилось опускать на палубу, наклоняя к корме и проныривая в пролет моста, а матросы грозили нам кулаками. Осознание бессилия их гнева лишь добавляло нам дурной радости.

Наб. реки Фонтанки, д. 129. Общий вид от Измайловского моста. Фото февраль 2011

К слову, каких-то особенных, лирических или интеллектуально возвышающих моментов из ребячьего общения с водой Фонтанки и не припомню.

Радостно было от наводнений, когда вода, затопив набережную, достигала ворот дома, а проходящие мимо полуторки разводили водяные валы, словно торпедные катера. Стоя под аркой, мы в нетерпении ждали этих валов, чтобы, спасаясь от них, вовремя подпрыгнуть и зависнуть, поджав ноги, на решетке ворот. Неловкие отправлялись домой в мокрых штанах и ботинках.

Приятно было вывернуть из мостовой тяжелый, крупный, похожий на бритую голову булыжник. Потому что под ним открывался изумительной чистоты песок цвета яичного желтка. Такого во дворе никогда не было. Ну а сам булыжник, брошенный в воду, вздымал замечательные брызги. Лучше и выше тех брызг были только брызги от громадного ведра с затвердевшим цементом, что усилиями многих рук однажды случилось сбросить с перил.

Мостовая и без наших варварских забав была не в лучшем виде. Ремонт ей делали, но не так часто и тщательно, как она того требовала. Само ее живое существование, колорит и древность прервались унылым асфальтированием.

Мы извлекали из воды под парашютом все, что можно добыть привязанным к веревке магнитом: зажигалки, мелкий слесарный инструмент, ключи к замкам всех видов и иная железная мелочь, оброненная катерниками и просто ротозеями.

Была и еще одна особая затея, состоящая в тралении Фонтанки. Своего рода лотерея. На длинной веревке в непросматриваемую глубину забрасывался и подтягивался к берегу тяжелый крюк. По ходу вынималось все, что зацепится. Чаще – всякая дрянь, что тотчас и отправлялась обратно в воду. Но однажды был извлечен фабричного производства зеленый самокат, вполне пригодный к использованию после соскабливания с него мелких ракушек. Стоил такой в магазине немалых денег. Что-то около пяти рублей. А на дне очутился злой волей дворника. Тот, якобы в великом гневе, зашвырнул самокат в воду, отобрав у мальчишки из соседнего квартала, который, катаясь кое-как, с пренебрежением к дворничьим окрикам и простой осторожности, едва не угодил под грузовик.

По крайней мере, именно эта версия была заявлена в обоснование истребования законно добытого нами имущества нежданно объявившейся группой претендентов из другого двора. Был даже представлен и сам «потерпевший». Доверия и понимания их доводы не вызвали. Потому для надлежащего разрешения спора о праве была назначена и состоялась обусловленная сторонами конфликта коллективная драка на территории соискателя – претендента. Вопрос решился в нашу пользу. Во многом благодаря вовлечению в дело «легионера» Вальки Зимницкого, не из нашего двора. Его участие в драке, по оговоренным условиям, «процессуально не вполне корректно», но он наш одноклассник и главное – единственный, кто ходил в секцию бокса. И мы посчитали возможным закрыть глаза на мелкие формальности.

Предоставляла Фонтанка еще и такую регулярную забаву, как расстрел проплывающих электрических лампочек и бутылок. Лампочки били проволочными пулями из рогаток. В бутылки же надо было попадать камнями до полного утопления вертикально плывущей цели. Этот бесплатный тир был открыт для нас каждый день.

Но, несмотря на прямые бытовые и промышленные сбросы во всей неприглядности их конкретных составляющих, в Фонтанке, как ни странно, и тогда водилась некоторая рыба.

На нашем берегу местами со дна поднималась к поверхности неизвестная нам водяная трава. Ее длинные стебли вяло колыхались течением и являли собой единственную разновидность флоры на всем близлежащем побережье. Никакой иной зелени ни во дворах, ни на улицах не было.

В тех водорослях при известном умении, терпении и настойчивости порой можно было изловить тощего, бледного, неопределенного цвета окуня. Ловиться он не хотел, к каким бы рыбацким хитростям мы ни прибегали. Помню, кто-то из взрослых, видя тщетность наших усилий, со всей серьезностью поведал нам секрет успешной ловли. Мол, надо червя обмакнуть в анисовое масло. Рыба такую насадку вожделеет и чует за версту. В аптеке тотчас за гроши были куплены нашатырно-анисовые капли, поскольку именно масла найти не удалось. Червь, окунаемый в пузырек с этим волшебным эликсиром, моментально окрашивался в молочно-белый цвет и действительно источал такой запах, от которого не в раз удавалось отстраниться. Окунь изыска не заценил, оставшись верен традициям.

Позднее, по просьбе учительницы зоологии, для демонстрации «боковой линии» и прочего анатомического устройства рыб мною в Фонтанке, прямо против дома, на ранней зорьке был изловлен и живьем представлен к обозрению на уроке некий окунь, польстившийся на пионерский значок, приспособленный в качестве блесны. После чего всю четверть на зоологии меня «не вызывали» согласно коммерческой договоренности.

К сожалению, «настоящая рыба» держалась противоположных берегов Ленинского района. Ловить ее там можно было лишь в составе сил, способных к отражению более чем вероятных недружественных акций тамошних хулиганов-сверстников.

На том берегу бойко ловилась уклейка. За раз можно было поймать штук до пяти. А уж начерпать опущенной на веревке металлической сеточкой колюшки – вообще без счета.

Понятно, что рыбу эту никто в пищу употреблять и не помышлял. От нее исходил неизбывный запах нефти, чьи синевато-радужные переливы были заметны по всей поверхности воды, да и соседство рыбешки с иными элементами ареала ее обитания напрочь отвергало любые гастрономические поползновения. Мы, предварительно срезав ножницами острую шипы колюшек, угощали этой рыбой дворовых кошек. Но и те, не избалованные людской заботой, от угощения обычно отказывались.

Часто приходится слышать, что вот в прежние-де времена все было иначе. Небо синее, трава зеленее, деревья выше и воды чище. По счастью, моя Фонтанка как раз не тот случай. Она все больше и больше становится речкой. У Адмиралтейских верфей уже несколько лет как ловят здоровенных лещей, а не астеничных окуньков, вода прозрачна, а плывущий верхами мусор собирается специально отряженными для того мужиками и плавсредствами. И, если верить главе питерского Водоканала, его ведомство наконец уже так преуспело, что в Финском заливе, а значит, вероятно, и в Фонтанке, с этого года уже можно купаться.

Очень хочу верить. Но верю пока не до конца. Пусть еще чуть-чуть убедит. А то живем на море, в окружении многих рек, а в зной – и выкупаться негде.

А. В. Тонкушин. Река Фонтанка, холст, масло

70-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ ПОСВЯЩАЕТСЯ

Евгений Гендельман
(Москва - Израиль)

МОНЕТА ДОСТОИНСТВОМ 10 ЕВРО

Он был высок, подтянут и строг. Или мне так казалось? Крутой и на удивление гладкий лоб, тонкие сжатые губы, большие очки, за которыми прятался недоверчивый взгляд, выдавали его давнее пристрастие к науке. Это подтвердилось позднее, когда я узнал Йозефа поближе. Но с первых же минут вид его внес глухую смуту в мою душу – Йозеф Хендрикс был старым немецким солдатом, воевавшим в России. В момент нашего знакомства ему минуло восемьдесят восемь.

Маленькую кухню, где мы сидели с Йозефом, заливали потоки горячего июльского солнца. Блики его плавали в наших бокалах, приглашая выпить. Но о вине мы давно забыли. Изредка заглядывала хозяйка – Наташа Михалкова: «Как вы? Не устали?»

Йозеф, коверкая русские слова, отмахивался:

- Все карошо. Ми немного каварим.

И задумчиво мне:

- Да, русска зима... Сорок второй. Наш полк год был одно место – у Брянск. Как говорят, «есть топтание»... Я – ранен. Это февраль. Лечение в Германия... раз месяц, два... вот – девять. Затем снова – у Брянск. Уже другой февраль – плен.

Помолчав, вздохнул:

- Россия – не Франция.

Время вдруг сжалось. Меня бросило в сороковой, в Бретань... к скалам Порт-Луи... Сизые суетливые чайки с криком кружили над пенящимся морем. Кто-то расставлял караул... Йозеф или я? Родившийся в сорок восьмом, я ясно видел себя на берегу только что сдавшейся нацистам Франции. Над морем дымкой парило и таяло время. Я заблудился в нем, кружа по воспоминаниям моего собеседника.

«Россия - не Франция». Что Йозеф имел в виду?

Я силился понять его.

И не мог. Опыт моих предков обострял мои эмоции, путал мысли. И... заставлял ненавидеть.

Я представлял свою бабушку Цию, мать отца, идущую сентябрьским утром сорок первого по киевским улицам к Бабьему Яру. И тысячи других евреев с детьми на руках, спешащих под дулами автоматов к призрачным «вагонам» - крутым склонам грязного оврага.

Нет, Йозеф здесь ни при чем. Он был еще во Франции, наслаждался солнцем, молодым вином, свободой победителя. Да и расстреливали в Бабьем Яру не только гитлеровцы, а всякое местное отребье – украинские националисты, уголовники, жаждущие крови новоявленные полицаи.

И все же, все же...

Всегда есть частный герой, рядовой маленький человек, который становится участником исторических событий. События подминают его, прокручивают, стараясь лишить индивидуальности, убивая в нем любые попытки мыслить здраво, зачастую лишая жизни и самого героя. Но вот любопытная деталь – человек вопреки этой исторической мясорубке не желает поддаваться навязанной судьбе: что-то, вначале неведомое, непонятное, рождается в душе его, упрямо сопротивляется обстоятельствам, подталкивает его к осмыслению содеянного, пониманию себя, к переоценке событий.

И все-равно я, слушая Йозефа Хендрикса, долго не решался отбросить навязанный в детстве образ врага. Врага вообще. И врага конкретного – бывшего гитлеровского унтер-офицера.

Чтобы как-то преодолеть в себе эту неприязнь, я стал читать воспоминания Йозефа – слава богу, они были прекрасно переведены Наташей Михалковой. А потом решил издать эту книгу, придумав ей неясное для немцев название: «Вкус полыни».

И вдруг сам увидел в рукописи главное: толкуемый нам всем чуть ли не с пеленок «смысл жизни» – иллюзия. Нет у жизни никакого смысла, кроме одного – просто жить. День за днем. Каждый преподнесенный судьбой миг. Жить.

Мир Йозефа Хендрикса рухнул в пропасть. Тогда, в пору своей юности, он еще не допускал мысли, что вокруг творится что-то не то. Его война вылилась чуть ли не в развеселую прогулку по мирной Бельгии и обласканной солнцем Франции. Заходя в брошенные жителями дома, он возмущался «неблагодарными» хозяевами: мерзавцы не оставили пришедшим завоевателям домашнего вина. И тут же зло отмечал в своем дневнике: «Не продали нам ни одного грамма масла, ни одного яйца. “Нет, нет, нет!” Этих подлецов сразу видно».

Эйфория похода во Францию еще долго не исчезала. Даже попав на Восточный фронт, увидев яростное сопротивление русских, теряя товарищей, сам тяжело раненный, он хорохорился, переполненный иллюзиями храброго солдата.

Возвращаясь после долгого лечения в Германии на фронт, он сочинил бодрое стихотворение. Но уже тогда, в январе сорок третьего, в нем проскальзывало предчувствие какой-то невероятной несправедливости, которую Йозефу предстояло испытать.

«...Прощайте, веселые дни! Прощайте, вино, женщины и песни! Мы снова солдаты. Теперь нас привлекает оружия звон.

Прощай, уютная жизнь, украшенная цветами. Война издевается над нами...

Гордитесь, все плачущие матери! Будьте горды, все наши родные! Мы вернемся домой и тогда станем счастливее».

И чуть позднее добавляет в дневнике: «Мои родители совсем не были горды, когда читали мое стихотворение, полученное вместе с сообщением о том, что их сын пропал без вести».

Я думал, что ощущение некой горечи, внутреннего неуютта от встречи с Йозефом возникает лишь у меня. Даже казалось, что причина неприязни – я сам. Но однажды, во время очередного приезда Йозефа в Москву, нечто подобное заметил у пришедшей в гости к Наташе Михалковой пожилой женщины – Нины Григорьевны Морозовой. Она тоже воевала, была медсестрой в дивизии, которая почти год стояла против части Хендрикса.

Уж им-то, мы считали, есть что вспомнить и о чем поговорить. Надеялись, что за давностью лет исчезли горечь боев и острота потерь. Но что-то явно мешало им. Йозеф говорил невпопад, порой беспричинно смущаясь и отводя глаза. Нина Григорьевна, обычно говорливая и шумная, все больше молчала. Это было как наваждение.

Причина вскоре прояснилась. Все оказалось проще и страшнее.

Семья Морозовой – родители, братья – жила в знаменитой Тамани, когда на полуостров пришли гитлеровцы. Кто-то донес новым властям на помогавших партизанам родных Нины Григорьевны. Все они были расстреляны. «Он – один из тех», - говорила мне Морозова о Йозефе.

Конечно, она сознавала, что в ее горе виноват не конкретно Йозеф Хендрикс. Но он, как воевавший против нее, олицетворял захватчиков. И потому – был виновен.

Сейчас, на склоне лет, и Хендрикс хорошо понимает это. В середине 1990-х он записал в своем дневнике: «Никогда нельзя забывать, что каждая вина требует своего искупления».

Поколению, к которому принадлежали мои родители и Йозеф Хендрикс, изрядно досталось в жизни. Порой их существование, в советской России особенно, казалось безумием. От первого до последнего дня. В жизни, какую им предложила судьба, все было вывернуто наизнанку, каждый миг требовал невероятного мужества и неистребимого оптимизма. Зло и добро слились в нечто третье – энергию выживания. Для многих – неважно за чей счет. Сиюминутное благополучие наказывалось десятилетия спустя, а подлость чуть ли не сразу становилась горделивой правдой.

И тут позвольте сделать маленькое отступление.

Наташа Михалкова и Йозеф Хендрикс познакомились случайно, уже в постперестроечные годы. Йозеф с женой Урсалой, подвижной, с лучистым, все понимающим взглядом художавой женщиной, с которой они прожили более шестидесяти лет, приехал в Россию, пока точно не понимая зачем – то ли на экскурсию, то ли утоляя давнее желание побывать в стране, где долгие годы мучился в плену, то ли испытывая чувство благодарности за свое спасение, правда, неясно, к кому – народу ли, конкретным ли людям, многих из которых уже не было в живых.

И как-то сразу Йозеф и муж Наташи, Александр Михалков, приглянулись друг другу, интуитивно почувствовали близость своих судеб и перенесенных страданий. Тем более что Александр Михалков прекрасно говорил по-немецки, а Йозеф понимал русский, выходящий далеко за пределы ненормативной лексики, которую по странному стечению обстоятельств он первым делом освоил в лагере.

У Александра, так же как и у Йозефа, было два брата: старший, Сергей, известный и обласканный властью поэт, автор гимна Советского Союза и гимна новой России, Герой Социалистического труда, et cetera... и младший, Михаил, с судьбой, донельзя изломанной минувшей войной.

В сорок первом, уже под Москвой, часть, в которой служил Александр, попала в окружение. Группами пробирались к своим, обходя вражеские посты и гитлеровские подразделения второго эшелона. Александр переоделся в случайно найденное в сожженной деревне крестьянское платье. Он знал, что где-то рядом была дача художника Петра Кончаловского, тестя его старшего брата. И, найдя, обрадовался теплу знакомого дома и встреченным там помощникам хозяев – семье управляющего.

Но радость его была недолгой. Через пару часов по доносу управляющего он был арестован немецким патрулем. Правда, великолепное знание им немецкого языка, которое все братья Михалковы, воспитанные гувернанткой-немкой, получили в детстве, смутило начальника патруля. К вечеру на этом участке фронта началось наступление Красной армии. Не желая возиться с пленным, патруль отпустил Александра. Но управляющий дачей Кончаловского снова донес на него, уже советским особистам, рассказав о «странных» разговорах Михалкова с врагом и еще более «странным» его освобождении.

Так Александр Михалков попал в лагерь до конца 1945-го, откуда его смог вытащить верный сталинский слуга - старший брат Сергей.

Московский BAZAR, № 1 (15) 2015 г.

А с младшим Михаилом Михалковым война сыграла еще более нелепую шутку. Он встретил начало войны рядовым в Измаиле. После первых же боев был захвачен в плен. Попал в лагерь, пережил расстрел, бежал, но, пойманный гитлеровцами, снова оказался в лагере. И спустя пару месяцев заключения вновь бежал, переодевшись в форму немецкого солдата обоза дивизии «Мертвая голова». И его выручило знание немецкого языка, причем берлинского диалекта.

Через четыре года войны, меняя тыловые части гитлеровской армии, переодеваясь то офицером, то едущим на фронт после ранения солдатом, пытаюсь найти хоть какую-нибудь связь с подпольем на советской территории или в занятых фашистскими войсками европейских странах, лишь весной сорок пятого он перешел фронт и попал в руки Смерша.

Я знал его хорошо, издал немало его книг. Стихи, очерки о войне... которую он большей частью видел издали, с задворок Европы. Наши разговоры мало касались его военных лет. Меня больше интересовала грозная Лубянка, одиночка, из которой раз в год (а лет было четыре) Михаила вызывали к следователю: «Признаешься в шпионаже?», на что, говоря «нет», он повторял: «Я свой, наш, ваш... Вот, руку – на сердце».

Ему верили, безусловно, хотя великие начальники хмурили брови и, словно испытывая, подсаживали Михалкова в другие камеры – к власовцам, к немецким генералам, к своим политически неверным... Он с радостью потом пересказывал все, что слышал.

Однажды Михаил Владимирович, казалось, с давно заглохшей обидой поведал мне, как старший брат Сергей, едва добившись для него воли, говорил: «Слушай, Михаил, ты пишешь стихи – пристроим, лучшие композиторы их на музыку положат. Но давай определимся сразу: в Союзе писателей Михалков - я один. Так что бери другую фамилию. Андронов подойдет?»

Мне тогда стало искренне его жаль: почти вся жизнь в маске...

Мы держимся, пока у нас есть хоть капля достоинства.

Впрочем, легко говорить...

Мы - не судьи. Я уверен – и Он не судья. Как говорил мой добрый знакомый – художник Олег Кротков: «Божественное - над нами, за нами, в нас».

За нами?..

Как-то, готовя к изданию воспоминания Хендрикса, мы с Йозефом перебирали привезенные им в Москву семейные фотографии. Вот отец – умный, решительный взгляд, крепко сжатые резные губы, широкий лоб... галстук-бабочка и аккуратная тройка... – начальник железнодорожного вокзала в селе. «Мой отец вступил в национал-социалистическую немецкую рабочую партию (NSDAP), так как боялся потерять свое хорошее служебное положение, ведь он должен был кормить свою большую семью. Моя мама, как благочестивая католичка, была твердой противницей нацизма. Однако она не могла воспротивиться тому, чтобы мы, дети, не вступили в гитлерюгенд и Союз немецких девушек».

В нас?..

Гитлерюгенд... Как они похожи – три брата в форме гитлерюгенда перед второй мировой. Йозеф, Хайнц, Вальтер. Очень похожи на мать. Та же едва приметная улыбка. У всех. Странно, но фото Йозефа помято, словно вечность пролежало в потайном кармане. Челки, озорной взгляд... распахнутые рубашки, галстуки, затянутые заколками... «Юные пионеры». Через три года – френчи и повязки со свастикой.

А над нами – и там и тут – «великие вожди». Без сомнений, с нескончаемыми амбициями, безжалостные, готовые перегрызть горло любому – правому или неправому, своему, чужому...

Но этот воздух Йозеф пил с восторгом...

До встречи с Россией.

Промерзшая на долгие годы, она для Йозефа стала полюсом холода, вечной зимы. Попав на Восточный фронт в начале сорок второго, он буквально задохнулся от неистовых морозов. Через год, после лечения, - тот же снег, мороз, те же деревни. Даже те же крестьяне - учительница немецкого, сельский староста. Эти снега снятся ему и ныне. Тогда хотелось тепла, дружеской улыбки. Но время остановилось. И душа оставила его, словно окутав сном фронтовые будни.

Однажды он словно очнулся. Случайное удивление, невольная ошибка, совершенная им первой русской зимой, оживили тень сомнения. Вот как описывает Хендрикс происшедшее в своем дневнике. Отстранясь, разглядывая себя со стороны, сочувствуя мужеству противника.

«Мы разместились в одной избе после взятия деревни Хотьково. Пожилая женщина и ее дочь сначала очень боялись немецких солдат, но постепенно приходило доверие. После обеда я проверял посты нашей роты, а вечером делал эскизный план для ведения стрельбы... Я, идиот, при этом ни о чем не задумался, когда девушка рассматривала мой эскизный план, и даже пояснял ей, если она спрашивала меня о тех или иных подробностях.

Затем, когда я ночью еще раз обходил наши посты, я увидел фигуру в меховом полушубке, выезжающую на лыжах из деревни в сторону вражеских позиций. Я начал стрелять. Мои выстрелы всполошили всех постовых и стали причиной страшной стрельбы. Фигура на лыжах меня больше не волновала. Однако мой эскизный план из избы исчез. Была ли фигура действительно этой девушкой из крестьянской избы? Тогда я так полагал. В моем понятии девушка была для меня мужественной патриоткой».

Семьдесят лет спустя Йозеф вдруг вспомнил этот рядовой для войны случай: «Я надеюсь, той ночью никто не пострадал. Я рад был промаху».

Его поездки в Россию - не жажда прощения и не попытка благодарности за собственное спасение. Йозефу вдруг нестерпимо захотелось окунуться в мир без войны. Именно здесь, где еще были свежи воспоминания холода, отчуждения и боли.

Память - страна теней. Чтобы придать им живой ясности, мы идеализируем прошлое. И себя в этом минувшем. Но не всегда находим желаемые ответы.

Года два назад Йозеф с Урсалой поплыли на теплоходе из Москвы по каналам на российский Север. Только что вышла книга его воспоминаний, и Наташа Михалкова, устроившая эту поездку, предложила провести презентацию книги прямо на теплоходе.

Йозефу это показалось необычайно интересным. Десятки совершенно незнакомых людей потянулись к нему, засыпав вопросами о событиях семидесятилетней давности.

Вот тогда-то, в уютной кают-компании теплохода, Йозеф и рассказал об украденной у него документах девушке.

- Я вначале был сердит. Очень злой. Не люблю, когда меня обманывают. Это от детства. А она такая... э-э... хитрая. Стрелял... бу-бух... И вдруг понял: зачем эта война? Смерть, ложь, страх, боль... От нее все плохо. Зачем? Там, в сердце, я уже не хотел нашей победы.

Он боялся, что слушавшие не поймут его. Но, пытаясь подобрать русские слова, сильнее волновался. И... замолчал совсем.

В наступившей тишине слышно было, как мерно гудит машина. За иллюминатором скользили зеленые берега, проносились голодные чайки. Сидевшие в зале люди выглядели намного моложе Йозефа. Их понимание было свободно от чувств, отстраненно от собственного опыта и потому не затрагивало сердце. Прозвучавший в тишине вопрос лишь насторожил многих.

- Вы сами сдались в плен? - поднялся молодой человек. И, словно боясь неискренности Хендрикса, подчеркнул: - Сами?

- Нет. Был бой. И взрыв рядом. У меня - ранение голова.

Вдох облегчения пронесся по кают-компани. Трусость не любил никто. Теперь они знали: Йозеф Хендрикс – не предал, он – *понял*. И для не видевших войну это стало просветлением.

Мой отец, Абрам Гендельман, курсантом медицинского училища участвовавший в обороне Киева и закончивший войну командиром взвода санитарных носильщиков в Кенингсберге, однажды рассказал о грустном случае из своего военного опыта. Это было исключительное откровение. Впрочем, как и сам случай.

После одного из тяжелых боев летом сорок второго он в бомбовой воронке на нейтральной полосе перевязывал раненого. В это время со стороны наших окопов в сторону немцев бросился бежать солдат. Добежав до воронки, где был мой отец, он, тяжело дыша, упал на ее дно.

Зло выругался:

- Суки, я не нанимался за вас умирать.

И к отцу:

- Лейтенант, давай со мной. Хоть живы будем. Да брось ты эту пададь... А, впрочем...

И стал карабкаться из воронки.

- Куда? Стой, гад! - закричал мой отец.

И, выхватив из-за пояса раненого саперную лопатку, ударил ею перебежчика.

Единственный раз я слышал от отца этот рассказ. Но запомнил на всю жизнь.

От трусости до предательства...

Остаться живым, умереть... Судя по записям в дневнике, Йозефа не особенно страшило присутствие смерти. Спустя немало лет он дал этому состоянию отчужденности определение: «душа оставила меня». Добро, зло стали повседневностью. И уже не были различимы. «Во время похода на Лютовню... – поясняет он. - С деревьев свисают лохмотья, на которых замерзшая ярко-красная кровь. Идем дальше. Никто уже не решается спросить об этом... Это включение в подразделения по разминированию не только русских солдат, но и женщин из окрестных деревень. Они подрывались на минах, части их тел и одежды были разбросаны в кронах деревьев».

Но проявленное зло разъедает душу. Пройдет два-три наполненных невероятными страданиями года, и он, как-то вдруг повзрослев, постепенно свое эгоистичное добро отодвинет на второй план, увидит многоликость зла и чужой боли.

Во время одного из недавних приездов Йозефа Хендрикса в Москву у Натальи Михалковой собрались ветераны Второй мировой. Йозефа они приветствовали как самого дорогого гостя. В страданиях они чувствовали себя с ним на равных.

Все были очарованы обнаженной искренностью Йозефа.

Девяностолетний Хендрикс с грустной усмешкой вспоминал, с каким нетерпением в первые годы плена он жаждал победы гитлеровских войск, как ловил слухи о скором применении рейхом «чудо-оружия фюрера», с каким негодованием отметал любую информацию о злодеяниях фашистов, считая их лживой советской пропагандой. В нем еще бурлил юношеский патриотизм, воспитанный на превосходстве арийской расы. Но и он в растерзанных буднях плена быстро таял, уступая место – нет, не справедливости, а простому эгоизму, неукротимому желанию выжить.

Однажды... Да, он это помнит прекрасно. Однажды, когда его в числе большой группы пленных доставили в лагерь недалеко от Рязани, Йозеф вспомнил о жалобе своей матери, испуганной ужасами «хрустальной ночи» рейха: «Бог, пощади нас, останови эти мельницы!» В то время он с братьями был членом гитлеровской детской организации «пинфэ», они пели: «...и если еврейская кровь брызнет от ножа, хай, то снова будет хорошо». А утром после упомянутой

«хрустальной ночи» стояли в толпе ротозеев рядом с погромщиками еврейских домов и смотрели на груды черепков посуды, обломки выброшенного из окна пианино, растрепанные книги... Пахло дымом и... кровью.

- В тот лагерь я узнал о великом уничтожении евреев. И правое дело фюрера – как можно?.. С этим ужасом... Я немного понял, тогда совсем немного. Но сомнения легли здесь, на сердце. Сомнения против Гитлера.

И, помолчав, добавил:

- Надо делать добро хотя бы на расстоянии вытянутой руки. Это есть очень важно.

Неужели для понимания этой истины нам нужна вся жизнь?

Он менял лагерь, работу, хоронил товарищей по плену, голодал. Ничего не трогало Йозефа. Лишь странное смущение охватывало его, когда видел, как, пробираясь через оцепление к военнопленным, русские крестьянки совали в его руки кусок хлеба или огурец. Он знал – они голодали не меньше его. Сердобольные старушки и жалостливые крестьяне встречались Йозефу всюду. Что уж им пытать ненавистью к врагу, когда он побежден и беспомощен. Только причитали: «Чай, не сам на фронт напросился. А если и сам... Бедный он, бедный... Бог ему судья». И утешали. Как могли, подкармливая и одевая.

В августе сорок четвертого Йозефа Хендрикса перевели в лагерь в Боково-Антраците, маленьком угледобывающем поселке Донбасса. И первой большой новостью, которую слышали вновь прибывшие заключенные, было сообщение о покушении на Гитлера. Его поразило, что покушение совершили те люди, к которым Йозеф питал симпатию. Изматывающая работа на шахте теперь была не так бессмысленна. Йозеф вдруг почувствовал страстное желание тишины, мира, скорой встречи с домом, родными. Мысль об этом придавала силы и возбуждала самые буйные фантазии.

Я не раз бывал в разбросанных по Донецкому бассейну городках. В Красноармейске жил мой дядя Владимир, брат моей матери. Терриконы шахт, дымящие трубы заводов... И степь, ковыльная степь, иссеченная оврагами и иссушенными руслами давних рек.

В сорок втором где-то в этих степях во время бездарного контрнаступления советских войск попал в плен мой дед Владимир Борисевич. По его рассказам я мог с большей реальностью представить лагерную жизнь Йозефа Хендрикса. Хотя сравнивать их пребывание в плену, пожалуй, глупо. Все-таки они явно были жителями разных планет.

Мой дед Владимир до войны жил в селе Захаровцы Хмельницкой области. В 1928-м, когда ему исполнилось двадцать пять, семью деда, крепкую и работающую, раскулачили и отправили в тьмутаракань под Архангельск. Дед был влюблен в дочь одного из беднейших в селе крестьян – мою будущую бабушку Полю, Поласю, как он ее нежно называл; потому под угрозой расстрела бежал из мест ссылки обратно в Захаровцы, покаялся партийным властям, вступил в колхоз, женился... Перед самой войной отправил жену с тремя детьми в гости к знакомым в Киргизию. Что оказалось, по счастью, удачным решением. Нападение гитлеровских войск на долгие годы задержало возвращение бабы Поли с детьми на Украину.

А дед ушел на фронт.

Как я уже говорил, в сорок втором на Дону он попал в плен. Кто-то из бывших с ним в плену односельчан донес на него гитлеровцам. Те стали упрашивать деда: мол, ты же пострадал от советской власти, становись в родном селе старостой, немецкое командование даст тебе дом, корову...

От этого предложения деда Владимира охватила какая-то нестерпимая злость, ощущение унижительной беспомощности. Лагерь, раскинувшийся в голой степи, был слабо охраняем. Лишь один ряд колючей проволоки отделял лежавших прямо на земле военнопленных от открытой степи. В небольшой группе солдат мой дед бежал. Немцы ловили их с собаками. Я

Московский BAZAR, № 1 (15) 2015 г.

хорошо помню рваные раны на ногах деда – следы собачьих укусов. Набравшись сил, дед Владимир бежал снова. На сей раз удачно. И, воюя, дошел до Польши.

А потом... Потом его, припомнив плен, послали на два года восстанавливать Сталинград. Разве эта «сказка» похожа на испытания Йозефа?

Хотя, надо сознаться, что-то общее все же есть в этих судьбах.

Наверное, сегодня сам Йозеф не может определить, что с такой силой притягивает его к России. Не красоты же. Не скособоченные хаты брошенных деревень, не пыль разбитых дорог, не спившиеся русские мужики... Воспоминания о собственной военной юности? Но и эти воспоминания стали за десятилетия едва уловимой дымкой. Как он любит говорить: «То была другая жизнь».

Может быть, вполне закономерно, что Йозеф Хендрикс, испытавший столько страданий во время семилетнего плена, стал учителем. Он сыграл большую роль в организации и становлении школьного образования в ФРГ. Как ведущий государственный школьный директор он в течение десятилетий осуществлял надзор за постановкой системы обучения детей в земле Северный Рейн-Вестфалия.

И все это время с нетерпеливым страхом мечтал о поездке в Россию.

Нет, это не был страх в общепринятом понимании. Скорее, какая-то фантастическая мечта поговорить с собой, тем, дальним, молодым, окутанным непроходящей печалью юношей. Отчего-то Йозефу хотелось попасть именно в 1949 год. Там к боли плена добавилось острое ощущение одиночества – он получил от братьев письмо, в котором сообщалось о смерти матери.

Йозеф, забившись в угол барака, плакал, оставляя на бумаге стихами выраженную боль души:

*Итак, подал я тебе в последний раз руки,
Посмотрел на скорбное лицо в морщинках
И поспешил прочь.
Тогда боль сдавила мне горло,
И я не нашел краткого слова утешения.
Однако во мне все кричало:
«Я вернусь, мама!»
Ты оставалась при мне в абсурде войны,
В сердце хранил я твой образ.
Вокруг меня была смерть.
И она все больше и больше
Уносила людей из жизни.
Это жестокое, убивающее наполняет ураган.
Кричит дико жизнь:
«Я вернусь, мама!»
Безрадостно текут дни пленных,
И пролетают год за годом одинокого ожидания.
Потерянное время,
В свете копилки я трепетно читаю твою открытку.
Твой первый привет появился, как луч света.
И надежда пробивается:
«Я вернусь, мама!»
Когда недавно, уставший, я вернулся с работы,*

Московский BAZAR, № 1 (15) 2015 г.

*Мне вручили окаймленное черным цветом
Письмо о твоей смерти.
Когда я очнулся, я опустился на траву.
Из глубокой, глубокой тьмы
Кричал злорадный голос судьбы:
«Вы никогда больше не увидите!»*

Но именно тогда он почувствовал, как вернулась к нему душа.

Во время той памятной встречи с ветеранами войны у Наташи Михалковой он вдруг по-немецки сказал:

- В этом безумии легко потерять себя. Я знаю: любое общество не должно быть обществом лагеря военнопленных, с антифашистами лагерного клуба и комиссарами. Достоинство человека – единственное, на чем строится будущее.

Чуть помолчав, добавил:

- И любовь.

Он с нежностью посмотрел на сидевшую на диване Урсалу. Я вспомнил его последнюю запись в дневнике: «Любовь не позволяет ни фантазировать, ни добиваться упорством. Она – подарок Бога. Только любовь к Урсале и ее ответная любовь смогли залечить раны моей души, которые мне нанесли война и плен».

...На моем столе лежит белый кружок монеты в десять евро. Это подарок Йозефа Хендрикса, который привезла мне недавно гостившая у него в Германии Наташа Михалкова. Йозеф уже не сможет приехать в Россию – все-таки преклонный возраст. Мне жаль: мы не завершили с ним давний разговор о превратностях Времени. И о себе в нем.

Александр Белугин. Двое, 1997, холст, масло, 80 х 60 см

70-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ ПОСВЯЩАЕТСЯ

Александр Стрельцов
(Москва)

Этот рассказ основан на воспоминаниях реального человека о столь же реальных событиях, которые мы теперь воспринимаем как величайшую историческую трагедию, а для него эти события стали частью судьбы.

Однако произведение ни в коем случае нельзя считать документальным. Работая над ним, автору удалось найти документальное подтверждение большинству фактов, которые упоминаются в повествовании, но есть и такие, о которых упоминает только мой герой. Например, факт угона морского транспорта в США, нападение на эшелон с бывшими советскими военнопленными в Польше. Кроме того, реконструкция некоторых эпизодов и диалогов потребовала и привлечения художественного вымысла автора, но в контексте исторических реалий.

Автор посчитал возможным и правильным не менять настоящего имени главного героя, как и имён некоторых других персонажей, которые, в сложившейся литературной традиции, могли бы рассматриваться как положительные герои.

Тема войны и плена – не самая разработанная тема не только в отечественной литературе, но и в исследованиях новейшей истории. Тем важнее было для автора познакомить современного читателя с преломлением этой темы в сознании бывшего сержанта Красной Армии.

От автора

ВАНЬКА-ДУРАК ИЗ СТРАНЫ ДУРАКОВ

Сосед, Иван Васильевич Веденеев, заглянул, едва я успел разобрать сумки и включить телевизор.

- Я вижу, вроде твоя машина проехала. Ты на выходные или в отпуск?
- На выходные.
- Ну, здорово, стало быть!
- Здравствуй, дядя Вань!
- Как там Москва? Стоит?
- Что ей сделается!
- Слава богу!

Этот разговор – одни и те же вопросы, одни и те же ответы – давно стал привычкой, традицией наших отношений. Вначале такой диалог вёл мой отец, сельчанин, уехавший в город учиться и оставшийся там жить и работать. Его, навещавшего родной дом хотя бы раз в году, вот так же заходил поприветствовать друг детства и ближайший сосед Иван. Теперь, после смерти отца, традицию продолжал я.

- Что, дядя Ваня, за приезд?
- Налей немного.

Я достал из буфета гранёные стаканы, поскольку знал, что рюмок сосед не любит, принёс из холодильника специально купленную для этого случая бутылку водки. Порубил на тарелочку варёной колбасы, нарезал чёрного хлеба. Наполнил дяди-Ванин стакан до половины – тоже давно знал обычай, себе плеснул на дно, чтобы водка не помешала делам.

Московский BAZAR, № 1 (15) 2015 г.

- Давай, Сашка, выпьем!

Дядя Ваня не торопясь вытянул свои полстакана, помедлил, отломил хлеба, пожевал, наколот на вилку кусок колбасы и отложил в сторону:

- Это ты что по телевизору смотришь?

- Сам не знаю. Только включил. Передача какая-то о Франции.

- Я и то слышу: де Голль, де Голль. Я ведь этого де Голля как тебя сейчас видел.

- Где? Когда?

- В Париже, где ещё? В войну.

- Ты был в Париже?!

- Занесло.

- Ты никогда не рассказывал.

- Ни к чему было.

- Расскажи сейчас!

Дядя Ваня приподнялся со стула и поглядел в окно:

- Моя вон в магазин направилась. Часа на два теперь там застрянет, пока с бабами всё не переговорит. Сильно торопиться мне некуда.

Он замолчал, задумался.

- Так что тебе рассказать? Я и не знаю.

- Всё рассказывай! Ты ведь на войне с июня, с первых дней?

- Нет. В июне я ещё в колхозе работал. После школы я сразу работать пошёл. В кузницу. Не в нашу, что на пруду, а в колхозную. Она тогда в соседнем Калитееве была. И всё правление там было, и МТС. В нашей кузнице понемногу возились с железом, но это так, для крестьян, кому чего поправить, а в колхозной дела были серьёзные. Лошадей ковали; сбрую, бороны, плуги чинили; для машин, тракторов что нужно мастерили.

Мать мне сказала: «Иди кузнецом! Кузнецы лучше всех живут. Кузнецам все кланяются. Счастье кузнецам само в руки плывёт». Мне всё одно: кузнецом так кузнецом. Ростом я хотя и невелик, а сила в теле была. Да и кто из нас тогда думал, как вон теперь внуки, – кем быть? Колхозник – вот была наша профессия. Всё уметь своими руками. В колхозе сегодня ты куёшь, завтра траву косишь, послезавтра корзины плетёшь, через неделю за поросятами ходишь, а через месяц стадо пасёшь.

Думали больше, с кем на гулянку пойти, да чтобы потом на работу не проспять. Мать с вечера на шестке чугунок с картошкой оставит. Придёшь, схватишь ещё тёплые картофелины, хлеба кусок, поешь и часика на два – спать.

Был я у кузнеца вроде как в подмастерьях, а старшим над нами стоял начальник МТС Иван Маркович. У него сына тоже Иваном звали. Он и ко мне как к сыну относился, Ванюшей называл. Мы тогда летом, когда самая работа, выходных не знали. Да, Сашка, было время...

Стучим так молотками в воскресенье, а из правления женщина бежит. Как звали, не могу вспомнить. Плохая память стала, плохая. Кричит нам: «Война! Война началась! Только что Молотов по радио выступал. Германия напала!» Да что ты, коза, такое говоришь! Напутала, поди!

Радио только в правлении висело. Все туда собрались и уж вместе слушали Левитана. Мурашки по коже. «Говорит Москва! Говорит Москва! Работают все радиостанции Советского Союза!..» Слушаем, понимаешь-нет, а в голову взять не можем. Никак не верится.

На другой день передают распоряжение Калинина о мобилизации населения. А все ждут, что скажет Сталин. Как Сталин скажет, такие дела и есть. Молчит Сталин. Никудышные, стало быть, дела. Совсем никудышные.

Московский BAZAR, № 1 (15) 2015 г.

В июле понесли повестки. То одного мужика провожаем, то другого. Дядя Саша Романов на гармошке играет, бабы ревут.

С октября мой год призывать начали. Пошли друзья-товарищи один за другим. Прислали и мне вызов. Я к начальнику:

- Иван Маркович! Вызывают!

- А ты не езди!

- Как так? Повестка же.

- Дай-ка мне её!

Берёт повестку и в ящик прячет:

- Не получал ты повестки!

В другой раз опять:

- Куда?

- В Небылое, в военкомат.

- Не езди!

Не понимает он, старый, что ли?

- Война же, Иван Маркович!

- Тебе государство бронь предоставило. Вот и сиди! Все на фронт уйдут, кто фронт кормить будет?

Держал он меня месяца три или четыре. И всю войну бы продержал, как второго подмастерья, Юшина. Но я не хотел.

Тут моего лучшего друга, Гаврилова, призвали. Я перед Иваном Марковичем упёрся:

- Нет, Иван Маркович, пойду я на фронт! Ребятишки мои уходят. Вернутся, спросят: ты где воевал? В тылу просидел? За чужие спины прятался? Что я им отвечу? Дай расчёт, Иван Маркович!

Он смотрит на меня:

- Ванюша! Что ты лезешь?

- Отпусти, Иван Маркович!

- Пацан ты! Дурачок ты, Ванька! Ступай, коли так!

Через месяц мне новая повестка. Явиться в Небыловский райвоенкомат. Собрал мешок и – ноги в валенки, пешком, попутки не оказалось, да тут и хода три часа – пошёл на войну. Из Небылого – фють! – в грузовик, и не на фронт, а в соседнюю область, в Кулебаки. Учиться на сержанта. Через три месяца я – старший сержант. Весна. Март сорок второго. В эшелон и теперь уже точно на фронт. Под Орёл. В 387-ю стрелковую дивизию.

Был я там разведчиком роты. Знаешь, зачем нужен разведчик роты? Фрица добывать, вот зачем. Ходили по семь человек на десять–пятнадцать километров за линию фронта. Рядовых не брали, на кой они нужны, рядовые? Ничего не знают. Офицеров давай! Из них какие были смирные, не кочевряжились, топали, куда скажешь. Другие не давались. Такого пристукнешь и на себе волочешь. Бывало, хряки попадались – спина трещит, пока тащишь. Да это ладно. Воевали бы. Теперь другое...

Zumachen! Окружение. Немец петлю накинул. День, два, неделю сидим. Жрать-то охота, а подвоза нет! Нам с самолётов еду кидают, а она, один хрен, к немцам попадает.

Тогда меня в ногу ударило. Немец сильно давил. Снарядов не считал.

Я в санчасти лежал, тут приказ. Нет никаких приказов, один приказ. Ребята! Выходи из окружения кто как может! Рассыпайтесь на мелкие группы и пробивайтесь. Вот так. И больше ничего. Чем пробиваться? Оружие, говоришь? Какое, Сашка, оружие! Ни оружия, ни патронов.

Нас и взяли. Немцы идут! Которые ненадёжные были - руки вверх и сдаваться бегут. А потом... zumachen, понимаешь-нет? Немцы, а я в санчасти, твою так! Я бы, может, убежал. Август был. Леса кругом густые. Кабы не нога!

Aufstehen! Кто не поднялся - пух! И нету человека. Gehen! Я палку себе выломал, на неё опирался. Так бы не дошёл. Упасть отдохнуть не дают. Конвоир пинает. Упал – не встал. Пух! Да... Большая история.

Довели нас пешим строем до железной дороги. Сидеть, ждать! Гляжу, ещё колонну наших ведут. Потом ещё! Мать честная! Вся дивизия, считай, кого не убили, под немецкими автоматами. Военнопленные мы теперь, стало быть, а не красноармейцы.

Я не знаю, что там дальше про войну, врать будут, но тебе, Сашка, скажу! Редко когда русский солдат добровольно в плен шёл. Не было в том нашей, солдатской, вины. Воевали, выполняя приказ. Все видели, что немцы нам котёл готовят, что патронов горсть осталась. Дали бы приказ отвести дивизию, мы бы ещё посражались!

Ждём. Никуда не везут. Никуда не гонят. Есть не дают. Догрызаем свои сухари, у кого остались. У кого нет – делимся. Кто послабее – спать.

К вечеру подогнали вагоны для скота. Aufstehen! Fur die Autos! Schneller! Schneller! Опять не все поднялись. Фрицы молча к таким подходят, ствол к голове. Пух!

Погрузились в вагоны. Вагоны заперли. Стоим. Всю ночь простояли. Зачем под замок посадили, если не ехать? Боялись. Нас, безоружных, голодных, оборванных, боялись. Разбежимся в темноте, а то и охрану перебьём. И везти в ночь боялись. Рядом брянские места, партизаны. Вот как по чужой земле ходить-то! Куста боишься.

Утром прицепили паровоз. Выйти на воздух не пустили. Ходите где стоите. Russische Schweine. Для вас, мол, дело привычное.

Повезли. Куда повези? Да чёрт его знает куда!

Gehen! Кто знал, заговорили: «Каунас! Это Каунас! В Каунас привезли!» На кой ляд в Каунас? В лагерь, вот на какой. Это, как тебе сказать, вроде накопителя лагерь был. Колючая проволока, вышки охранников, а больше ни хрена. Хочешь - на улице сиди, хочешь - землянку рой. Заболел – умирай! Врачей нет. Баланда вместо супа.

Там держали недолго. Набрали эшелон и опять повезли. На этот раз туда, к той самой матери, в Германию.

Северный Рейн-Вестфалия. Шталаг 326. Концлагерь, чтобы ты понимал. В лагере нога у меня вкось, под себя, и срослась. Нас почти не кормят. Водят работать. Зона там была специальная внутри лагеря, огороженная колючей проволокой. В ней шесть, что ли, барakov, куда водили работать по разному ремеслу. Шить, слесарить. Такая бодяга.

Содержат, как тебе сказать, народ от народа отдельно. Прибалты – отдельно. Украинцы – отдельно. Русские – отдельно. Выискивают командиров, комиссаров, евреев, цыган. Полиции – немцы, украинцы, русские. Русские рядового и сержантского состава в восьмом бараке, или корпусе, как хочешь назови. Полиции у нас – украинцы.

Рядом, в девятом бараке - евреи. У них полиции – немцы. Так евреев полиции гоняли, никого так не гоняли. Скажешь по-русски, что ж ты, лупоглазый, над человеком издеваешься? Он пальцем тычет – «юд». Не человек, мол, юд.

Лазарет там тоже был. Мы туда старались не попадать. Я до сих пор не пойму, там лечили или убивали? Умирили не от работы. Умирили от болезней. От истощения. Каждое утро выносили из барака. Кто живой, хватай мертвяка, тащи, кидай в кучу.

Потом всех доходят из лагеря – фью! Во мне тогда было тридцать килограммов веса. Понимаешь-нет? Куда меня? Доходяга. Загнали нас таких, глаза да кости, в поезд. Мы про

Московский BAZAR, № 1 (15) 2015 г.

«лагеря смерти» уже наслышаны были. Так и думали, жечь везут. А привезли в город Мец, Эльзас-Лотарингия. Зачем привезли? А кто тебе скажет?

Привезли и всех – в баню. Это у них обычно было – в баню. А мы радуемся. Соскучились по горячей воде.

Заходит полицей из русских:

- Кто тут есть владимирские, ивановские, небыловские?

- Я – небыловский!

- Выдь сюда!

Выхожу за ним в предбанник. Чего, мол, полицей, надо?

- Ты откуда?

- Из Ельтесуновского сельсовета.

- А чей? Фамилия как?

- Веденеев.

- Василия Егоровича сын?

- Нет, Василия Ивановича.

Он как заорёт:

- Василия Ивановича? Это который тёти Нади Улитиной сын? Она же мне крёстная! Я же сам из Кормилкова!

И давай меня выпрашивать. Такого-то знаешь? А такого знаешь? Я насторожился, чего это он выпрашивает, полицей ведь?

Он меня трясёт:

- Я – Иван Рыбин! Знаешь Рыбиных?

- Рыбиных знаю. Тебя не припомню.

- Я на границе служил. В первый день и попал. Теперь здесь при бане состою.

- Да мне бы и чёрт с тобой! Я тебе зачем?

- Я земляков выискиваю. Хотя бы земляков стараюсь вытащить.

- Откуда вытащить?

- Ты знаешь, для чего вас моют?

- Положено мыть и моют.

- Вас перед смертью моют. Чтобы заразы от вас не пошло. Шварцлагерь. Слышал про такой? Там убивают. Вы, по немецкому порядку, ни на что не годны. Скелеты ходячие. Содержать вас смысла нет. Поэтому – в расход. Вас завтра туда, в шварцлагерь, и повезут. Обратной дороги ни для кого не будет.

- Что ты запугиваешь? Завербовать хочешь? Чтобы, как ты, полицаем стал? Не дождёшься! Иди-ка ты к такой-то матери!

Он, никогда не забуду, смотрит на меня, в глазах слёзы стоят:

- Дурак ты, Ванька! Я тебе жизнь спасти хочу!

- Не верю тебе! Ты Родину предал!

Он вздохнул тяжело и отвечает:

- Можешь верить, можешь не верить. Можешь думать, что предал. Только я никого не предал. Через таких, как ты, и хочу доказать, что не предал. Легко ты говоришь – предал! Кто кого предал, когда нас на заставе почти что с голыми руками против танков бросили? Молчишь? Может, и ты предал, когда под снарядами немцев держал, на юг прорваться не давал? Немец нас взял – не в куклы с нами играть! Или служить, или пулю в башку. Ты не видел, сколько наших в первые дни расстреливали? Даже и не спрашивали ни о чём – просто косили из автоматов в яму. Ты громкие слова-то здесь позабуди. Сталин – это ещё не Родина! Родина – это народ. Те, кто живёт рядом. Те, с кем вместе вырос. Те, кому дорог ты и кто дороги тебе.

Московский BAZAR, № 1 (15) 2015 г.

Моя Родина – это такие, как ты. Вас я не предавал. Вас, дураков, я спасти пытаюсь. А уж как разозлил ты меня, то прямо скажу. Гитлер – бандит и преступник. Так и Сталин тоже – бандит и преступник. Сталин только тем и краше, что Гитлер на него напал, а не он на Гитлера. Я не против Родины. Я против Сталина. Я вот тебе своё имя назвал, не побоялся. Знаешь почему? Так подумай!

Ладно, Вань. Я не лаяться с тобой пришёл. Доверяешь - не доверяешь, одно запомни. Завтра утром вас построят на плацу и станут спрашивать. Сперва, как всегда, начнут искать командиров, комиссаров, коммунистов. Потом спросят, есть ли среди вас специалисты? Ты тогда из строя и выходи. Спросят, какой специалист? Ты скажи, что слесарь. Специалистов они оставят. Остальных убьют.

Я и слушать его не хочу. Взял да и обматерил. Сам знаешь, как у нас обматерить-то можно. Обматерил и – прочь от него.

Вот, Сашка, какая жизнь бывает... Сколько лет, как войне конец, а всё корю себя, что так-то с Иваном обошёлся. Он ведь и вправду мне жизнь спас.

Наутро выводят нас, как Иван и говорил, на площадку. Выкрикивают командиров, комиссаров, коммунистов. Раз, другой. Никто не выходит. Начали искать специалистов. Раз спросили. Я стою в строю. Думаю об одном. Если выйду – предам Родину или нет? Правду Рыбин говорил или нет? Если правду, то остаться – кончилась жизнь. Выйти – как-то оно ещё сложится? Сглотнуть не могу – горло пересохло. Голова как в тумане. Слышу: «Wiederhole! Wer von euch...» Не видел бы я тех слёз, не поверил бы. Живые были слёзы. От боли. Я выхожу. «Wer bist du?» - «Schlosser». - «Gut». Пригоден, стало быть. Отходи в сторону.

Привезли, кто назвался специалистом, в Форбах. Рабочий городок от Меца километрах в шестидесяти. Там завод большой. Железо катали. На том заводе, понимаешь, работать.

В Форбахе, при заводе, лагерь. Бараки, колючая проволока. Рубахи с нашивкой «OST». Два раза в день жидкая кормёжка и буханка хлеба на двоих. Это я так говорю – хлеба. Не придумая, как назвать. На хлеб-то он мало был похож. Хлеб у нас в селе пекли. Запах от него такой стоял, что не хочешь, а в кусок вцепишься. Да постным маслом польёшь. Да соли кинешь. Лагерьный хлеб – не угадаешь, что в нём и намешано. Одно слово, ерзац.

В Форбахе режим был помягче. Строгий порядок, но не издевались и не калечили. Было такое, что наши ребята и убегали. Кого ловили, тех в карцер, но не расстреливали. Отсидит человек, поголодает, если не помрёт, его опять на завод. Рабочих рук фрицам не хватало. Долгая получилась война. А так, режим какой? На работу и с работы под конвоем. В цехах – охранники. Воскресенье – на заводе выходной день. У пленных тоже выходной.

Приводят меня на слесарный участок. Там мастером пожилой немец. Имя забыл. Долго помнил, а теперь забыл. Вот, говорят ему, русский слесарь-инструментальщик. Принимай под расписку.

Я про себя думаю: «Какой я слесарь? Чего на себя наговорил? Знать не знаю, чем эти слесаря занимаются!»

Немец подводит меня к тискам, даёт напильник, железячку небольшую и объясняет, что, мол, выточь мне напильником из этой заготовки кубик.

Попал я, так попал! У нас в кузне были напильники, но для чего? Мы ими заусенцы сбивали, а больше никуда. Точить никогда не точили. Что ты будешь теперь делать? Думай - не думай, кубик нужен. Ладно, посмотрим, кто кого. Авось справлюсь! Небось вывернусь!

Вожу напильником туда-сюда, а что-то ровная сторона никак не получается. То на один бок косит, то на другой.

Проходит время, мастер требует работу. У меня кубик не кубик, шарик не шарик. Немец положил моё изделие на ладонь, даже промерять не стал. Головой качает:

- Nein. Du bist kein Schlosser. Wer bist du eigentlich von Beruf?
- Der Schmied.
- Geh mit mir!

Думаю, отведёт сейчас к охране. Скажет, что обманул русский, никакой он не слесарь. Прямой мне тогда путь в шварцлагерь. Ванька капут!

Вот так-то, Сашка! Опять я на волоске висел.

Я этого немца тоже до последнего дня не забуду. Не выдал он меня. Немец, а не выдал!

Ведёт, значит, он меня на другой участок. Гляжу, обстановка знакомая. Кузница! Мужик там, высокий, уса́тый. Немец и говорит ему, ошиблись, мол. Дали мне рабочего, а он не слесарь. Называет себя кузнецом. Ты проверь. Если годится, оставляй у себя. Только документы надо будет выправить. И ушёл.

Кузнец имя своё называет. Тальбон. И я себя называю. Иван. Он спрашивает, то-то и то-то, Иван, сделаешь? Сделаю. А это сможешь? Смогу. Покажи! Я делаю. Другое теперь попробуй. Я опять делаю. Оставайся! Беру тебя!

Тальбон был не немец. Француз. Но не пленный, как мы, а вольнонаёмный. Лотарингия, знаешь-нет, до войны французской землёй была. Так он здесь родился и дом у него в городе. Работал, как обыкновенно работают. Утром приходил на завод, после смены уходил. Всякую кузнечную работу делал, а чаще всего пилы правил.

Так этот Тальбон, до чего хороший мужик! Я с ним крепко подружился. Объяснялись по-немецки. Я к тому времени по-немецки понимал и разговаривал. Пока память молодая, всё к ней липнет. В школе немецкий не учил, дразнились на учительницу – «по-немецки цацки-пецки», а тут вышла жизнь – учительница. Как не выучишь?

Я – худой, кожа на костях. Злость на работу была, а сил молотом хорошенько ударить – не было.

Я тебе врать не буду, что в плену плохо работал или вредил, инструменты портил. Это врут, кто так говорит. Кто плохо работал, тот в плену не выжил. А выжить хотели все. Я ещё другое думал. Перенять у Европы, коли такое выпало, приёмчики всякие, чтобы потом дома пользоваться. А ведь дохляк. Не всякий приёмчик освоишь. Не всякую работу тяну.

Взялся тогда Тальбон меня по воскресеньям к себе забирать. Утром в лагерь к охранникам придёт: такого-то мне, и под расписку забирает. Вечером назад приводит. Это немцы разрешали. Брать и подкармливать разрешали, чтобы рейху не в тягость. Ночевать было нельзя. Ночевать чтобы в лагере.

Тальбон меня, значит, подкармливал. Лагерная баланда – это чтобы не подох, на ней, если работать, долго не протянешь. У Тальбона жена супы варила, мясо готовила. Она мне с собой давала. Проносить в лагерь еду запрещалось. Обыскивали. Только между ног не обыскивали. Привяжешь туда колбасу и несёшь ребятам в барак.

Он меня и словам французским учил, о жизни до немцев рассказывал. И дошло его доверие до того, что рассказал он мне о французском Сопротивлении. Слыхал про такое дело, нет? Французы, как и мы, партизанили. У них это называлось движением Сопротивления. И сказал Тальбон, что во французских отрядах есть русские люди. Те, которые бежали из лагерей.

Как - русские? Почему он мне тогда дорогу в такой отряд не показывает? Нет, говорит, Иван, нельзя этого делать. Да и не знаю я. Я тебе так, для примера, рассказал, чтобы ты не думал, что все французы бошам покорились. Боши – это такое прозвище французы немцам дали. Как мы называем украинцев хохлами, а они нас кацапами. Почему нельзя? Я за тебя отвечаю. Если ты убежишь, меня на твои нары посадят.

Я, скажу тебе, и раньше думал, как бы тягу дать из плена. Одно держало. Обману я охрану, убогу, а дальше что? Что делать? Куда иди? Теперь-то мне понятно стало, что и куда. Начал я ждать случая. Так убежать, чтобы Тальбона не подвести.

Тут ещё история случилась. Как тебе сказать? Любовь, что ли?

Крановщица в заводе была, в нашем цехе как раз. На мостовом кране работала. Знаешь, небось, мостовой кран? Бревно такое железное под крышей от стены до стены переброшено. На нём кабина и крюк. В кабине сидит крановщица и над цехом ездит. Кому какую тяжесть поднять и перенести на крюк цепляет. Знаешь, да? У вас на заводе такой? У всех такой. Ничего ему взамен пока не придумали.

Так вот, девочка чернявенькая там сидела. Джулией звали. Юлька по-нашему. Итальянка. Из Турина. Не из самого Турина, а из городка, что ли, или из деревни рядом. На год меня старше. Она, как и Тальбон, тоже не из пленных, но и не так чтобы вольная. Из пригнанных. Италия была союзницей Гитлера, какие там пленные? А набирали на работу в Германию, она и попала.

Ездит себе на кране и ездит, мне бы какое дело? Да слово за слово, взгляд за взгляд. Я улыбнулся, она мне улыбнулась. Я пошутил, она рассмеялась. Чувствую я, тянет меня к этой Джулии. И она, как что, воздушные поцелуи мне посылает. Короче, сошлись мы.

Она, хотя и не такая вольная, как Тальбон, но препятствий ей, как пленным, не было. Выходной день проводи по своему усмотрению. По воскресеньям мы и встречались.

Она к Тальбону приходила. Песни пела. У неё голос был очень хороший. Я таких голосов больше и не слышал. Потом к себе стала приглашать. Она у французской хозяйки комнатушку снимала. Хозяйка против меня не возражала. Я ей чем нужно по дому помогал. Буфет ли переставить, чайник ли залудить.

Так Джулия всё мечтала, как мы после войны заживём. Улыбка во всё лицо. Руками размахивает. Поедем к ней в Турин. Но лучше в Милан. Милан большой город, там работу найти легче. Вечерами будем ходить оперу слушать. Можно и в Геную. В Генуе море красивое. Видел, Иван, когда-нибудь море? Какое там море? У нас в селе только пруды с карасями да лягушками. Джулия смеялась. Всё увидишь. Весь мир увидишь. Другую жизнь увидишь. У тебя руки умелые. Тебя везде возьмут.

Послушаешь ты, Сашка, дядю Ваню и скажешь: «Да у тебя там не плен был, а курорт с девками!» Что было, то было. И одного нахлебался, и от другого не отказывался. Война – войной. Молодость – молодостью. И война своё брала, и молодость своего требовала.

Несколько месяцев мы с Джулией на свидания ходили. Сорок четвёртый год. Союзники вот-вот откроют второй фронт. У Тальбона глаза сияют, шепчет о близкой победе над фашистами.

Джулия как-то опять заговорила про жизнь в Италии.

- Почему в Италии, Жуля? Давай после победы махнём к нам в Россию. Россия огромная. Где захотим, там и будем жить.

- Не поеду в Россию!

- А я в Италию не поеду!

- Не любишь меня?

- Люблю. А по родине тоже скучаю.

- Нельзя тебе на родину. Сейчас нельзя.

- Почему?

- Ты газет не читаешь? У вас Сталин приказал всех, кто был в плену, сажать в тюрьму до самой смерти.

Московский BAZAR, № 1 (15) 2015 г.

- Брежут газеты. Не может такого быть, чтобы русского человека, который в немецких лагерях настрадался, намыкался, в России опять в лагерь бросили! Ты сама подумай! Нет, я после войны – только в Россию!

- Посадят. Или расстреляют.

- Не верю!

- Глупец! Глупец! Глупец! Как ты учил меня, по-русски «глупец»? Ду-рак? Ду-рак ты, Ваня! Вот и всё!

Так и расстались.

Тут союзники начали готовить наступление. Бомбили Мец и окрестности. Завод не трогали, для себя берегли. Но бомба, понимаешь-нет, не думает, куда ей лететь, а куда не нужно. За каждой-то не уследишь. Несколько шальных в заводские цеха всё-таки попали. Попали так, что разворотило наш с Тальбоном участок. Тогда начались разговоры, чтобы нас, кто не при деле, переправить на другой завод, в Германию. Тальбон забеспокоился. Не хочу, говорит, чтобы тебя в Германию отправили. Пошёл как-то договорился с начальством, чтобы меня, пока цех восстановят, отдали прислуживать на ферме.

Это что за невидаль такая? Это, Сашка, вот что. В Германии, как у нас, всех мужиков из деревни повыгребли. Кого на фронт, кого на заводы. Армию кормить тогда кто должен? А рабочих? Да хотя бы и нас, лагерных? Одни только бабы, получается. Баба разве в одиночку хозяйство вытянет? Баба – это баба. Какая она ни будь. Хоть русская, хоть немецкая. А мужик – это мужик.

Потому к лагерному начальству, как ни день, с ферм приезжали хозяйки. Дай, мол, начальник, в помощь работника. Сперва никого не давали. Потом кто-то главный разрешил давать французов или поляков. Русских не давали. Не знаю почему. Убегали, небось, русские часто. Или такое может быть, что боялись фашисты за чистоту немецкой крови. Подгадит русский фюреру с какой-нибудь крестьянкой.

Вначале давали работника только на день. На ночь нужно было привозить обратно.

К сорок четвёртому году, однако, немец сильно изменился. Геббельс речи говорил. Да речами землю пахать не будешь. Разрешили брать и нас, восточных, и работника на ночь оставлять, но запереть в сарае на замок.

Вот меня такой хозяйке и передали. От Форбаха с горы в долину километров двадцать.

Я тогда Тальбону сказал, что всякое, мол, может случиться. Не понравлюсь хозяйке. Где бы тогда приют найти? Он мужик умный, понял, что я сбежать задумал, да и пристроил он меня на ферму, понятно было, для этого и назвал адресок, кого спросить и что сказать. Я ведь давно догадался, что он тоже в Сопротивлении участвует. Навроде связного и сведения собирал. И Тальбон видел, что я догадался.

Какая это пора была, чтобы не соврать? Весна. Весна сорок четвёртого. В деревне самая работа. На весну-лето меня в батраки и наняли. А там – как выйдет.

Что мне, деревенскому парню, сельская работа? Да ничего! Самая моя. Пахать, сеять, хлевы чистить.

Немка, хозяйка, казалась мне старой. Было ей лет тридцать. Или чуть за тридцать. Дочка у неё. Маленькая. Пацанёнок ещё меньше. Поначалу шарахались от меня. Им-то говорили, что русские – чудовища с рогами. Отец-старик тоже на ферме жил. Старшая сестра её приходила помогать.

Выдала мне хозяйка из мужниного барахла брюки, рубаху, пиджак, кепку. Ботинки не взял. Куда? Велики. Ноги враз собьёшь. Босиком тогда. Одежка висит, но всё лучше, чем в лагерной робе.

Да... Ты уж мужик взрослый, можно и рассказать. Как это называется? Ну, вроде, возлюбила меня эта немка. Времени с месяц прошло. Замечаю, она всё ко мне да ко мне. То юбку выше колен задерёт как бы случайно, то наклонится ко мне и голые сиськи почти все наружу. Соблазняет, что тут думать? Бывало и по-другому. Сам рубаху снимешь, чтобы не портилась от пота, а она подойдёт, впялится глазами жадными.

Я – никак. На хрен ты мне нужна! Голову из-за тебя терять, когда уж слышно, как на западе американские пушки забухали?

Она тогда что придумала. Зовёт вечером. Мой муж, говорит, на русском фронте пропал. Верю, что жив и в плену, как и ты. У вас пропал, из-за вас. Ты – русский. Давай мне, мол, за мужа должок. Давай... Как это сказать, чтобы не грубо? Не знаю. Короче, давай! Не то заявлю в полицию, что пытался меня изнасиловать.

У немцев с этим строго было. Не дай бог их бабу пальцем тронуть! Пулю тебе без разговоров.

Думаю про себя, ведь заявит! Не любят, чтобы мы им перечили. Ладно, твоя взяла. Мне без выхода. Сделал, что просила, уходить хочу. Она – куда, мол? Я тебя не отпускала. Ещё! А, мать твою, подавись! Свободен теперь? Отдохни, вина возьми попей. Ещё! Завтра мне справку напишешь, что хорошо с тобой обращалась. Я её американцам предъявлю, чтобы не трогали.

Назавтра я от неё убежал. Пусть тебе какой-нибудь американец справку пишет! Адрес, который назвал Тальбон, помнил. Туда и пошёл.

Идти недалеко. Как у нас до райцентра. Но белым днём – куда ты пойдёшь? В лес забежал, забрался подальше – ночи дожидаться.

Хозяйка эта, ну, баба, короче, тоже накануне велела травы по луговинам накосить и привезти, скотине на корм, понятно. У меня телега стояла готовая. На рассвете лошадь запряг. Я, мол, за травой, как велела. Поезжай! Высоко не грузи, чтобы лошадь не надрывалась! Проверю! Будет сделано, фрау!

Лошадь на поле вывел, а сам – к лесу. Кто и окликнет – по нужде пошёл. Да не было там никого.

Накосить воз травы – работа не быстрая. Телега стогом – часа на два с половиной. Хватятся меня, стало быть, часа через три. Но, убегу я, лошадь постоит, постоит одна, и побредёт к дому. Хватятся, значит, раньше.

Хозяйка тоже не сразу на меня заявлять поедет, сперва начнёт искать, не случилось ли чего. Где искать? Я ей одно место назвал, а поехал на другое. Куда за мной идти? Слева лес, справа лес, впереди, вдали, тоже лес. Пока шум поднимет, часов шесть пройдёт. За шесть часов я далеко уйти смогу. Да и не даст ей никто: нет больше у немцев сил за каждым беглым солдат посылать.

Вечером пришёл по адресу. Дом чуть в стороне от других. Посидел. Патруля нет. Никого нет. Подхожу. Стучу в дверь. Раз, два. Раз, два, три. Раз, два. Раз, два, три.

- Кто такой?

- Бонжур! Попить не дадите?

- Вам воды или молока?

- Лучше вина.

- Заходите!

- Русский? Откуда?

- Из Форбаха.

Меня в подвал. Схорониться. Просидел, принесли одежду. Переоденьтесь. Вас могли заметить. Могут прийти с обыском. Пойдёмте!

Выводят через заднюю дверь. На улице встречает женщина:

- Если что, никуда не бежать. Обниматься и целоваться.

Идём с ней, как гуляем. Приводит в другой дом. Придётся побыть здесь некоторое время.

Сколько дней прошло? Не помню теперь. То, что не один, это да.

Как-то хозяин приносит мешок. Залезай, мол. По кой? Спрятать. Повезут дальше. Уложили меня в мешке на подводу. Сверху ещё мешков. Привезли по-нашему на хутор. Здесь тихо, мы здесь пленных прячем. К партизанам когда? Подождать, месье, подождать.

Парень приезжает. Остроносый, кудрявый. Мы вас, Иван, в русский отряд переправить не сможем. Союзные войска наступают. Немцы кордонов наставили. Опасно. Если желаете, можете вместе с нами сражаться за освобождение Лотарингии. Чего же мне не желать? Желаю!

Я за вами приеду, Иван!

Нет никого. Кто же так воюет? Мне ждать – хуже, чем в лагере. На свободе, а толку?

Приезжает. Как его? На имена с памятью теперь совсем плохо. Гастон - не Гастон?

В Париже готовится восстание против немцев. Нужно поддержать парижан. Нужны опытные бойцы. Вы, Иван, стрелять умеете? Я – сержант стрелковой роты. Там что делать, если не стрелять? Мы будем группами пробиваться в Париж. Не согласитесь ли вы идти с нами? Да вы, Гастон, с вашими пардонами надоели уже. Давай винтовку скорее!

Восстание какое? Хреначь немцев где ни попадя! Такое восстание. Немцы в форме, французы в обычной одежде. Как перепутаешь? С чердака на чердак перебегаем, с чердаков по немцам лупим.

Потом парад. Я на улице стою, где весь народ. Кричат: «Де Голль! Де Голль!» Дядька впереди колонны идёт. Длинный, носатый. Фуражка необычная. Не как у нас или немцев блином, а – вёдрышком. Рядом совсем прошагал. Вон, как до двери. Будущий президент и национальный герой. А мне что?

Американцы тоже проехали. Ни одного американца не видел, чтобы за Париж бились. Но проехали. Наши тоже на параде шли. Наши в Париже немецкие танки били. Говорили, что это де Голль приказал, чтобы русские обязательно принимали участие в параде. И чтобы с советским флагом. Я там к своим и примкнул.

Хорошее дело сделали. Дальше что? В Париже красиво. Мне бы там что делать? Французы! Мол, на фронт давай нас! Гитлера добивать. Не можем распоряжаться гражданами другой страны, месье. От советского командования нет никого. Передавать вас некому. Понимаешь, какое дело. Такой, Сашка, был бардак. Гуляй куда хочешь!

Ну, гуляйте! К сентябрю вся Франция свободна. Делать тут нечего. Пойду я к Гастону. Лотарингию освободить. И товарищи, опять же, в лагере остались.

В Лотарингии меня немцы и поймали. Документы? Какие у меня документы? Никаких у меня документов. Работал у хозяйки. Она отказалась. Не знаю теперь, что делать? Тебе надлежит вернуться в лагерь. В лагерь? Спасибо! Так я пошёл? Halt! Цап меня - и обратно в Форбах. Порядок такой – за побег в карцер. Меня по порядку. А так - там уже не до пленных. Союзники Мец штурмуют.

Потом в лагерь пришли американцы. Зима, декабрь сорок четвёртого. Счастье было. Никто не плакал. Слезы сами текли. Вот так, Сашка, моё окружение и закончилось. Американцы вывели.

Перевели всех в казармы в Буле. Тут уж советский представитель приехал. Взяли нас, своих, на учёт. От остальных отделили и перевезли в другое место, от Парижа недалеко.

Во Франции к нам относились – лучше нельзя. Выстояли в немецком плену, выжили. Герои! Радуются нам, улыбаются, обнимают. «Рюс! Камрад! Шер ами! Рюс! Кюшать!» Что

делалось, когда Германия подписала капитуляцию, я и не предам! Танцы, музыка, все целуются. Большая радость.

Да. Так и было...

Из Буле нас под Париж, из Парижа – в Марсель. Порт Марсель. Сказали, вроде того что на корабле отвезут в Одессу. Пока сидеть в том Марселе и ждать транспорта. Я скажу тебе, русских, что в Париже, что в Марселе было – до чёрта! Эмиграция, так говорили. Они, эмигранты, нас и приютили.

Я жил у профессора из Ленинграда. Уехал с женой из России в двадцатые годы. Это он дома был профессором, а здесь торговал. Жил он с дочкой, моего года рождения. Куда делась жена – не говорил. Я не выспрашивал. И умереть могла, и найти себе другого тоже могла. Но фотографию видел. Красивая женщина. Дочка в маму удалась – хорошенькая.

Профессор говорил, что, мол, у них в семье был обычай – называть мальчиков в честь царя. Поэтому он – Николай Александрович. А дочь, она родилась уже здесь, Светлана. Это воспоминание о родине. Он говорил, что стихотворение есть про Светлану у какого-то русского поэта. Не помню у какого. Он говорил, но я уже не помню.

Я всё спрашивал, что нас на родину не везут. Профессор объяснял, нет, мол, какого-то нужного соглашения между СССР и Францией. Идут переговоры. СССР требует, чтобы Франция возвратила всех советских граждан со своей территории, а Франция что-то возражает. Летом, в июне, Николай Александрович говорит: «Дождались, Иван! Скоро вас отправят».

Американцы прислали корабль. Мы теперь не военнопленные, а перемещённые лица. Не граждане Советского Союза, а какие-то перемещённые лица. Ладно, нам бы хоть какими лицами до родины добраться.

Первую партию нашего брата взяли, увезли. Нам ждать, пока корабль вернётся за второй. Я во второй. Приходит известие, что корабль-то – фють! В Россию не поплыл, а уплыл в Америку. Всех теперь возвращать будут сухим путём, по железной дороге. Пока опять ждать.

Объявили нам день отъезда. Быть на вокзале с вещами.

Николай Александрович как-то вечером приглашает меня к себе в кабинет:

- Иван! Мне с вами поговорить нужно.

- Да, Николай Александрович.

- Вопрос у меня тонкий, Иван. Деликатный. Вы отвечать на него не торопитесь.

Подумайте. Всё взвесьте.

Он, видно было, волновался. Пальцы места не находили. Бегали пальцы.

- Вот какое у меня к вам дело. Я хотел бы предложить вам остаться.

- Где остаться?

- Здесь, в Марселе, во Франции.

- Зачем?

- Чтобы жить, Иван! Жить в этом доме. Со мной и со Светланой. Я, как ни прискорбно это сознавать, немолод. Сколько мне ещё отпущено, неизвестно. А у меня юная дочь. Я должен о ней позаботиться. Я всегда мечтал, чтобы она вышла замуж за русского человека. Вы мне понравились. И Светлане понравились. Оставайтесь! Женитесь на моей дочери и наследуете моё дело. Я ведь не бедный человек. Вам не придётся начинать с нуля. Поступите в университет, и я оплачу ваше обучение.

Для чего вы в Россию поедете? Жизнь свою молодую загубить поедете! Не вечно большевики будут над русским народом измываться. Свергнет их народ. Тогда и вернётесь. Вместе со Светланой вернётесь.

Не отвечайте мне сейчас. Подумайте. По ночам, в тишине, хорошо думается. Утром, после завтрака, вернёмся к разговору.

Я сразу решил, что не останусь. Зачем мне Франция, если у меня есть Россия? Но как сказать, чтобы не обидеть людей? Люди хорошие, добрые. Отношение ко мне хорошее.

Утром попили кофе. Николай Александрович встаёт из-за стола:

- Пройдёмте, Иван!

Неудобно мне. Отказывать нужно. Нехорошо получается. Николай Александрович это понял.

- Можете ничего не говорить, Иван! Ответ написан в ваших глазах. Вероятно, ваше решение представляется вам наилучшим. Пусть так! Но, по-моему, по-отцовски, – дурак вы, Иван! Большущий дурак! Не обижайтесь!

- Спасибо вам за всё, Николай Александрович!

На поезд в Россию они проводить меня пришли. Тогда много народа пришло. И наших, и французов.

Приезжаем в Польшу. «Вылезай из вагонов!» Вылезли. Поляки давай наших палками, дубинками хреначить. За что били? Почему набросились? За то, что их землю Красная армия освободила? Не знаю, Сашка. Злости в них много было. Пока солдаты подбежали растаскивать, они многих покалечили. Дорогу плохо помню, а этот случай помню.

Не напутать бы мне. Тут ли, в Польше, или в Белоруссии - опять лагерь. Наши сделали. Всех туда. Месяц сидим. Проверяют личности. Кто такой, в каком звании, где служил, не сам ли в плен сдался, где у немцев работал, кем работал? Ищут полицаев, власовцев, тех, кто воевал за немцев. Если офицер, уводят и увозят. Не знаю куда. Короче, понятно.

Проверили. Выписали документ. Можно домой? Какое - домой! Искupать вину перед Родиной. В плен попали. Виноваты. В распоряжение наркомата обороны теперь. В рабочий батальон.

Так и вернулись мы на Родину. В августе сорок второго увезли под конвоем. В августе сорок пятого привезли под конвоем.

Сейчас-то уже спокойнее, а раньше нет-нет да и кольнёт кто-нибудь. Да ты в плену сидел? Что же ты живым сдался? Думаешь про себя: «Сукин ты сын! Тебе бы там посидеть! Тебе бы попробовать живым не сдаться!» Жить хотели. Выжить во что бы то ни стало. Это что за преступление – хотеть жить? Объясни, ты молодой, грамотный, по какому праву чужой дядя жизнями миллионов других людей распоряжался? «У нас нет пленных, у нас есть предатели». Один сказал не подумавши. Другие за ним повторяют не подумавши.

Начали бы все стреляться, как Сталин желал. Толк в этом какой? После войны каждый мужик на счёт. Страну поднимать. Детей рожать. Перестрелялись бы мужики – где других взять?

Тогда я об этом не судил. С годами засомневался. Тогда – в рабочий батальон, так в рабочий батальон. Нужно страну восстанавливать. Пойдём восстанавливать! Домой написал, что живой, но скоро чтобы не ждали.

Сперва дороги делали. До холодов, до дождей. Потом – через всю страну – в Ташкент. Ташкент отстраивать. Из Ташкента – в Москву. Привезли в Петровское. Отобрали шестьдесят человек. Мне: иди, мол, старшим над ними. Куда пошлёте? В Симу поедем. Знаешь Симу? Твои ведь места. Большое село, как же, знаю. А там куда? На лесозаготовку всех.

Жорников над нами был начальником. На фронт не ходил. В тылу всю войну. Помыкал нами, унижал, ой, гад! Мы, как бы тебе сказать, холопы у него. Там ему послужи, то ему сделай.

Стал я у Жорникова проситься в увольнение. Отпусти, мол, начальник на 1 Мая домой. Праздник. На рассвете уйду, а на другой день к восьми часам обратно. Пять лет дома не был. Мать увидеть.

Он давай кобениться: «Ты мне новую тележку к празднику сделай, чтобы я в новой тележке мог свою дамочку катать. Тогда отпущу».

Так меня это заело! Хрен тебе, а не тележку! И убежал.

Из Симы до нас, ты знаешь, когда по прямой, то недалеко.

Дошёл. Захожу в село от Калитеева, через прогон. Вижу, Толька Бармалей из магазина выходит. У него от четвертинок аж пиджак топорщится. «Ванька! Ты? Заждались! Пошли ко мне! Выпьем от такой радости!» - «Давай ко мне! По матери соскучился».

Мать обнял. Не плачь. Вернулся. Она картошку в мундирах на стол, хлеба, первого лучка принесла, чесноку начистила. Сырых яиц дала на закуску. Пошла к печи пироги ставить. Помнишь бабы-Дунины пироги? Мать твоя всё смеялась: «У бабы Дуни пироги – с лапоть. Одним наешься». Напекла. Вот и праздник.

Выпиваем, разговариваем. Толька и спрашивает: «Чем заниматься теперь будешь?» - «Мне всё одно чем. Я ведь убежал». - «Тут в Ставрове завод открылся. Пойдём туда работать! Там всех берут, ничего не спрашивают».

Принимают меня без звука на работу. Время проходит, дознаётся начальство, что я беглый. Вызывают.

- Дурак ты, Ванька, что убежал! Тебя искать будут и найдут. За самовольное оставление места работы – от пяти до восьми лет лагерей. И нас по головке не погладят. Ты в рабочем батальоне по линии наркомата обороны? Езжай в военкомат и сдавайся!

Поехал. Объяснил, почему убежал. Дело возбуждать не стали, но отработать, сказали, придётся. В колхозе, значит, не работа? Твоя работа там, где государство сочтёт нужным. И много не разговаривай! Себе приключений не ищи. Ну-ну! Я что, против? Так, спросил. Спросить нельзя?

На этот раз заслали меня на север – в город Пошехонье-Володарск. За Рыбинском, ближе к Вологодской области. По Рыбинскому морю ехал. Опять в кузнице. Начальник отдела кадров Чуткин Володя был. Приходит раз. «Веденеев! Ты же мужик!» - «Я – мужик и ты – мужик. И что?» - «Возьми бригаду! Узкую дорогу строить».

Дал мне сорок человек. Они чуть что: по-русски не понимаем. Сядут на корточки и сидят. Много ли с ними настроишь? Техники никакой. Топоры да пилы. Ломы да лопаты. Кобыла с телегой. Лес валишь – на пузе таскаешь. Каторга, скажу тебе, а не работа.

Там охраны не было. Конвоиров не было. Заставлять работать некому. Когда надзора нет – всё можно. Хочешь спи, хочешь водку пей.

Я говорю прорабу: «Знаешь, что? Я убегу отсюда! Лучше в Сибири пять лет за провинность отсидеть, чем здесь через год без вины сдохнуть». Он на меня начальнику отдела кадров донёс. Тот к себе зовёт.

- Веденеев! Ты – мужик! Что-нибудь придумаем.

- Что придумаем? Долго мне здесь ещё мучиться?

- Ты вот что. Тут мануфактуру прислали на деньги, что вы наработали, возьми!

- На кой она мне нужна, эта ситца?

- Ступай в выходной в город, на рынок, продай! Потом ко мне зайди!

В выходной сделал, как Чуткин велел, возвращаюсь.

- Здорово!

- Здорово!

- Ну как?

- Продал ткань. Бутылочку взял. Давай махнём?

- Поди купи ещё щучку килограмма на три и ко мне домой приходи.

Там, на Рыбинском море, щук этих! У нас в реке ершей столько нет, сколько там щук. Взял я свеженькую, прихожу. Чуткин рыбу жене отдаёт. Пожарь, мол, на закуску.

Выпили по стопке. Я за своё:

- Сколько мне тут ещё гнить да комаров кормить?

Он мнётся. Так и так. Я – что так и так?

- Ты ведь на учёте, Иван. В списках наркомата обороны. С военного учёта тебе сняться нужно. Тогда вопрос и закроется.

- Как же я с него снимусь?

- Давай сто рублей денег.

- На вот!

- Приходи в понедельник к вечеру. Всё будет в порядке.

Точно. Сделал Володя, как обещал. Вручает мне в понедельник бумагу об освобождении и справку, что «уволен по собственному желанию». Подпись - начальник отдела кадров Чуткин. И печать. Всё по закону. Не придерёшься.

Спасибо! Обнялись. Я на пароход и назад, домой, на родину.

Какая у меня специальность? Кузнец. Самый богатый и самый счастливый, как мать говорила. Вторым кузнецом к Андрею Лазареву в деревенскую кузню и пошёл. В правлении свои бумаги показал. Не тревожьтесь, мол, нет за мной никакого проступка. Так бы и работал. Но люди наши, сам знаешь, какие. Бдительные. Им бы какое дело? Бумаги в порядке – и шёл бы ты в гору лесом! Нет. Отправили запрос в военкомат. Подтверждаете ли? Оттуда отвечают: не подтверждаем. Документов с места отбывания повинности не получали.

Я знаю, почему не получали? Мои документы – вот они! Нет, Иван Васильевич! Ты давай-ка пока из колхоза увольняйся. Прояснится, что да как, придёшь, отказа не будет.

Что я сделаю против власти? Подрядился стадо пасти. Да не у нас, а через два оврага, в Кормилкове, откуда Иван Рыбин. Говорил тебе, помнишь, с которым у немцев, в Меце, встретился?

Приходит мне повестка. Еду, предъявляю бумаги. Хорошо, езжай домой. Мы проверять будем. Тогда ещё вызовем. Но не к нам поедешь, а в отдел НКВД. Наркомат обороны рабочими батальонами больше не занимается, людей раздали по другим наркоматам, а контроль и учёт остался за НКВД.

Время проходит, вызывают в НКВД. Я им везу справку, что Чуткин подписал. «По собственному желанию». Ага! Всё вроде в порядке. Езжай домой!

Через месяц опять вызывают. Сделай нам копию со своей справки.

Через два – новая повестка. Никаких других документов при себе нет? Справка об освобождении ещё есть. Что же ты её сразу не показал? Как не показал? В военкомате сразу показал. Нам тоже нужно было показать.

Всё. Больше не трогали. Закончилась моя война. Вышел из плена. Сорок седьмой год...

А в сорок восьмом я уже на Тоньке женился. Глянь в окно, не идёт она?

Вот так-то, Сашка! Такое мне выпало приключение. Тут тебе и де Голль, тут тебе и родина. Правильно жили? Не правильно?

На той неделе стою в магазине за сигаретами. Заходят двое. Не наши. Городские, из новых. Обошли прилавки, мне слышно, что говорят.

Один смеётся:

- Товара в деревне стало полно. Жрачки завались. Жизнь другая.

Второй ему:

- Жизнь другая. Народ тот же. Как сидели в Стране дураков, так там и остались.

Московский BAZAR, № 1 (15) 2015 г.

Взяли пива, пошли на выход. Я за ними. Сильно меня обидели эти слова. Мы что же, в войну Страну дураков защищали?

На крыльце окликаю:

- Слышь-ка!

- Чего?

- Был бы я помоложе, морду бы тебе набил за такие слова.

Он, вижу, взбесился. Думал, ударит:

- Был бы ты помоложе, я бы тебя тут сам уложил, чтобы рта не раскрывал, когда не спрашивают. Ты, дед, видно, дураком всю жизнь прожил. Ничего вокруг себя не видел, что почём не понимал. Ты и есть - житель Страны дураков.

Я, Сашка, может, мало понимаю. Я, может, и вправду дурак. Но себе так рассудил. Если родина тебе как любимая, на что тогда другую искать? А не любимая – ступай на все четыре стороны, не мутит тут. Если как любимая, то куда от любимой денешься? С ней всё сладко. Без неё всё горько. Вот так. И больше ничего.

- Налей-ка мне ещё! Вот по сих. Хорош! Хорош! За твоё здоровье выпью и побег. Тонька сейчас вернётся. Не найдёт меня, на всё село орать будет: «Куда старый чёрт подевался?» Ну ты знаешь. Вот глотка-то у кого! Что труба в оркестре.

Он залпом выпил, дожевывал давно посаженную на вилку колбасу, откланялся «Привет Москве!» и, приваливаясь на правую ногу, зашагал из комнаты.

К старости полюбил дядя Ваня выходить на лавочку перед домом и глядеть на село. Неспешно курил, вынимая из красной пачки «Примы» сигаретку за сигареткой. Я смотрел на него через окно и знал, что не нужно тревожить человека. Глядит он на свою родину и наглядеться не может. Всё знакомо вокруг на километры. Всё мило. Напротив магазин. Чужие лица редко. Летом гости чьи-нибудь. Или так, заезжие. Свои годами, сумки проверять не нужно, берут одно и то же. Хлеб, колбаски чуть-чуть, карамели или пряников, сигареты и вино. Там, вспомнить, с друзьями за всю-то жизнь, сколько рублей на выпивку потратили! За магазином, по улице, кладбище. Там отец с матерью. За кладбищем поле. Аэродром раньше был. Там потом колхозных телят пас. За полем еловый бор. Туда ель пилить ездил на бревно для бани. За ельником, вниз, луговина. Лучший в хозяйстве сенокос. Там стогов намётано, пока в силе был, без счёта. За луговиной река. Там рыбу мальчишками в тростнике руками ловили. Через реку мост. От него пыльный просёлок, в гору, в соседнюю Чувашиху. Через неё напрямик в Чёково. От Чёкова рукой подать до Небылого, бывшего райцентра. Туда, по накатанной грузовиками колее, уходил за своей военной судьбой.

В последние годы, как я понимал, начал дядя Ваня видеть перед собой какую-то иную действительность. Он перестал узнавать знакомых и даже кое-кого из родных. Не узнавал меня, а когда его, развлекаясь, спрашивали: «Кто это?», виновато тряс головой и говорил: «Не знаю». Он часто переходил на немецкий язык и что-то бормотал на нём себе под нос. Жена отнимала у него сигареты. Он, не понимая, наверное, где находится, бросал незатушенные окурки на пол, и все боялись пожара. Тогда он выходил на крыльцо, окликал прохожих, прикладывал к губам два пальца, показывая, что хочет курить и приговаривал: «Цигареттен, цигареттен».

Хоронили Ивана Васильевича Веденеева тёплым декабрём 2008 года. Мужики копали могилу и радовались, что земля не мёрзлая.

ДЕТСКОЕ ЧТЕНИЕ

Виктория Лукина

(Харьков, Украина)

ЖИЛО-БЫЛО СЧАСТЬЕ

Жило-было Счастье – тихое, маленькое, ничейное. Оно не знало, как и для кого появилось на свет, и поэтому часто грустило у окошка своего воздушного лучезарного замка. Счастье верило, что рано или поздно кто-нибудь обязательно отправится на его поиски и непременно отыщет, отважно преодолев все-все преграды на пути.

А преграды были нешуточные: высоченные, до самых небес, Горы Непосильной Работы, и бушующее горько-солёное Море Разочарований и Слёз, и ледяная Пустыня Одиночества, а ещё зловещие ночные тени Пороков и Соблазнов, и смертельные Обида, Усталость и Тоска. Маленькое Счастье, словно путеводная звёздочка, светило в тьме, но никто не спешил к нему. Его окружали серебряные зеркала и негаснущие свечи, оберегали седые туманы и учили уму-разуму мудрые созвездия.

- Каждое утро пей солнечный свет – будешь полным! – говорила Дева.
- В пасмурную погоду не выходи из дома - будешь безоблачным! – подсказывал Водолей.
- Чаще смотри в зеркальные коридоры – будешь многогранным! – твердили Близнецы.
- После дождя обязательно гуляй по радуге – будешь разноцветным! – шептали Рыбы.

А Счастье, благодарно прислушиваясь к советам, подрастало и с каждым днём становилось всё совершеннее.

Однажды Ветер Странствий залетел к нему на огонёк и затеял беседу:

- Вот ждёшь ты своего человека, а дождёшься ли? Слишком слабы люди, чтобы пройти весь путь к тебе.

- Тогда, может, мне пойти навстречу, чтобы найти того, единственного? Понимаешь, как только в меня перестанут верить, я расту, исчезну навсегда.

- Попробуй, но учти: необъятное счастье не всякому под силу, большинству людей достаточно лишь счастливых мгновений. Расскажу тебе одну историю. Случилась она во времена, когда на праздники катили с холмов горящие колёса, изображая катящийся по небу солнечный круг, когда одной рукой рисовали они мелом кресты-обереги на домах, а другой держали золотистый масляный блин – подобие дневного светила. В один из тех далёких дней на сине-зелёном острове меж трёх деревьев, поселился волшебник Фелиций - его диковинный терем в одночасье вырос в лесной чаще, словно гриб боровик после тёплого дождя.

Поползли по окрестностям слухи, что долгие годы провёл он в странствиях: учился мудрости у индийских брахманов, постигал с китайскими философами жизненность космических танцев, выводил на бамбуке и шёлке причудливые иероглифы, слушал море вместе с финикийскими мореплавателями и бродил вдоль таинственных линий каменной перуанской пустыни. Одни говорили, что ему сто лет, другие – триста, а некоторые вообще

считали его привидением. Но привидения ведь не поют в полный голос по утрам, не рыбачат у реки и не наблюдают за Луной в специальную трубу. А главное – у них не бывает весёлых, шумных, хохочущих детей, а у Фелиция их была целая дюжина!

Сам он, хоть и старцем седовласым казался, был крепкого сложения и с годами, казалось, только молодел. А уж жена его была красоты невиданной: глаза – что синь небесная, уста – что вишни спелые, ногти – лепестки перламутровые, а волосы – волны золотые! Одевалась она не в бабьи сарафаны домотканые, а в шёлковые, узорчатые одежды до самой земли, на ноги обувала не лапти лыковые, а чудесные башмачки самоцветные с широким гвоздиком под самой пяточкой. Держались они особняком, но, встречаясь с поселковым человеком, почтительно кланялись и всякий раз угощали сельскую детвору – то заморским рахат-лукумом, то орехами, то финиками.

Заглянули как-то три любопытных мужика за сосновый частокол вокруг терема и диву дались: в то время как поздняя осень мокрым снегом накрыла все деревеньки, на подворье Фелиция – лето в самом разгаре. Двор утопает в цветах, у лужайки – озеро лазурное ослепительными искрами плещется, в тени сада – беседка, заплетённая изумрудным виноградом, а загорелые босоногие дети бегают с мячом, играют с толстобокими щенятами и уплетают пригоршнями малину да смородину.

Смекнули селяне, что есть особый, волшебный секрет этого сказочного благополучия и решительно постучали в калитку:

- Доброго здравия, соседка, тебе и твоей семье! – сняв шапки и поклонившись в пояс, сказали они. – Будь добр, научи нас быть счастливыми, а то беды, голод да болезни одолевают. Знаем, что человек ты учёный, поделись с нами своей премудростью! Век будем благодарны!

Улыбнулся старик, открыл резную шкатулку и высыпал на стол гору ярких картинок с узорными краями:

- Смотрите, гости дорогие, перед вами – волшебные пазлы! Каждый из них – лишь миг, нота, мазок, вздох. Но все вместе – цельная картина одного дня, та, которую каждый желает себе. Чтобы создать её, не нужно быть художником, достаточно твёрдо знать, чего хочешь, и проявить упорство. Мужики с удивлением переглянулись, а Фелиций продолжал:

- Каждое утро, на рассвете, я складываю из чудо-пазлов свой предстоящий день таким, каким хочу его видеть: как играют мои дети, как ухаживает за цветами моя любимая, как грозовые тучи обходят стороной мой дом, даже то, что будет на нашем обеденном столе, и какого цвета мотыльки будут кружить в саду. И всё, что я представляю и складываю из крохотных фигурок, обязательно сбывается!

- И мы так хотим!

- Что ж, каждому из вас я дам по шкатулке, но помните: счастье – кропотливый ежедневный труд. В этом и заключается волшебство!

Поблагодарили мужики волшебника за науку и разошлись по домам. Прошёл год, но в их жизни ничего не изменилось. Один был ленив и собирал пазлы не чаще, чем раз в месяц. В этот день обычно в его доме было веселье, а потом опять наступала тоскливая череда будней.

Второй оказался неряхой, растерявшим половину драгоценного дара, поэтому удача и радость посещали его лишь по мелочам – то монетку найдёт, то мозоль болеть перестанет. А третий, всё второпях и кое-как привыкший делать, собирал пазлы обратной стороной, так что и дни его были серыми и унылыми.

Узнал об этом Фелиций, рассердился, хлопнул в ладоши! В тот же миг все сверкающие радужные пазлы выпорхнули, словно птицы, и разлетелись кто куда. Представь себе – до сих пор летают! Людям же теперь приходится собирать своё счастье по крупицам по всему миру, а

Московский BAZAR, № 1 (15) 2015 г.

найдя – не выпускать из рук ни одной, даже самой крошечной детали. Только вот абсолютно полным, безоблачным и многогранно-разноцветным оно теперь не бывает.

- Как это - не бывает? А как же я?

- Наверное, ты - исключение! А Фелисия я до сих пор встречаю то на тёплых островах, то в снежных горах - любитель странствий, как и я. Всё такой же моложавый да упорный, и жёнушка его всегда рядом – вяжет оловянными спицами пинетки да панамки своим прапраправнукам... и ведь по-прежнему – красавица!

Ветер Странствий ласково обнял маленькое Счастье, закружил, защекотал и, присвистнув напоследок, умчался в дальние дали.

Худ. В. Лукина

дождётся меня - я уже лечу ему навстречу!»

Из окошка лучезарного замка с невероятной скоростью вылетел яркий сияющий луч. Словно заблудившаяся комета, он метнулся вправо, влево, а потом взмыл в такую даль, с которой высоченные, до самых небес, горы стали казаться гранитными камушками, а море стало меньше слезинки. Пролетев тысячи километров среди ночных облаков, Счастье опустилось на крышу небольшого загородного дома и, услышав детский плач, не раздумывая, нырнуло в каминный дымоход. В полумраке комнаты зазвонил телефон, и молодая женщина не спеша, с опаской взяла трубку.

- Что? Что вы сказали? – тихо прошептала она. – Кризис миновал?! Будет жить?! Спасибо, спасибо, доктор... это такое счастье!

Ребёнок всё плакал, и она, взяв его на руки, вышла на лунное крыльцо.

- Тш-ш-ш, тш-ш-ш, - роня горячие слёзы, баюкала она малыша, - всё хорошо, теперь всё хорошо - твой папа будет жить, мы все будем жить долго и счастливо...

На сонном небосводе мерцали мудрые звёзды, над прудами клубились седые туманы, цвела маттиола, шелестели листвой старых яблонь юные ветра странствий, а на крылечке задумчиво светилось полное, безоблачное, многогранно-разноцветное Счастье, улыбаясь и строя планы на будущее.

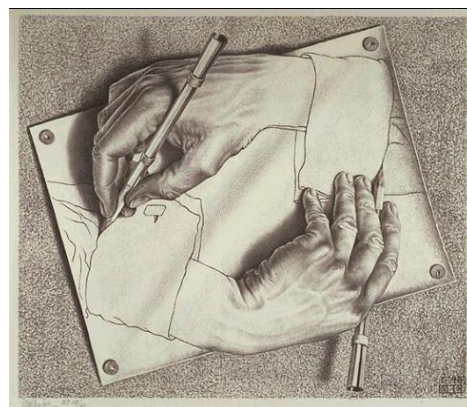
Счастье задумалось: «У меня была мечта стать большим, безграничным, безмерным, но оказалось, что люди не готовы принять меня. Неужели они считают меня иллюзией, фантомом, несбыточным желанием? Но ведь я существую! В таком случае, нельзя терять ни минуты - я отправляюсь на поиски самого несчастлившего человека! Я обязательно найду его и расскажу всё-всё, что знаю о Любви, о Музыке, о Гармонии, я научу его любить свой труд, достучусь до его сердца и стану бальзамом для его израненной души... Правда, для этого мне придётся свернуть Горы Непосильной Работы, переплыть горько-солёное Море Разочарований и Слёз, преодолеть ледяную Пустыню Одиночества... а ещё – развеять ночные тени Пороков и Соблазнов и похоронить смертельные Обиды, Усталость и Тоску. Сильный сумеет сам собрать своё счастье по крупитцам - пазлам, а слабый... пусть только

ЗАПИСКИ НА МАНЖЕТЕ

Ян Кауфман

(МОССАЛИТ, Москва)

Представляем новый жанр прозаической миниатюры – «фотоянчики»: миниатюра к жанровой фотографии.

ФОТОЯНЧИКИ

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Выспросите, откуда появился этот жанр - «Фотоянчики»?

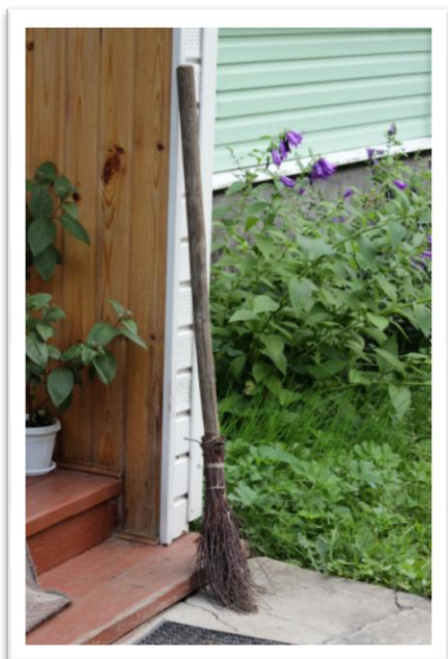
Название, конечно из Одессы! Из той самой одесской жанровой песни:

Ой лимончики, вы мои лимончики,

Где растете? У Сони на балкончике...

А всё остальное из фотосайтов, где оригинальные жанровые фотографии воодушевляют меня на прозаические мини-размышления.

Ваш Ян Кауфман

Метла

Я заметил её ещё издали, одиноко прислонившуюся к косяку открытой настежь двери.

И, хотя поблизости не было ни одной живой души, мне она показалась подобной настоящему охраннику, стоящему незаметно у входа в магазин.

Вместе с тем было видно, что это одиночество и бездеятельность ей скучны, и она с нетерпением ждёт хоть каких-то гостей - званых, чтобы гостеприимно пропустить их в дом, или незваных, чтобы прогнать прочь.

Только почему-то внезапно подумалось:

- А вдруг она ждёт на пороге свою хозяйку – Бабу-ягу, и полетят они вдвоём по своим тёмным делам...

Авт. фото Ольга Романова,
Club Canon

Авт. фото Янгир, Club Canon

Одиночество

*Мне обычно ночами не спится,
Я, наверно, ошибка природы,
Я как старая, нервная птица
Никому не известной породы.
Юрий Шевчук*

Наверно, это обо мне...

С годами оно уже не тяготит, к нему привыкаешь.

Острее начинаешь воспринимать происходящее кругом, и одолевают воспоминания промелькнувшей жизни...

Но всё кончается. Всё чаще пытаешься понять и согласиться с неизбежностью предстоящей пустоты. Может, там всё хорошо и красиво, а может, и мучительно. Всё это фантастические иллюзии веры и надежды, которые откроются сами собой.

Луна с любопытством раздвигает небесный занавес из грозовых туч и поглядывает сверху, словно пытается угадать мои мысли и воспоминания. Вдруг ночной ветер вместе с запахом приближающейся грозы принёс запах детства, запах маминого варенья из абрикосов.

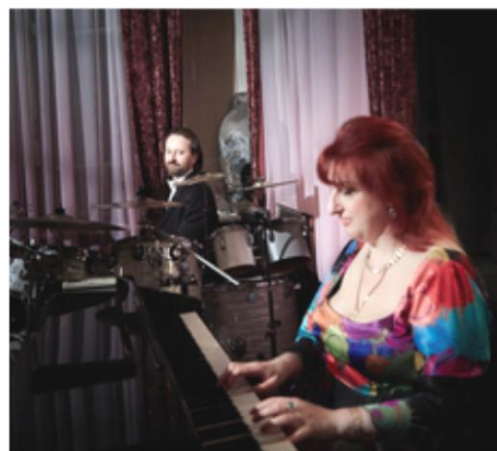
А сегодня я не смогла уснуть потому, что боялась смерти.

Явление Дебюсси

Эта фортепианная мелодия, парящая в воздухе, внезапно оторвалась от земли и дошла до иного неведомого мира. И душа Клода вспомнила её, давно забытую пьесу «Остров радости», написанную для его любимой Эммы... Отрывочные воспоминания той, прежней жизни промелькнули какими-то аккордами божественной музыки. В душе композитора смешались воспоминания далёкого прошлого: брызги морских волн и праздничное веселье острова радости, танца и любви, острова самой богини Афродиты...

Ах, как это давно было!

Певучесть и широта исполняемой мелодии с первых звуков так заморозили самого композитора Клода Дебюсси, что он явился с благодарностью взглянуть на пианистку...

Авт. фото Петр, Club Canon

Маленький солист по кличке Августин

Как-то, гуляя по старой Вене, я очутился на маленькой площади, главной достопримечательностью которой была небольшая таверна. Ещё за квартал на подходе к ней я услышал мелодию старинного шлягера «Ах, мой милый Августин, Августин, Августин!» и сильный голос вокалиста, подхватившего эту мелодию без слов.

Он продолжительно пел одну ноту, меняя только тембр голоса, и эффект, производимый этим пением, был поразителен!

Подойдя к таверне, я увидел, сидящего у входа музыканта-зазывалу, колоритного австрийца в тирольской шляпе. Он играл мелодию известного

шлягера одновременно на губной гармошке и мини-гитаре. На коленях у него сидел мопс, который и оказался солистом. Морда пса была настолько выразительна и осмысленна, словно он ясно понимал всю трагичность исполняемой мелодии. Мне так и послышалось в его жалобном скулении:

«Ах, любимый Августин. Всё пропало, всё пропало...»

Авт. фото Петр, Club Canon

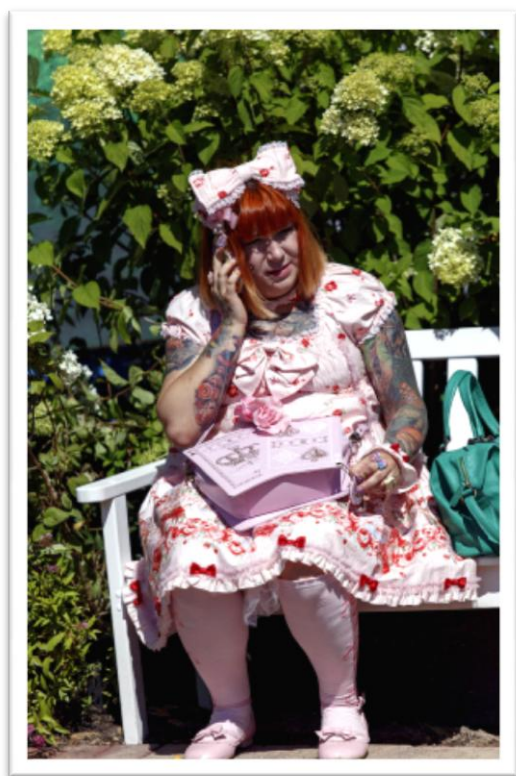
Авт. фото Петр, Club Canon

Дирижёр с Брайтона

Сидя на маленьком раскладном стульчике, пожилой аккордеонист уныло наигрывал грустные еврейские мелодии. Лицо его не выражало никаких эмоций и казалось каким-то безучастным, бесстрастным и усталым. Утренний Брайтон только просыпался, и лежащий у ног музыканта пакет для пожертвований был ещё пуст.

И вдруг какое-то необъяснимое музыкальное чутьё заставило аккордеониста приоткрыть глаза.

Пред ним стоял непонятно откуда появившийся юный дирижёр. Глаза музыканта широко раскрылись, лицо озарила широкая ласковая улыбка, и он заиграл «Ах, Одесса, жемчужина у моря».

Авт. фото Monarh, Club Canon

Встреча со сказкой

Обычное летнее утро. Пудель Артемон нетерпеливо топал всеми четырьмя лапами у двери и поскуливал. Мы вышли из подъезда.

Погода стояла сказочная... Сказочно светило солнышко, зеленела травка, щебетали о чём-то птички. Вдруг Артемон вместо исполнения своих привычных обязанностей у любимого столбика настойчиво потянул меня за поводок в сквер. Я еле поспеивал за ним.

О боже! Уже издали я узнал её, прекрасную Мальвину, сидящую на белой скамье в яркой зелени кустов, усыпанных белыми цветами. Она была неотразима в своём цветастом платье с рюшечками и красивым бантом, который так шёл к её очаровательному личику! Конечно, с тех давних пор она несколько изменилась, но появившийся золотистый цвет волос и живописные татушечки на ручках её только украшали.

Какое-то шестое чувство заставило меня остановиться вдалеке. Артемон же, потянув поводок, устремился вперед к Мальвине и обнюхал её. Поняв, что эта встреча ей безразлична и она продолжает нежно ворковать с кем-то по мобильнику, он справил нужду под её скамейкой и потянул меня домой.

Ночью во сне мы с Артемоном почему-то всё время вздрагивали и поскуливали.

Александр Белугин. Четыре Евангелиста, 2000, холст, масло, 120 x 100 см

СТОЛИК У ОКНА

Рубрику ведёт Анна Народицкая

(МОССАЛИТ, Москва)

МАРТОВСКИЕ КОТЫ, или ПРЕЛЕСТЬ КАКАЯ ГЛУПЕНЬКАЯ

Обожаю начало весны! Обновление в природе передаётся на каком-то подсознательном уровне, и я ощущаю радостное волнение. Героически преодолевая зимнее сопротивление, весна всё-таки наступила. Март прочно укрепился в правах. Солнце охотно раскидывает тёплые лучи над шумным городом. Звуки меняются, люди преображаются, скидывая унты и тёплые шапки. Всё чаще можно увидеть женщин с лёгкими цветными шарфиками на шее и развевающимися от холодного мартовского ветра волосами. Мужчины не отстают, наоборот, опережают! Мужское начало просыпается по весне как никогда, охватывая жадным ищущим взглядом текущую людскую реку. Оттаяли, оттаяли мужские сердца и ловят кокетливые женские взгляды мимолётно, на бегу, подстраивая шаги под ритм весеннего пульса. И эти преображения – весь их букет – проходят под аккомпанемент кошачьих песен с завываниями, порой резко переходящими в звуки явного скандала. Мартовские коты! Это выражение укрепилось среди людей, недвусмысленно обозначая некое мужское поведение.

Любимое кафе на проспекте соблазняет меня ароматом кофе, приглашая расслабиться в уютном мягком кресле. Я принимаю приглашение и, изучая меню, наслаждаюсь приятной негромкой музыкой. Как всегда, заказываю капучино и устремляю взгляд в окно. Вот парочка прошла не торопясь, в обнимку. Трогательно, приятно. А вот милая девушка, изящно ступая на высоких каблуках, улыбается своим мыслям уголком рта. Наверное, она думает о любимом. А может, вчера было первое свидание? Или только минуту назад красавица осознала, что влюбилась? Во всяком случае, так она и выглядит - влюблённой. И правда, весной всегда хочется думать о любви, так уж повелось...

Согласитесь, отношения с мужчиной это большая часть нашей жизни. Тема многих разговоров, основа мыслей и желаний. Стимул для бесконечного самосовершенствования. Каждой женщине хочется найти мужчину мечты и выстроить правильные отношения. Чтобы, как говорится, «жили счастливо и умерли в один день». Я задумалась... Интересно, чтобы эти отношения были правильными, какими должны быть мы сами?

Частенько можно услышать, что умные женщины не в фаворе, им трудно наладить личную жизнь. Ну конечно! Редкое мужское эго выдержит рядом с собой умную, самостоятельную и, не дай бог, успешную женщину. Как сказал Жванецкий, женщины бывают двух видов: прелесть какая глупенькая или ужас какая дура. И многие представительницы прекрасного пола стараются изо всех сил соответствовать образу легкомысленно-прелестной дурочки, с которой никогда нет проблем. Так проще, и мужскому интеллекту заранее комплимент.

Погодите, что же тогда получается, умненьким нет в жизни счастья? Значит, придётся прикидываться глупенькой? А получится ли? Что ж нам так и жить, словно шпионки в вечном подполье? К тому же долго в «дурочках» не проходишь, на чём-нибудь да попадёшься. Но, с другой стороны, если не притворяться, рискуем не угодить мужскому самолюбию и остаться в стороне. А счастья-то всем хочется! Ну подумаешь, немного слухавить, чуток промолчать. Сделать вид, что нравится то, что никогда не нравилось. И поменьше своего мнения, пусть мужчина решает! А ты только ресничками вовремя похлопай, и будет тебе счастье...

Люди добрые, ради чего такие жертвы?! Ради мужчин, разумеется! А мужчины? От них мне что-то не доводилось слышать о переживаниях по поводу собственного несовершенства: слишком умный, чересчур богатый, фигура так себе - худеть надо, возраст подводит... Нет, такими вопросами, мужчины вряд ли озадачиваются! Я даже сильно подозреваю, что многие мужчины считают себя совершенными. Ну или почти. Это скорее женская привилегия - искать в себе недостатки. Так, возможно, нам стоит внимательнее приглядеться к тем, из-за кого мы так себя истязаем? Какие они, мужчины нашей мечты?

Не знаю, как в другое время года, но сейчас, весной, все обожаемые сильные половинки и правда похожи на мартовских котов. Не удивительно! Любовь просто витает в воздухе. Ею наполнены солнечные лучи, скользящие по лицам. Ею пропитаны облака, проливающиеся на асфальт мелким дождиком, полным феромонов. Даже кофе в моей чашке имеет особый, легкомысленно-весенний аромат. Что уж говорить о мужчинах? Они, словно обезумевшие четвероногие, принимаются к ароматному ветру и, держа хвост трубой, поют серенады.

Весна это как раз то самое время, когда послушно хлопающие ресницами «дурочки», легко находят своих «мартовских котиков». А те, полностью готовые к приключениям, любви и одомашниванию, легко отзываются на нежное «кис-кис». В общем, полное притяжение половинок! Три месяца бесконечного флирта и эмоционального подъёма. Начало, развитие и расцвет отношений...

Закончится май, пройдёт весна. Отпоют серенады мартовские коты, наступит знойное лето, примиряющее всех и вся. Пора отпусков, солёного моря, романтики закатов и ночей, полных любви. Июнь, июль, август промелькнут ярким бисером, оставляя позади жаркие воспоминания. Загорелым шлейфом останутся в воспоминаниях атлетические торсы выплывающих из моря неотразимых охотников за женскими сердцами. Пряным послекусием промелькнут поцелуи под луной, сопровождаемые стрёкотом цикад и цитрусовым ароматом южной ночи. И долго ещё будет мерещиться бархатный, соблазнительный шёпот. Эхом откликнется в памяти кокетливый смех красавицы, обласканной бризом во время прогулки под парусом...

Но всё в жизни циклично, и если чему-то наступает конец, наступает черёд другого, следующего по неумолимой шкале времени события. Осень, стылым ветром стирающая с лиц улыбки и пачкающая грязью новенькие сапожки, осыплет жухлой листвой тротуары. Город вздохнёт, стряхнёт с себя остатки летнего карнавала и наполнится рабочим настроением. Цветные шарфики уступят место тёплым свитерам. Соблазнительные босоножки останутся зимовать в коробках. «Дурочки» снимут маску легкомыслия, вольются в офисный ритм и домашние заботы. «Мартовские коты» слегка полиняют, и флёр романтики в их глазах сменит деловая хватка. Проходя по улице, полной дождевых рек, бывшие «коты» будут чаще смотреть под ноги, а не на проходящих мимо женщин. Всё встанет на свои привычные места. Жизнь вернётся в повседневную колею. Что же будет тогда с отношениями? Без масок и притворства? Так есть ли смысл в каком-либо притворстве или попытке искусственно менять себя? Как всё-таки правильно строить эти самые отношения?

Московский BAZAR, № 1 (15) 2015 г.

Я допила кофе и продолжила разглядывать прохожих в окне. Люди шли мимо, не подозревая о странной женщине, сидящей за столиком кафе и буквально сканирующей окружающий мир. Прохожие сменяли друг друга, появляясь и исчезая в рамке окна. Они жили каждый своей жизнью, встречались, влюблялись, ссорились и мирились. Кто-то в маске, кто-то с истинным лицом. Мне стало немного грустно от собственных мыслей. Нет, не может быть, чтобы всё заканчивалось так печально!

Конечно! В своих рассуждениях я упустила главное. Ведь недаром говорят: «суженый», «суженая». Судьба то бишь, а если судьба, то любовь - истинная. То есть каждому из нас где-то на небесах прописана своя вторая половинка. Так если мы встречаем её, свою истинную половинку, то не нужно надевать никаких масок. Никому! А значит, все притворства бессмысленны! Ведь тот, кто предназначен свыше, примет нас такими, какие мы есть. Умненькими и дурочками, полненькими и худенькими, юными и зрелыми. А мы? А мы сделаем всё, чтобы наш мужчина мечты, наш «котик» никогда не стал «мартовским». Уж мы ему и шёрстку вычешем, и накормим, и мягонько спать устроим. И любить будем без притворства, искренне! И будет всё хорошо!

А тем, кому всё же нужна наша маска и внешняя притворная оболочка, пожелаем удачной мартовской охоты! Пусть себе тешат самолюбие, удовлетворяют эго и умирят либидо. Купидон им в помощь!

Худ. Анна Народицкая, 2015

Московский Салон Литераторов (МОССАЛИТ)

www.mossalit.ru

mos.bazar2011@yandex.ru

© МОССАЛИТ, 2015